

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ У.Д. АЛИЕВА»

На правах рукописи

Косяшников Сергей Анатольевич

**ИНОГОРОДНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
УКЛАД И ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ
(вторая половина XIX – начало XX века)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Р.М. Бегеулов

Карачаевск 2022

С о д е р ж а н и е

Введение.....	3
ГЛАВА 1. СЕЛЬСКИЕ ОБЩИНЫ И ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ИНОГОРОДНИХ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА).....	26
1.1. Генезис поселенческих общин иногороднего населения.....	26
1.2. Становление и развитие управленческих и судебных структур.....	45
1.3. Эволюция правового положения иногородних.....	62
1.4. Социокультурная сфера: структура и тенденции.....	87
ГЛАВА 2. ИНОГОРОДНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ РЕГИОНА ВЕРХНЕЙ КУБАНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА).....	115
2.1. Общая характеристика природно-хозяйственных ресурсов и структуры населения края.....	115
2.2. Место и значение иногородних в хозяйственной жизни региона..	140
2.3. Региональное крестьянство в системе земельных отношений: формы собственности, землепользование, управление землересурсами...	180
2.4. Взаимосвязи иногородних с горским и казачьим населением.....	207
Заключение.....	216
Список использованных источников и литературы.....	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На территории современной Карачаево-Черкесии в результате известных военно-политических, миграционных процессов второй половины XIX в. сформировалось полиэтничное, поликультурное общество, которое, к тому же, делилось на ряд устойчивых социальных групп, обладавших теми или иными ограничениями, привилегиями, противоположными интересами, имевших немало антагонизмов и т.д. Естественно, что в сложившихся условиях межэтническое, межкультурное, социальное взаимодействие в регионе, порой, складывалось непросто, имелся конфликтогенный потенциал, проявившийся в годы революционных потрясений и гражданской войны. В этой связи, на наш взгляд, изучение и научный анализ исторического опыта взаимодействия (как позитивного, так и негативного) различных этнокультурных, социальных групп, политики властей в данном вопросе представляется актуальным и востребованным.

Иногороднее население на территории современной Карачаево-Черкесии, как и в других регионах страны, имело ряд правовых, социальных, экономических ограничений, что детерминировало рост общественных противоречий и социальных конфликтов. В то же время некоторые противоречия даже после исчезновения вызвавших их причин продолжают по инерции проявляться на уровне общественного сознания, а социальные конфликты, их причины и предпосылки могут воспроизводиться в тех или иных формах подобно новым историческим условиям. Соответственно генезис исторически значимых общественных коллизий выступал и будет выступать предметом научного изучения вне зависимости от той или иной эпохи, исследовательской мотивации, конкретных дисциплинарных целей и задач. Кроме того, подчеркнем, что сам по себе социальный конфликт – неперенный спутник любого общественного организма, что детерминирует перманентные исследования в данной сфере.

Актуальность темы данной диссертации, на наш взгляд, заключается также в том, что мигрировавшее с центральных и южных губерний Российской империи на Кавказ иногороднее население (русское в своей основе) объективно оказало большое влияние на экономический уклад юга страны, в частности на аграрный сектор казачьих и горских областей. Иногородние привнесли значительные новации в земледельческую культуру казаков и горцев, выступили социальной базой для развития ремесленных промыслов, зарождения промышленности на территории современной Карачаево-Черкесии. Полиэтническая группа иногороднего крестьянства стала зачинателем целого ряда экономических отраслей рассматриваемого региона. Изучение данного опыта не потеряло своей актуальности и может помочь в решении проблем аграрного сектора, дать новый толчок для его развития не только в Карачаево-Черкесской республике, но и на всей территории Северного Кавказа.

Исследуемая проблематика имеет также историографическую значимость. Обращение к данной теме детерминировано существованием лакуны, образовавшейся в современной историографии. Речь идет о том, что к настоящему времени пока ещё нет специальных и крупных работ, посвященных как специфической группе иногородних, так и истории славянской (не казацкой) общины на территории современной Карачаево-Черкесии. Кроме того, проведенное исследование может открыть возможности для новых исследовательских направлений (в области социальной, культурной, экономической истории региона), что является одним из важных факторов развития исторической науки.

Степень научной разработанности проблемы. В исследовании социальных, экономических, культурных, процессов среди населения региона Верхней Кубани важное место занимают гуманитарные науки, в том числе история. Историографию изучаемой нами проблематики условно можно разделить на три периода: имперский, советский и постсоветский. Начало более-

менее основательной разработки социально-экономического и правового положения иногородних Кубанской области относится к дореволюционному времени, когда начинают появляться довольно основательные труды, содержащие ценные концептуальные материалы.

При этом часть из них была посвящена не отдельно иногородним, а общему процессу колонизации Северо-Западного Кавказа в интересующий нас период второй половины XIX – начала XX в. Основное внимание, как правило, уделялось казачеству, но некоторые из авторов не могли обойти стороной и переселение в регион представителей других сословий¹.

Отдельная глава, посвященная иногородним и крепостным крестьянам, имеется во 2-м томе «Истории Кубанского Казачьего Войска» Ф.А. Щербинь². Однако в ней рассматривалась территория Черноморского казачьего войска, к которой не относился интересующий нас регион Верхней Кубани. Тем не менее, в данной работе содержатся ценные для нашей темы общие рассуждения не только о положении иногородних, но и о противоречивости действий региональных властей в отношении них в XIX в. Так, с одной стороны шли приказы об ограничении притока иногородних, а с другой – явно ощущалась нужда в них, так как они представляли собой необходимую для края рабочую силу и способствовали поднятию его экономического благосостояния. При этом Ф.А. Щербина давал следующее определение группе иногородних: это «стороннее (казачьему) войску русское население», включав-

---

¹ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 1-78; Верещагин А.В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. Живой вопрос наших окраин. СПб., 1878; *Его же*. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат. Доклад на общем собрании императорского Вольного экономического общества 17 января 1885 года. СПб., 1885; Фелицын Е.Д. К истории колонизации Кубанской области // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1885. № 21-23; *Его же*. Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области) // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1884. Т. 8. № 2. С. 250-284; *Его же*. Статистические таблицы пространства, населенности и сравнительные статистические таблицы численности народонаселения, браков, рождаемости, смертности и естественного приращения населения в Кубанской области за 7 лет с 1871 по 1877 гг. // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1880. Т. 7. С. 537-570; Щербина В.А. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений по бассейнам рек: Пшехи, Пшиша и Псекупса в Закубанском уезде Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2. С. 1-54; Щербина Ф.А. Колонизация кубанской области // Киевская старина. Киев, 1884. Т. 7. № 2. С. 529-545 и др.

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Краснодар, 1992.

шее отставных солдат, рабочих, пастухов и т.п., которых на Кубани в период войны «было очень мало»¹.

Одним из первых авторов, поднявших в дореволюционный период важнейшие проблемы иногородних на уровень широкого общественного обсуждения, был действительный член Кубанского областного статистического комитета Л.П. Мельников². В периодических публикациях он отмечал игнорирование иногородних как класса, что считал ненормальным и предлагал меры по улучшению их правового и экономического положения. В частности, автор исходил из обоснованного убеждения в том, что иногороднему населению необходимо предоставить самоуправление в рамках станичных обществ, на территории которых они расселены.

По сей день информативную ценность сохраняют «Историческая справка об иногородних...», которую составил и опубликовал В. Шамрай³, и работа «Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края» А.И. Шершенко⁴.

Несомненным достоинством работы Л.В. Македонова⁵ является то, что автор, выезжая на места лично, хорошо изучил положение дел ряда населенных пунктов Верхней Кубани (в том числе нагорных станиц – Зеленчукской, Исправной, Кардонинской, Красногорской, Преградной, Сторожевой и Усть-Джегутинской). Помимо значительного объема фактического материала, работу отличает и высокая степень теоретического анализа приводимых эмпирических данных. Для нас важным является недвусмысленное указание автора на то, что в начале XX в. шло неуклонное социальное расслоение в стани-

---

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Краснодар, 1992. С. 829.

² Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. 6. С. 73-140.

³ Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. 7. С. 71-175.

⁴ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Вып. I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 1-138.

⁵ Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908.

цах, как в казачьей, так и в иногородней среде, и массовое распространение батрачества.

Работу предыдущего автора в определенной степени дополняет статья К.Т. Живило¹, руководившего Кубанским музеем. Его интересовал уровень развития сельского хозяйства и промыслов среди населения Кубани (в том числе иногороднего), и в своей работе он, прежде всего, обобщил имевшиеся в его распоряжении статистические данные.

В рамках исследуемой нами проблемы значительную ценность представляют публикации Б.М. Городецкого². В одной из своих статей, посвященных крестьянскому земледелию на Северном Кавказе, он выделил три группы иногороднего населения Северного Кавказа. К первой были отнесены те, кто образовал самостоятельные поселения на казенных, войсковых и купленных участках, превратившись в «коренных жителей»; ко второй – иногородние, прожившие в станицах и получившие там оседлый статус; к третьей – не имевшие оседлости в каком-либо из сельских (станичных, аульных) обществ. Отметим, что типологии, предложенной М.В. Городецким, придерживались и мы в данной диссертации. Кроме того, именно данный автор одним из первых затронул вопрос о русском культурном влиянии на горские народы Кубанской области.

В ряду работ, посвященных, в основном, казачеству, но затронувших и проблему социально-правового неравноправия иногородних, взаимоотношений этих двух групп населения, следует отдельно упомянуть публикацию Л. Тмутараканского³. В отличие от многих других авторов он крайне негативно оценивал роль иногородних в крае и фактически призывал лишить их возможности заниматься сельским хозяйством.

---

¹ Живило К.Т. Сельскохозяйственный и промышленный сборник Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 499-580.

² Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия на Северном Кавказе в связи с деятельностью крестьянского поземельного банка. Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 484-485; *Его же*. Очерки по кубановедению // Кубанская школа. Екатеринодар, 1915. № 5.

³ Тмутараканский Л. Об экономически-социальном значении поземельного владения кубанских казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 189-262.

Вопросы расселения и особенностей хозяйственной, торговой жизни иногородних в целом по Кубанской области фрагментарно затрагиваются также в ряде работ по экономическому развитию края, по его географии и т.д.¹

Следует отметить, что большая часть упомянутых публикаций по сей день сохраняет значимость как прикладном, так и в теоретическом плане.

В довоенные годы советского периода (1920-1940 гг.) тема иногородних крестьян на территории современной Карачаево-Черкесии в историографии практически не освещалась. Хотя в эти годы продолжали выходить работы, затрагивавшие тему взаимоотношений иногородних и казаков, земельно-хозяйственных, арендных аспектов развития крестьянского хозяйства на примере соседних Кубани и Ставрополя². (В этом ряду можно отметить и монографию М.К. Любавского³, издание которой хоть и относится к 1996 г., но написана она была в конце 1920-х гг.)

Более основательно проблема иногороднего населения, в том числе на территории современной Карачаево-Черкесской республики, стала подниматься в историографии, начиная с 1950-х гг. и в последующие десятилетия. Не обошли вниманием данную проблематику обобщающие издания по истории региона⁴, в которых затрагивались вопросы расселения, хозяйства славянских крестьян, их влияния на местных горцев, а также значительное место

---

¹ Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // Сборник для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1897. Вып. 23.; Иваненко Н.С. Землевладельцы Кубанской области и разделы земель // Известия общества любителей изучения Кубанской области (ИОЛИКО). Екатеринодар, 1902. Вып. 3. С. 117-133; Собриевский А.С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 1-147.

² Овчинников А.М. Сельское хозяйство Ставропольской губернии в прошлом и настоящем (исторический очерк с 1875 по 1921 г.). Ставрополь, 1922; Малигонов А.А. Краткий географический очерк сельского хозяйства на Кубани в связи с его эволюцией. Краснодар, 1923; Гольденгул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Ростов-на-Дону-Краснодар, 1924; Рождаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе // Природные условия Северо-Кавказского края и организация крестьянского хозяйства. Ростов-на-Дону, 1925.

³ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярева. М., 1996.

⁴ См.: Народы Карачаево-Черкесии (Ист.-этногр. очерки) / Под ред. П.И. Балтина и М.М. Сакиева. Ставрополь, 1957; Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В.П. Невской. Ставрополь, 1967. Т. 1; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Л.И. Лавров. Черкесск, 1978. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988; Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / Отв. ред. А.М. Анфимов. Ростов-на-Дону, 1990.

в духе того времени отводилось описанию политических (революционных) аспектов общественной жизни крестьянского населения, созданию антиправительственных нелегальных политических кружков в их среде и т.д.

Одним из первых непосредственно к проблеме иногороднего населения вернулся в послевоенные годы В.П. Крикунов¹. Он изучал хозяйственный потенциал иногородних, его вклад в развитие северокавказского региона.

Оновательно разрабатывала вопрос иногороднего крестьянства на территории современной Карачаево-Черкесии в своих трудах В.П. Невская². В частности, она поднимала вопросы, связанные с взаимоотношениями иногородних и казаков, с общинным самоуправлением, с земельными отношениями и др. Непосредственно историей развития сельского хозяйства в горных районах Кубанской области в интересующий нас период, затрагивая роль иногородних в этом процессе, занимался А.Д. Бесленев³. Вопросам развития сельского хозяйства, в том числе иногородних крестьян, уделили внимание П.П. Матющенко⁴ и П.А. Шацкий⁵. Однако эти работы опять-таки касались, в основном, территорий Ставрополя и Кубани. Определенный вклад в историографию вопроса, относящегося к иногороднему населению на Севе-

---

¹ Крикунов В.П. К изучению истории иногороднего населения на Северном Кавказе в пореформенный период // Ученые записки Кабардинского педагогического института. Нальчик, 1953. Вып. 5. С. 183-187; *Его же*. Некоторые вопросы изучения хозяйства горцев, крестьян и казаков: по данным военно-конских переписей (1891-1903 годов) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1976. № 3. С. 93-96.

² Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института (КЧНИИ) / Отв. ред. Э.А. Джанибеков. Вып. IV. Серия историческая. Черкесск, 1959; *Её же*: Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX века // Труды КЧНИИ / Отв. ред. Э.А. Джанибеков. Вып. VIII. Серия историческая. Ставрополь, 1964.

³ Бесленев А.Д. Развитие сельского хозяйства в горских районах Кубанской области в пореформенный период (1868-1900 гг.). Дис. канд. ист. наук. М., 1970.

⁴ Матющенко П.П. Аграрная политика царизма по отношению к иногороднему крестьянству Кубани и Терек (вторая половина XIX - начало XX в.) // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в.: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. - С. 73-85.

⁵ Шацкий П.А. Заселение Ставрополя после реформы 1861 года и положение крестьян-переселенцев // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 11. С. 197-214; *Его же*. Землевладение и землепользование в Ставропольской губернии в 70-90-х годах XIX в. // Сборник трудов Ставропольского педагогического института. Ставрополь, 1958. Вып. 13. С. 105-135; *Его же*. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. Рига, 1963. С. 501-510; *Его же*. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861-1905 гг.: (Историческое исследование) // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 3-320.

ро-Западном Кавказе, внесли также работы, посвященные общим вопросам экономического, политического, культурного развития региона¹.

Можно сказать, что в освещении проблемы социальной дифференциации сельского населения, в характеристике положения иногороднего населения советская историография региона относительно недалеко ушла от дореволюционных авторов. Её отличал, пожалуй, лишь более выраженный идеологический фон, акцентуация на классовый подход. Относительно слабая

---

¹ Громов В.П. Население степного Предкавказья (Ставропольской губернии и Земли Черноморского войска) в последней четверти XVIII - первой половине XIX вв.: формирование, социальный состав. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1983; Мазеин В.А. Неземледельческие занятия сельского населения Кубани в конце XIX - начале XX вв. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. С. 63-73; Матющенко П.П. Некоторые вопросы земельной политики царизма в казачьих областях Северного Кавказа в пореформенный период (1861-1914 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. научных трудов. Краснодар, 1985.-С. 42-51; Мошкович Г.Г. Вопросы развития крестьянского землевладения на Кубани в трудах Б.М. Городецкого (конец XIX - начало XX в.) // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. науч. трудов, Краснодар, 1987. С. 128-139; Ратушняк В.Н. Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX - начале XX в. // Вопросы исторической науки. Краснодар, 1969. С. 237-244; *Его же*. Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. - 1914 г.) // Проблемы отечественной истории. М., 1973. С. 208-227; *Его же*. Товарное производство в сельском хозяйстве Кубанской области в конце XIX - начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; *Его же*. Материально-производственная база земледельческих хозяйств Кубанской области в конце XIX - начале XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. 8. С. 314-336; *Его же*. Частное землевладение в Кубанской области во второй половине XIX - начале XX в. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1975. № 1. С. 82-87; *Его же*. Развитие производительных сил кубанского земледелия в конце XIX - начале XX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1970 г. Рига, 1977. С. 218-226; *Его же*. Товарно-капиталистическое производство в сельском хозяйстве Кубани в конце XIX - начале XX в. // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 183-220; *Его же*. Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX вв.: Учебное пособие. Краснодар, 1982; *Его же*. Земельная аренда на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX в. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. С. 86-110; *Его же*. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX - начале XX века. (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов-на-Дону, 1989; *Его же*. Рост средств производства и товарообмена в сельском хозяйстве Северного Кавказа в конце XIX - начале XX вв. // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем / Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1990. С. 3-15; Хуранов Ш.Ш. Развитие торгового тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в пореформенный период // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная культура). Черкесск, 1983. Вып. 2. С. 177-190; *Его же*. Эволюция грубошерстного овцеводства в Кубанской области в пореформенный период // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. С. 55-62; *Его же*. Развитие капиталистических отношений в молочном и сыроваренном производстве Северного Кавказа (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем / Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1990. С. 69-77; Трехбратов Б.А. К вопросу о формировании сельскохозяйственных рабочих в Кубанской области // Научные труды кафедры истории Ставропольского педагогического института.-Ставрополь, 1972. С. 111-138; *Его же*. Сельскохозяйственные рабочие Кубанской области в пореформенный период (1861-1904 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1973 и др.

разработанность интересующей нас проблемы в советский период объяснялась, на наш взгляд, также тем обстоятельством, что Карачаево-Черкесия входила в состав Ставропольского края. В итоге, «русская тема» закреплялась за краевыми научными учреждениями, а автономия концентрировалась на изучении горских этнических групп.

Более активно и, можно сказать, масштабно история иногороднего населения на Кубани стала разрабатываться в постсоветский период. Приоритет в этом направлении принадлежит краснодарским исследователям. В очередной раз поднимая вопрос становления кубанского казачества, основных вех его политического, культурного, экономического развития не смог обойти вниманием проблему нарастания иногородне-казачьего антагонизма И.Я. Куценко¹. Автор отмечает, что нерешенность земельных и правовых коллизий привела к трагическим последствиям после революции 1917 г.

Кандидатская диссертация И.В. Данильченко² рассматривает различные аспекты общественной жизни сельского населения Кубани, включая (в формате одного параграфа) положение иногородних в период между отменой крепостничества в России и началом Первой Русской революции. Характеристики статуса иногороднего населения, по сути, воспроизводят оценки, выдвинутые в дореволюционной литературе. К тому же автор отстаивает верность «марксистских теоретических положений о крестьянстве и его судьбах».

Крестьянство, иногородняя прослойка Северного Кавказа в условиях капиталистической модернизации стали отчасти объектом диссертационной работы А.С. Шепелевой³, посвященной формированию социокультурных и политических интересов населения. По её мнению, главной спецификой социогенеза Северного Кавказа являлась «ведущая роль иногородних» в фор-

---

¹ Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993.

² Данильченко И.В. Сельское население Кубанской области в пореформенный период: Динамика структуры, общественное и правовое положение 1861-1904 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999.

³ Шепелева А.С. Формирование социокультурных и политических интересов населения Северного Кавказа в начальный период индустриальной модернизации России (1897-1913 гг.). На примере Кубани и Ставрополья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

мировании основных социальных страт и неприятие индустриальной модернизации и связанных с ней капиталистических ценностей практически всеми слоями населения, в том числе казаками и крестьянами.

Проблема положения иногороднего населения Северного Кавказа в процессе рыночной модернизации региона также рассматривалась в 4-й главе диссертации Т.А. Шебзуховой¹. Отмечая на Кубани большую долю средних и зажиточных хозяйств как у крестьян (свыше 65%), так и казаков (более 68%), автор обосновывает тезис об обеспеченности тех и других слоев населения, успешно адаптировавшихся к рынку в ходе реформ. Т.А. Шебзухова выдвигает тезис о том, что основным процессом в аграрном секторе Кубани было перерастание патриархального крестьянского хозяйства в капиталистическое, что соответствует известному ленинскому определению одного из путей генезиса капитализма.

Правовые аспекты положения казачества и крестьянства Юга России, специфику юридической составляющей земельных отношений исследовали О.Б. Герман² и Г.М. Умерова³. Оба автора солидарны с тем, что сложившееся в дореволюционный период положение дел в земельном вопросе не устраивало ни иногородних (воспринимавших казачье доминирование в землевладении как большую несправедливость), ни казачество (с трудом воспринимавшее рыночные отношения из-за устаревших положений о казачьей земле и занятости на военной службе).

Различные сферы торгово-хозяйственной деятельности иногородних на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. затрагивала Е.М. Батаева⁴. Автор делает вывод о том, что именно иногородние занимали «лидирующее положение» в развитии промышленности и торговли региона.

---

¹ Шебзухова Т.А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России 60-х гг. XIX - начала XX вв.: опыт системного анализа. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2002.

² Герман О.Б. Правовое положение казачества и крестьянства Юго-Востока Европейской России в 1861-1920 гг. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2004.

³ Умерова Г.М. Историко-правовой анализ земельных отношений на Юге России в 1861-1918 гг. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

⁴ Батаева Е.М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России (1861-1914 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

Правовой аспект процесса реализации столыпинских реформ на Кубани на примере крестьянства освещает С.В. Мушегян¹. По его мнению, к появлению в регионе «значительного слоя частных земельных собственников» привело применение 3-х экономических рычагов, среди которых землеустройство крестьян, деятельность Крестьянского Поземельного Банка, переселение крестьян на пустующие территории.

В диссертации С.Н. Рыбко² освещается деятельность Русской православной церкви (РПЦ) на Кубани в пореформенный период. Но попутно автор рассматривает вопрос о формировании прослойки регионального духовенства, которое формировалось в том числе за счет иногородних, которые даже стали преобладать в нем к началу XX в.

Иногородним из числа греческих переселенцев посвящен ряд публикаций О.В. Юраковой³. Она отмечает, что православное вероисповедание явилось ключевым фактором их успешной интеграции в русское этнокультурное пространство Северного Кавказа, но параллельно акцентирует внимание на неразвитости у кубанских греков земледелия и скотоводства.

Вопросы миграции иногородних на Кавказ изучались Л.В. Бурыкиной⁴, которая, как и многие другие авторы имперского и советского периодов, солидарна с мнением об их практически полной бесправности в экономическом и политическом отношениях в годы Кавказской войны.

Продолжил изучение аграрной политики в отношении иногороднего крестьянства также П.П. Матющенко⁵, посвятивший этой проблеме немало

---

¹ Мушегян С. В. Правовое регулирование земельных отношений на Кубани в конце XVIII - начале XX века. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

² Рыбко С.Н. Деятельность Русской Православной церкви в Кубанской области (1860-1917 гг.): управление, церковная жизнь, духовное образование, просвещение. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.

³ Юракова О.В. Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. - 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010; Она же: Греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе (середина XIX – начало XX вв.) // Кубанский сборник. Краснодар, 2012. Т. IV(25). С. 271-291.

⁴ Бурыкина Л.В. Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е – 50-е гг. XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 39-46.

⁵ Матющенко П.П. Переселения крестьян в казачьи области Северного Кавказа в политике царизма конца XIX в // Теория и практика общественного развития. Исторические науки. Краснодар, 2013. №12/2. С. 23-26;

работ в советское время. Проблему иногородне-казачьих отношений вновь поднимали в своих статьях И.М. Федина¹, Н.В. Варивода²; а вопрос влияния иногородних на повседневную жизнь казачества затронула также Е.В. Годова³.

Интересующие нас сюжеты также получили некоторое отражение в работах обобщающего характера по истории крестьянства и региона в целом⁴.

Фундаментальной работой стало непосредственное исследование различных аспектов расселения, правового, социального, экономического и прочего положения иногородних в Кубанской области А.В. Беликова⁵. В своей диссертации автор акцентировал внимание на политике центральных и региональных властей в отношении иногороднего населения Кубани, отметив её противоречивый характер, подробно охарактеризовал его хозяйственную деятельность, остановился на социально-демографических характеристиках и т.д. Однако, несмотря на то, что данная диссертация была посвящена непосредственно иногородним Кубанской области, автор фактически построил её в большей степени на географических рамках современного Краснодарского края. Таким образом, Баталпашинскому отделу в данном исследовании внимания почти не уделяется, равно как и вопросам генезиса поселений иногородних на территории Верхней Кубани, их влиянию на хозяйственную культуру горцев и казаков в данном регионе, вкладу в экономическое развитие

Его же. Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терека в период контрреформ в России // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 21. С. 183-186.

¹ Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX-XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 2. С. 175-177.

² Варивода Н.В. Русская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XVIII – начале XX в. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2007. № 16(2). С. 139-141; *Её же.* Гражданская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XIX в. // Социально-гуманитарные знания. М., 2019. № 3. С. 275-282 и др.

³ Годова Е.В. Влияние иногородних на повседневную жизнь казачьих станиц // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2016. № 3-1. С. 19-25; *Её же.* Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX века. Дисс. ... докт. ист. наук. Самара, 2018.

⁴ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Ставрополь, 1994; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общей ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.

⁵ Беликов А.В. Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2002.

современной Карачаево-Черкесии и т.д. К тому же хронологические рамки работы не выходят за рамки второй половины XIX в.

Таким образом, наши предшественники заложили определенную базу в деле изучения различных аспектов жизнедеятельности общины иногородних на Кубани и Юге России в целом. Однако часть вопросов (например, в сфере самоуправления, хозяйственно-культурного взаимодействия, организации трудовой деятельности и др.) осталась малоисследованной. К тому же большим недостатком значительной части из упомянутых выше работ является то, что они затрагивали интересующую нас проблематику применительно к территории современной Карачаево-Черкесии либо весьма поверхностно, либо не касались её вовсе. Данные обстоятельства создают необходимые предпосылки для более подробного и основательного изучения данного вопроса, что мы и попытались осуществить в представленной диссертации.

Объектом предлагаемого исследования выступает иногороднее население на территории современной Карачаево-Черкесии во второй половине XIX - начале XX в.

Предметом диссертационного исследования явились поселенческий и хозяйственный ареал, демографические и экономические ресурсы иногородних рассматриваемого региона, нормативная основа их социального и правового статуса в XIX – начале XX в.

Целью исследования представленной работы выступает комплексный исторический анализ социальных, культурных, правовых, хозяйственных процессов среди иногороднего населения на территории современной Карачаево-Черкесии во второй половине XIX - начале XX в. Исходя из сформулированной цели, нами были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть причины, предпосылки и этапы формирования социокультурной группы иногородних в регионе Верхней Кубани;
- охарактеризовать особенности судебной системы и управленческой структуры, сложившейся в местах проживания иногороднего населения;

- изучить правовое положение иногородних, его эволюцию и основные элементы политики органов государственной власти в отношении данной категории населения, а также его стратификацию;

- проанализировать социокультурные процессы в иногородней среде во второй половине XIX – начале XX в.;

- дать общую характеристику природно-хозяйственных ресурсов Верхней Кубани и структуры населения края, в том числе определив удельный вес иногородних в структуре населения станиц и аулов;

- определить место и значение иногородних в хозяйственной жизни региона, его вклад в становление и развитие местных отраслей экономики;

- выявить роль и значение верхнекубанского крестьянства в системе земельных отношений, в том числе в вопросах собственности, землепользования, управление земресурсами;

- осветить взаимосвязи иногороднего населения с казаками и горцами и показать его влияние на хозяйство и культуру коренных народов.

Хронологические рамки настоящей работы ограничены, в основном, периодом с 1860-х гг., когда в регионе начинает широко расселяться иногороднее население, по 1917 г., когда пала монархия и разрушился детерминировавший появление иногородних социальный и правовой уклад. Тем не менее, в отдельных случаях мы выходили за обозначенные рамки, чтобы показать преемственность или взаимную обусловленность тех или иных событий и явлений.

Географические рамки диссертации охватывают территорию современной Карачаево-Черкесской республики, большая часть которой (за исключением небольшой восточной части) до революции входила в Баталпашинский отдел Кубанской области. В работе мы также применяем географический термин «Верхняя Кубань».

Источниковая основа представленной к защите работы включает ряд категорий опубликованных и неопубликованных источников.

В данной диссертационной работе были задействованы различные законодательные и нормативно-правовые акты. В рассматриваемый период государственные органы, в целом, осознавали необходимость регулирования правового и социально-экономического статуса такой категории населения, как иногородние. В этой связи выходили различные законы и нормативные документы, опубликованные в официальных изданиях того времени, издававшиеся отдельными брошюрами и т.д.¹.

Наиболее важное значение для нашего исследования имели делопроизводственные документы (приказы, постановления, распоряжения, протоколы, записки и др.), откладывавшиеся по итогам работы государственных и общественных организаций и учреждений. В диссертации использованы опубликованные сборники таких документов, издававшиеся как в дореволюционное, так и в советское время². Они важны, прежде всего, с точки зрения анализа статуса иногородних, вопросов появления их первых самостоятельных поселений, основы хозяйственной деятельности, проблем социальной и экономической жизни. Значительная часть делопроизводственных документов по теме исследования неопубликована и находится в архивах. В процессе исследования были задействованы материалы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК)³, Государственного архива Карачаево-Черкесской

---

¹ Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. СПб., 1862; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIII. Отделение 1. СПб., 1868; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIX. Отделение второе. СПб., 1874; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 54. СПб., 1881; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. VIII. 1888. СПб., 1890; Полное собрание законов Российской Империи. Третье собрание Т. XXIX. СПб., 1912; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XIX. СПб., 1884; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XXXVII. За 1901 год. СПб., 1902; Положение об общественном управлении станций казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891; Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1-я. СПб, 1914 и др.

² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т. 12; Революционное движение на Кубани в 1905-1907 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Г. Т. Чучмай. Краснодар, 1956. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917) (СЭПКРНКЧ). Сборник документов / сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985 и др.

³ Фонд 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска»; Фонд 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска»; Фонд 574 «Кубанская областная чертежная»; Фонд 460 «Кубанский областной статистический комитет»; Фонд 470 «Дирекция народных училищ Кубанской области Министерства народного просвещения»; Фонд 774 «Канцелярия Помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами».

республики (ГА КЧР)¹, Государственного архива Ставропольского края (ГАСК)² и других. Данный вид источников содержит важную информацию по проблемам взаимоотношений различных социальных групп населения в Баталпашинском отделе Кубанской области, хорошо отражает вопросы социально-экономической жизни иногородних, развитие инфраструктуры региона и т.д. Важной их особенностью является также то, что они содержат ценную информацию по неславянским группам иногороднего населения, проживавшим на территории современной Карачаево-Черкесии. Архивные данные также важны в плане фиксации и анализа статистических данных.

В то же время представленные в архивохранилищах данные хорошо дополняются и коррелируются такими источниками, как статистическо-справочные издания. Во второй половине XIX – начале XX в. их издавалось немало; они были весьма информативны, содержали разнообразный материал, касавшийся численности населенных пунктов и населения, его социальной дифференциации, объемов аграрного и промышленного производства и др. В этой связи в процессе написания диссертации мы их активно привлекали в большом количестве. Среди них такие сборники, как «Памятная книжка Кубанской области» «Кавказский календарь», «Кубанский календарь», «Вся Донская Область и Северный Кавказ», материалы переписи и др.³

В значительной степени помогают дополнить архивные материалы и статистические данные публикации в периодических изданиях. Прежде всего, привлекались региональные издания («Кубанские войсковые ведомости», «Кубанские областные ведомости»), печатавшиеся в Екатеринодаре – административном центре Кубанской области, куда в описываемое время входила

---

¹ Фонд 4 «Баталпашинское станичное правление»; Фонд 5 «Управление начальника Баталпашинского уезда Кубанской области; Фонд 7 «Учкуланское аульное правление»; Фонд 8 «Коллекция копий документов по истории народов Кубанской и Терской области»; Фонд р-4 «Управление Баталпашинской отдельской рабоче-крестьянской милиции Кубано-Черноморской области»; Ф. 347 «Центр документации новейшей истории».

² Фонд 101 «Канцелярия Ставропольского губернатора».

³ Памятная книжка Кубанской области / Под ред. Е.Д. Фелицина. Екатеринодар, 1876-1881; Кавказский календарь. Тифлис, 1890, 1894, 1904, 1909, 1916; Кубанский календарь / Под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1901-1916; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год / Книга администрации, промышленности и торговли / Под ред. Д.С. Найфельда. Ростов-на-Дону, 1901, 1908, 1912; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 65 (Кубанская область). СПб., 1902.

большая часть территории современной Карачаево-Черкесии, а также материалы газеты «Кавказ», издававшейся в Тифлисе.

Определенный интерес для нашей работы представляют также опубликованные материалы личного происхождения. В их числе – бытописательные очерки, воспоминания, газетные заметки обывателей и т.п. При всей их субъективности, они нередко предоставляли важную информацию о занятиях населения, о новациях в быту и хозяйстве¹.

Еще одну важную группу источников составили научные труды², отражавшие представления прошлых лет, и Интернет-ресурсы, среди которых, в первую очередь, выделяется информация о диаспорах и их населенных пунктах в Баталпашинском отделе, о происхождении и судьбе местных аграрных магнатов из числа иногороднего населения и т.д.

Проведенный анализ источников по проблеме социального, хозяйственного уклада и системы управления иногородних на территории современной Карачаево-Черкесии дает представление об их видовом разнообразии и информативной отдаче. Наличие широкой и разноплановой источниковой базы дает возможность для корреляции и объективного отражения действительности.

Методология и методы исследования. Методологической основой предлагаемой работы являются важнейшие исследовательские *принципы* – объективность (критический подход к источникам), историзм, системность.

Установка на историзм позволила оценивать и объяснять изучаемые явления и процессы исходя из реалий рассматриваемой эпохи. Например, по-

---

¹ Алейников. Бедствия зимы / Алейников // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1880. № 2. С. 3; Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. Вып. 2. 1884. С. 368-371; Ган К.Ф. В верховьях Кубани и Теберды (июль 1892 г.) // Кавказ. 17 декабря 1893. № 334; Ефременко Ф. Два слова о Закубанских лесах // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1902. № 9; Новицкий В.Ф. В горах Кавказа. Три поездки в окрестностях Эльбруса летом 1896 г. и восхождение на эту гору // Известия Императорского Русского Географического общества (ИИРГО). Том XXXIX. Вып. 2. СПб., 1903. С. 89-153; Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе // Русский архив. М., 1904. Вып. 4. С. 664-682 и др.

² Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказарамберг. Нальчик, 1999; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2001. Т. 1; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2001. – Т. 2 и др.

явление основной массы иногороднего населения в Верхней Кубани следует объяснять в тесной связи с крупными событиями 1860-70-х гг. – окончанием Кавказской войны и освобождением крестьянской массы от крепостничества, повлекшим за собой миграционные процессы.

Принцип системности требует, чтобы эволюция статуса иногородних на Кубани рассматривалась, с одной стороны, как самостоятельный исторический процесс, проходивший одновременно в нескольких общественных системах – социальной, экономической, культурной, правовой, политической, а с другой – как часть более масштабного исторического явления – непрерывного процесса стратификации российского общества.

Принцип объективности позволил воспринимать привлекаемые источники как продукт своей эпохи, отражающий субъективные моменты, реальную невозможность в то время добиться максимально полных и достоверных сведений по тем или иным сферам, вычленив другие факторы, искажавшие реальное положение дел.

Перечисленные принципы на практике реализованы через конкретные *методы* исследования. В работе нами применялся базовый для науки *общий* исследовательский инструментарий, включающий анализ изучаемого материала, сравнение и сопоставление, обобщение, изучение фактов в соотношении с пространственной и временной локализацией.

Специальные методы исторического исследования также нашли применение в настоящей работе. Историко-генетический метод позволил осветить тему социального генезиса (зарождения, становления и развития общественных страт, в данном случае – прослойки иногородних). Связанный с этим метод диахронного сравнения раскрывает черты, отличающие один этап истории иногороднего населения от другого, а также сохраняющие его качественную общность. Метод синхронного сравнения дал возможность уяснить и обозначить различия в формировании, статусе иногородних и других категорий населения региона. Используемый в настоящей работе историко-

статистический метод дал возможность выявить и обосновать тенденции развития Верхней Кубани (экономического, социального и демографического плана), а также обозначить компоненты её общественной и хозяйственной структуры.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проведено всестороннее исследование истории полиэтничного иногороднего населения (в основе своей крестьянского) Карачаево-Черкесии. Имеющиеся научные труды по истории иногородних, в том числе в Кубанской области, практически не отражали специфику социокультурных процессов, происходивших среди данной группы населения в регионе Верхней Кубани, не затрагивали особенностей её коммуникации с другими местными этническими, этносословными сообществами и т.д. В представленной работе, исходя из комплексного подхода, впервые определяются основные этапы формирования в регионе некогда значительного социального слоя иногородних и обозначаются факторы, обуславливавшие основные черты его формирования, развития, социально-правового статуса и т.д. На примере региона Верхней Кубани показана исторически равносильная роль государства и рынка в социогенезе в целом, в ускорении и торможении процесса социальной стратификации в частности. Региональный материал иллюстрирует противоречие между сословным строем, порожденным, регулировавшимся и охранявшимся государством, и классовым социальным укладом, появившимся в ходе рыночного развития страны. Показано, что сельские капиталисты (верхушка крестьянства и аграрное купечество) в имперский период оказались более интегрированными в товарно-денежную систему, чем верхушка казачества. Отмечено, что правовые меры, предпринимаемые казачеством для резонной защиты от иногородних-капиталистов («кулаков», «мироедов»), в реальности ударяли по обездоленной массе иногородних жителей станиц. С другой стороны возникали коллизии между иногородней олигархией (аграрными магнатами крестьянского и купеческого происхождения) и низами иногород-

него населения. В целом даётся объяснение и характеристика социальных противоречий сельского населения Верхней Кубани, которые неуклонно усугублялись, приобретая со временем формы революционного катаклизма.

Автором представлены следующие положения, выносимые на защиту:

1. Государственная политика центральных и региональных властей по отношению к иногородним на территории Кубанской области, как и по всей стране в целом, отличалась непоследовательностью, зачастую имея явный дискриминационный характер. При этом, несмотря на враждебность со стороны значительной части казаков и правовые меры ограничительного характера, иногородние во второй половине XIX в. все активнее расселяются в регионе Верхней Кубани. Уже к концу данного столетия они составляли около трети от всего местного населения и превратились в важную составляющую его экономической жизни.

2. Жители иногородних поселений (крестьянских сел и хуторов) в регионе Верхней Кубани преимущественно были заняты в аграрной сфере, а иногородние в станицах – главным образом в промысловой сфере. При этом именно они также заняли ведущие позиции в сфере региональной торговли, в которой доминирующую роль составили выделившиеся из иногороднего крестьянства предприниматели (в том числе купцы), первыми в регионе создававшие торговые дома.

3. Иногородние раньше и шире, чем коренное (казачье и горское) население, начали использовать передовые для своего времени экономические инструменты – банковское кредитование, торговые биржи, приемы кооперации и т.д.

4. В иногородней среде получили широкое распространение ремесленные промыслы (в том числе довольно сложные). Полученные в этой области навыки позволили данному сегменту местного населения в последующем создать на их основе сотни производственных и торговых предприятий. В про-

цессе дальнейшего развития иногородние составили основу хозяйственников-организаторов и рабочих, чьим трудом зарождалась региональная индустрия. Последняя базировалась в описываемое время на массе мелких производственных структур, прежде всего – по освоению природных ресурсов края и переработке сельскохозяйственной продукции.

5. В силу указанной выше специфики иногородние внесли существенный вклад в социально-экономическое развитие региона Верхней Кубани и оказали определенное влияние на хозяйственный уклад местных горцев и казаков, заимствовавших у них формы организации труда, передовые приемы ведения сельского хозяйства, новшества в сфере подсобных отраслей, растениеводства, скотоводства, селекции животных и т.д.

6. Коллизии в сфере правового и социального статуса иногородних, малоземелье определенной их части, специфика экономической деятельности, в условиях предпринимаемых властями усилий по сохранению особого статуса казачества и его привилегированного положения, приводили к росту конфликтности. Хотя иногороднее население нагорной части Баталпашинского отдела первоначально отличалось меньшей склонностью к активному социальному протесту, чем в других регионах области, нерешенные в имперский период вопросы в этой сфере оказали существенное влияние на уровень накала гражданского противостояния на территории современной Карачаево-Черкесии в годы общероссийского кризиса 1917-1920 гг.

7. Отдельные элементы особенностей этносоциального взаимодействия, социально-экономического, культурного развития с участием иногороднего населения в имперский период на территории современной Карачаево-Черкесии (кооперация, организация труда, аграрно-промышленные новации, система привилегий и т.д.), имевшие место во второй половине XIX – начале XX в., как нам представляется, не утратили своей актуальности и представляют несомненный интерес для современных общественных органи-

заций, научно-исследовательских структур, органов государственной власти на региональном и федеральном уровнях.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно проведено в соответствии с концептуальными установками современной парадигмы гуманитарных дисциплин, его научные выводы могут использоваться в рамках современных исследовательских практик в области истории, при разработке базовых проблем изучения социально-экономической жизни, генезиса компонентов культуры (в широком понимании) не только Карачаево-Черкесии, но и других регионов и макрорегионов России, в целом – их социокультурной истории.

Практическая значимость настоящей работы состоит в том, что опыт успешной хозяйственной деятельности иногороднего населения, может быть востребован и полезен на современном этапе развития, в том числе применительно к национальным республикам Северного Кавказа. Кроме того, изложенные здесь материалы, концептуальные положения, научные выводы могут в той или иной степени применяться при исследовательской разработке проблем социального и хозяйственного развития народов Карачаево-Черкесии дореволюционного времени, культурной, правовой и политической истории Юга России, общей региональной истории Северного Кавказа, а также при изучении смежной научной тематики, составлении справочных и краеведческих изданий.

Соответствие темы диссертационного исследования требованиям паспорта специальностей ВАК РФ. Работа выполнена в рамках специальности 5.6.1. Отечественная история и соответствует паспорту в п. 7 История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности и п. 21 История экономического развития России, ее регионов.

Апробация итогов настоящей работы осуществлена в следующих формах: проведено обсуждение диссертации на заседании кафедры истории

России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева; положения и выводы исследования изложены в 10 научных публикациях, включая три статьи, изданные в журналах, рецензируемых ВАК РФ. Значимые результаты исследования излагались в форме докладов на научных конференциях различного уровня в Карачаевске, Махачкале, Биробиджане.

Структура настоящего исследования состоит из введения, двух глав (по четыре параграфа в каждой из них), заключения и списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. СЕЛЬСКИЕ ОБЩИНЫ И ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ИНОГОРОДНИХ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Появление славянского населения в рассматриваемом регионе непосредственно было связано с военно-политическими процессами первой трети XIX в. Именно в то время на правобережье верхнего течения Кубани появились первые укрепления российской армии, в которых, помимо собственно военных, проживали и *гражданские* лица, с которыми в определенной степени связано и зарождение ранней прослойки иногородних. Первоначально в её структуре крестьянского сегмента практически не было; преобладали ремесленники, встречались торговцы, оседали семьи отставных солдат и др.

1.1. Генезис поселенческих общин иногороднего населения

Большинство русских поселений на территории современной Карачаево-Черкесии периода Кавказской войны возникло на месте укреплений, что, конечно, не было случайностью. Царское командование исходило из того, что для действительно прочного укоренения русского присутствия вместе с укреплениями должны создаваться и *военные поселения*. Об этом прямо говорилось в так называемом отношении к министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде командира Отдельного Кавказского корпуса И.Ф. Паскевича (от 5.06.1831 за №1102). Военачальник указывал на крайнюю важность – через русские укрепления и такие поселения – контролировать «равнины близ гор и выходы рек из ущелий, где находится вся промышленность и все способы их [горцев] существования». Этот контроль, как полагал Паскевич, являлся принципиальным шагом к неизбежному приведению горского населения (жизнеобеспечение которого основано было на отгонном скотоводстве) в подданство империи¹.

---

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Далее АКАК). Тифлис, 1878. Т. 7. С. 903.

Как отмечал дореволюционный историк В. Шамрай, многие нижние чины, отслужив в укреплениях Кавказской линии, выйдя в отставку, уже на правах гражданских лиц, оставались там же. Для них начальство отводило «особое место» на отведенной укреплениям земле, где, таким образом, возникали «из отставных нижних чинов» *форштадты*, т.е. поселения при крепостях, к которым «присоединялись и другие разночинцы», т.е. иногородние¹. По сути, и создание казачьих станиц – как поселений лиц военного сословия – стало реализацией установки командования на сочетание укреплений с военными поселениями.

Первые русские укрепления в регионе появились в 1804 г. в предгорной зоне на правом берегу Кубани, по руслу которой тогда проходила граница между Российской и Османской империями. Руками солдат чуть южнее современного города Черкесск возвели *Баталпашинский редут*², который получил свое название по случаю памятного разгрома в тех местах русскими войсками турецкого корпуса Батал-паши за полтора десятилетия до этого. Вскоре здесь был открыт Баталпашинский карантинный пункт, куда по данным Генерального штаба полковника А.М. Буцковского (1812 г.) горцы-карачаевцы готовы были доставлять «отличный строевой лес»³. Севернее этого укрепления, в устье речки Тохтамыш (современная р. Абазинка) в том же 1804 г. был создан и *Усть-Тохтамышевский пост*⁴, упоминаемый в русских документах также в конце в 1820-х гг.⁵

Почти одновременно с утверждением этих форпостов, в 1805 году представ Кабарды полковник И.П. Дельпоццо выдвинул проект создания кордонной верхнекубанской линии укреплений, которая, простираясь от Баталпашинского редута вверх по течению Кубани, могла бы контролировать со-

---

¹ Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового Архива. // Кубанский сборник. Т. 7. Екатеринодар, 1901. С. 82-84.

² Чекменев С.А. Включение Карачая и Черкесии в состав России // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 278.

³ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сб. документов (Далее СЭПКРНКЧ). Ростов-на-Дону, 1985. С. 34.

⁴ Невская В.П. Карачай в XIX веке // Ас-Алан. М., 2002. №1(6). С. 316.

⁵ АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 878.

общение с «турецким» левобережьем, с неконтролировавшимся тогда Россией Закубаньем. В частности, предлагалось построить «капитальную крепость» на речке Тохтамыш в расчете на пехотный батальон, эскадрон драгун, 80 казаков при 4-х орудиях. Она должна была охранять участок между устьями рр. Тохтамыша и Джегуты. Далее на юг предусматривалось построить редуты: а) на р. Джегуте; б) между переправой Байтал-Чапхан и протокой Учкул (в каждом редуте – по роте пехоты и 60 казаков, по 1 орудию); в) у переправы «Кубаш» (напротив речки Кубыш на месте современного аула Кумыш) (рота пехоты 150 казаков при 1 орудии). Более крупное укрепление планировалось создать у Каменного Моста на Кубани (3 роты пехоты, 150 казаков, 3 орудия)¹.

Фактически именно этот проект начал реализовываться в годы командования генерала А.И. Ермолова Отдельным Кавказским корпусом (1816-1827). Правда, вместо «капитальной крепости» в 1825 г. была создана укрепленная *станция Баталпашинская* (сегодня г. Черкесск) – первый русский населенный пункт в регионе Верхней Кубани, исторически ставший центром данного края. В предписании Ермолова генерал-майору Горчакову от 4.03.1826 г. говорилось о том, что эта новая станция займет земли ногайского аула Тохтамышевского, который желательно расселить у речки Джеганас. Так как на месте баталпашинского поста создавалась станция, то этот пост переносили в устье Джегуты, где находилась переправа через Кубань². [В рапорте генерала Г.А. Эмануеля царю от 10.06.1828 упоминается «Баталпашинск», «укрепление Баталпашинское»³, а в письме генерала И.Ф. Паскевича министру внутренних дел в сентябре 1830 г. – «Баталпашинское селение»⁴]. Кроме этого, при Ермолове на правобережье Кубани были возведены укрепленные посты «у *Каменного Моста и верховьях Тохтамыша*»⁵.

¹ Дельпоццо И.П. Записки о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 27-28.

² АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 464.

³ АКАК. Т. 7. С. 878.

⁴ АКАК. Т. 7. С. 229.

⁵ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т.2, С.375-376.

Добавим, что Ермоловым были созданы две кордонные линии укрепленных постов, которые вели с бассейна Терека к Кубани. Одна, *кумско-подкумская* с востока на запад имела посты на р. Подкумке, при урочище Боргустан (Рим-Гора), в верховьях р. Кумы. Другая, *малко-подкумская* линия вела от р. Малки к р. Хасауту, далее к горе Бермамыт, перевалу Гум-Башы, оттуда спускалась по ущелью р. Мары на Кубань близ того же Каменного Моста¹. В донесении царю от 17.09.1824 г. Ермолов сообщал, что на пространстве между рр. Кумой и Малкой там, где «сходятся удобные по проезду дороги, учреждены военные посты и укрепления»². Эти точки обороны действовали и в 1850-е гг., когда упоминаются, например, Верхне-Кумское укрепление, а между ним и Хумаринским укреплением – пост на Косом Спуске³.

В 15 км южнее Баталпашинской в 1820-е гг. функционировало задуманное Дельпоццо и возведенное Ермоловым *Усть-Джегутинское укрепление*⁴. На 1833 г. в Усть-Джегутинском укреплении проживало лиц войскового звания 23 чел. (в т.ч. 16 женщин), а также 13 гражданских лиц (в том числе 3 женщины)⁵. Тогда же генерал И.Ф. Паскевич указывал на важность контроля над такими местами, как «окрестности Усть-Джегуты и Баталпашинска на Кубани»⁶. В 1841 г. в Усть-Джегутинском укреплении, где мог разместиться целый батальон, имелось много строений, но все они были в «ветхом состоянии». Командование решило срыть «передовое укрепление, совершенно бесполезное», и построить казарму для одной роты⁷. В 1861 г. на месте укрепления была основана *станция Усть-Джегутинская*. К поселению здесь было определено 145 дворов, из которых – 25 казаков Кавказской линии, остальные – иногородние, в том числе: 25 солдат, 95 государственных кре-

¹ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т.2, С.375-376; Махлевич, Я.Л. Мезонин у Нарзана. Ставрополь: Ставропольское, 1983. С.33

² АКАК. Т.6. Ч.2. С.474

³ АКАК т.12 С.619

⁴ Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Под ред. Р.У. Туганова. Нальчик, 2001. С. 118-119.

⁵ Шамрай В. Историческая справка... С. 82-84.

⁶ АКАК. Т. 7. С. 903.

⁷ СЭПКРНКЧ. С. 55.

стьян. Переселявшимся женатым нижним чинам регулярной армии от казны выделялось по 122,14 руб. на семью, из них: на обустройство – по 71,42 руб., на вооружение – по 15 руб., на приобретение лошадей «со сбруею» – по 35,71 руб. Переселенцы-крестьяне получали казенное пособие на переселение каждому семейству – по 107,14 руб., на вооружение – по 15 руб., а переселенцы из числа донских казаков, помимо этого, получали также и пособия от войсковой и станичных сумм¹.

В 1828 г. начальник Кавказской области и командующий русскими войсками на Кавказской линии генерал Г.А. Эмануэль разработал план создания участка верхнекубанской линии фортов к югу от укрепления Усть-Джегутинского. Военачальник обосновывал это необходимостью обеспечить безопасность русских поселений на Куме и Подкумке, а также Кавказских Минеральных вод от набегов закубанцев (черкесов и абазин). Проект, представленный новому командиру Отдельного Кавказского корпуса, И.Ф. Паскевичу, предполагал создание 5-ти укреплений с гарнизонами пехоты и конницы вверх по Кубани в следующей последовательности: у горы Учкур («на месте бывшего древнего укрепления», 150 чел.); на речке Яман-су (175 чел.); на устье р. Хумары (175 чел.); на устье р. Мары (450 чел.), а также, видимо, новое, у Каменного Моста на Кубани (85 чел.)². В определенной степени проект воспроизводил проект Дельпоццо, разумеется, с коррективами, отражавшими реалии своего времени.

План был одобрен и в короткий срок большинство этих фортов (возведенных, в основном, из дерева и глины) было построено. По источникам известно, что в 1830-х гг. и в последующее время функционировал *пост Ямановский* («Емановский»)³. Он располагался на правом притоке Кубани – р. Яман-су (рус. «Яманка», «Еманка», «Емановка», кар. «Аман-су») у совре-

---

¹ Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта / Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 11, 12, 16, 18-19.

² Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала ... С. 118-119.

³ СЭПКРНКЧ. С. 49, 51.

менного села Важное¹. (В дореволюционных научных публикациях здесь упоминаются Большой и Малый Яман-су²).

В конце 1820-х гг. южнее, на правом берегу Кубани, был создан *пост Верхне-Николаевский*, напротив которого (на левобережье) в 1861 г. была основана *станция Верхне-Николаевская*³ (позднее преобразованная в одноименный поселок, а затем восстановленная как станция *Красногорская*). Она стала самым южным казачьим поселением по течению Кубани.

Хумаринский редут был возведен у слияния рр. Кубани и Теберды в 1820-е гг.⁴ Осенью 1829 г. русский архитектор Иосиф Бернардацци уже фиксирует здесь «новую Кумаринскую крепость», где отмечает десятки пехотинцев и казаков, коменданта и прибывших к нему на аудиенцию горских князей, признавших власть царя⁵. В октябре 1834 г. а по приказу начальника Кавказской области генерала Вельяминова, здесь была начата разведка угольных месторождений. Производивший разведку горный инженер Фолендорф, сообщал о выявлении таких залежей на р. Хумаре, а также о «Мышиной тропе» – дороге, пробитой в скалах русскими военными инженерами, и соединявшей станцию Баталпашинскую с Хумаринским укреплением⁶. Он же писал о том, что в это укрепление приезжают «закубанские мирные князья»⁷. К 1841 г. форт находился в состоянии разрухи, и тогда же было принято решение о постройке нового, каменного укрепления на новом месте. В качестве рабочей силы для этой постройки привлекался «летучий отряд» из 2-х рот Минского пехотного полка и 350 бойцов Хоперского казачьего полка. Уже тогда из района Хумары вывозил на 50-ти повозках алебастр ставропольский купец Гниловский⁸.

---

¹ Хапаев С.А. Карачаево-балкарские географические термины // Ас-Алан. М., 2002. № 2(7). С. 102.

² Щукин И.С. Из поездок по верхней Кубани. Кн. III // Землеведение. М., 1914. С. 9.

³ Бентковский И.В. Материалы... С. 11, 16, 23.

⁴ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 574. Оп. 1. Д. 4154. Л. 393.

⁵ Бернардацци И. Христианские древности за Кубанью // Журнал Министерства внутренних дел. СПб, 1830. Ч. 3. Кн. 4. С. 186-191.

⁶ О руководителе постройки «Мышиной тропы» офицере Игельстроме см.: СЭПКРНКЧ. С. 55.

⁷ СЭПКРНКЧ. С. 49-52.

⁸ СЭПКРНКЧ. С. 54-57.

Самым южным русским форпостом было укрепление *Каменноостское* (на Кубани), построенное в 1824 г.¹, и имевшее башню, построенную в 1832 г.² Оно функционировало и в 1858 г.³.

Самое раннее русское укрепление на р. Большой Зеленчук возникло в 1829 г. в нижнем его течении. Это был плоскостной форт *Эрсакон* («Ярсакон»), возведенный по упомянутому проекту Эмануеля⁴.

В предгорьях левобережной части Кубани (в Закубанье) русские укрепления начали появляться в 1840-е гг. В 1843 г. у слияния рр. Бежгон и Кефар (притоки Большого Зеленчука) было основано укрепление *Надежинское*, где был дислоцирован 4-й Кавказский линейный батальон. По признанию командования, она «оставалось в продолжении 15-ти лет одиноким пунктом», а затем пришло «в ветхое состояние»⁵. Севернее этого форпоста было создано позже и укрепление *Каменный Мост* (на Б. Зеленчуке), которое вместе с ближайшими укреплениями Надежинским и *Большерским* в начале 1850-х гг. относилось к *Зеленчукской линии* Правого фланга Кавказской линии. (Прикубанская часть региона составляла Баталпашинский участок *Кубанской линии*; сюда относились укрепления Каменная Башня на р. Кубани и Хумара)⁶.

По предложению наместника Кавказского князя Барятинского, в мае 1858 г. царь утвердил решение об упразднении укреплений Надежинского и Каменный Мост (на Б. Зеленчуке), на месте которых учреждались две станицы⁷ – *Сторожевая* и Каменно-Мостская (с 1859 г. – *Исправная*) соответственно⁸.

---

¹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4154. Л. 393.

² СЭПКРНКЧ. С. 248. прим. 29.

³ АКАК. Т. 12. С. 784.

⁴ Голицын Н.Б. Жизнеописание... С. 118-119.

⁵ АКАК. Т. 12. С. 767.

⁶ Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 197-198, 204.

⁷ АКАК. Т. 12. С. 775.

⁸ Михайлов И.В. Населенные пункты Карачаево-Черкесской республики. Черкесск, 2001. С. 65, 143.

На р. Урупе была основана станица *Преградная* (1860 г.)¹, а на Большой Лабе – станица *Псеменская* (1861 г.), позднее упраздненная. К поселению в Псеменской командованием было определено 175 дворов (включая 120 – линейных казаков 1-го Хоперского полка, 30 – донских казаков, 25 – солдат)². Устанавливались служебные льготы переселенцам от казны, в том числе и государственным крестьянам (105 руб. 14 2/7 коп., на вооружение – по 15 руб. на семейство), но казаки получали сверх того и войсковые пособия (от войсковых сумм по 25 руб., из станичных: «жеребьевым» семействам по 50 руб., охотникам по 60 руб. на семейство). Командующий войсками Кавказской линии граф Евдокимов представил 20.01.1861 г. «обстоятельное донесение» главнокомандующему Кавказской армией о своих распоряжениях по русской колонизации. Было определено, что из Черномории, в частности, в станицу Псеменскую переселяются и десятки государственных крестьян (на 1862 г. в станице Усть-Джегутинской уже числилось 95 семей государственных крестьян)³.

Но то были последние военные годы, когда многие из иногородних (крестьяне, инородцы, солдаты, рабочие, ремесленники, торговцы) ещё имели право беспрепятственно зачисляться в казачество⁴. (Например, 1-й Хоперский полк, станицы которого располагались на территории Верхней Кубани, по данным И.В. Бентковского, формировался из селений государственных крестьян, причисленных к казачьему сословию; крестьянские селенья были преобразованы в станицы⁵). По окончании Кавказской войны такая практика зачисления в казаки была свернута.

Потомственные казаки Черноморского войска, переселенные на Кубань в конце XVIII в., настороженно относились как к категории «новоиспеченных» казаков из иногородних лиц, так и к самим иногородним. Как отмечал М.И. Венюков, «в бывшем Черноморском войске, состоящем из малороссиян

¹ Бентковский И.В. Материалы... С. 14.

² Там же. С. 13, 15, 16, 26, 27.

³ Бентковский И.В. Заселение... С. 2-16.

⁴ Шамрай В. Историческая справка... С. 81, 84, 86, 88; Бентковский И.В. Материалы... С. 16.

⁵ Бентковский И.В. Материалы... С. 68.

и хранящем предания Запорожской Сечи», обособленность от остального населения России «принимает вид национальности», проявляясь и «нерасположением к иногородцам, которых казаки недружелюбно называют москалями»¹.

Как видим, прослойка иногородних формировалась за счет нескольких категорий насельников укреплений, военных поселений, казачьих станиц. В параграфе 7 Положения о Черноморском казачьем войске /ЧКВ/ (которое вместе с казачьими полками Кавказской линии в 1860 г. и составило Кубанское казачье войско /ККВ/) говорилось, что «народонаселение сего войска составляют только: а) собственно черноморские казаки, б) дворовые люди, принадлежащие чиновникам, и в) инородцы, перешедшие из Крыма и из-за Кубани»².

«Дворовые люди», то есть домашние холопы, составляли незначительную прослойку. (В конце 1810-х гг. их насчитывалось свыше 450 чел.). После освобождения они могли зачисляться в казачество, крестьянство и иные сословия. Иногородними становились и *отставные нижние чины* регулярной армии (солдаты и унтер-офицеры). Им, как и другим группам неказачьего населения «воспрещено было водворяться на войсковой земле»³.

Оставшееся после вынужденного массового переселения в Османскую империю горское население Кубани, как отмечалось, было сведено в пять округов: в Зеленчукский (на 1867 г. – 14761 горцев, около 600 русских), Эльбрусский (15816 горцев), Урупский (8986 горцев, 1893 русских крестьян и отставных солдат, 1160 немцев), Лабинский (около 25 тыс. чел.), Псекупский (16155 чел.)⁴. Как видим, в горских округах было расселено почти 2,5 тыс. русских иногородних. (К рассматриваемому региону относилась территория и население, в основном, Эльбрусского и Зеленчукского, отчасти Урупского и Лабинского округов).

---

¹ Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 гг. // Русская старина. СПб., 1878. № 6. С. 252-253.

² Бентковский И.В. Материалы... С. 55.

³ Шамрай В. Историческая справка... С. 82-83.

⁴ Кубанские войсковые ведомости (Далее КВВ). Екатеринодар, 09 декабря 1867. № 48.

В послевоенный период XIX в. на территории Кубанской области фактически сформировалось *четыре* правовые группы населения: казачество; другие «коренные жители» (полноправные члены горских аульных обществ, а также хуторов и селений, созданных иногородними на земле, полученной от казны или купленной у частных владельцев); иногородние, имеющие оседлость; иногородние, не имеющие оседлости. Наибольший удельный вес (от 60 до 70%) неказачье население имело в восточных отделах Кубанской области – Майкопском и Баталпащинском¹. Примечательно, что, лидируя среди отделов Кубанской области по площади своей территории, Баталпащинский отдел занимал последнее место по плотности населения (18 чел. на квадратную версту)².

Обратимся к рассмотрению *форм поселений иногородних*. К концу 1890-х гг. на территории Кубани скопилась масса иногородних, «не получивших никакого земельного устройства». По причине высоких арендных платежей и притеснений со стороны казаков они вынуждены были «скитаться в поисках подходящей земли» и перебиваться «разными заработками», создавая, помимо всего прочего, также угрозу спокойствию края. В таких условиях, с апреля 1899 г. правительство распространило на Кавказ «Общий закон о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» от 13.07.1889 г.; а новым законом от 22.12.1900 г. определило условия переселения на казенные кавказские земли русских крестьян. Затем была издана инструкция для образования переселенческих участков на Кавказе (12.03.1901 г.), обозначившая размер наделов в расчете на душу мужского населения для зон – высокогорной холодной (12 дес. удобной земли), средней умеренной (8 дес.), низменной теплой (4 дес.). Площадь свободных казенных земель на Северном Кавказе была незначительной, поэтому не могла

---

¹ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Вып. I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе (Далее СССК). Ставрополь, 1906. Т. 1. С.33-35.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 65 (Кубанская область). СПб., 1902. С. 1.

«сыграть большую роль в деле земельного устройства местного безземельного иногороднего населения»¹.

Тем не менее, как отмечал сам Городецкий, практически все крестьянские поселки иногородних в регионе Верхней Кубани были образованы *на казенных землях*².

В то же время обосновавшись на хуторах иногородние стали создавать земельные товарищества. С их помощью они начали приобретать земельные участки, продававшиеся *частными землевладельцами*. После того, как был образован Крестьянский Поземельный банк, такие покупки стали совершаться и за счет кредитных средств, полученных в данном финансовом учреждении.

По определению властей, Кубанская область изначально рассматривалась в качестве региона, в котором на правах коренных жителей проживают только казаки и горцы. В этой связи все остальные группы населения назывались «пришлыми» или иногородними. При этом к этой категории населения причислялись независимо от места проживания. То есть, даже если иногородние создавали собственные населенные пункты и не проживали в станицах и аулах, они все равно причислялись к «пришлым». В то же время среди жителей поселений иногородних выделялись свои коренные и свои иногородние. По своему составу крупные поселения иногородних крестьян были, в общем-то, гомогенными. Так, в 4-х русских (крестьянских) поселениях региона – волостях Ермоловской и Марухской (с 1915 г. – Ивано-Сусановской), селах Пантелеймоновском и Кольцовском (Муравьевском) (созданному в 1909 г.³ и причисленному к станице Усть-Джегутинской) – удельный вес «новых» иногородних составлял лишь 4%. Это было, в среднем, даже меньше, чем иногородних в аулах. Основная масса (444 чел.) иногородних была сосредоточена в селе Георгиево-Осетинском, где составляла 13,4% всех его

---

¹ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия на Северном Кавказе в связи с деятельностью крестьянского поземельного банка. Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 467.

² Там же. С. 493.

³ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия... С. 493.

жителей¹. Но это село было, по своей сути, горским и в социокультурном плане мало чем отличалось от любого аула.

Села и хутора иногородних дореволюционного времени известны по р. Кубани и бассейнам её притоков – Большого и Малого Зеленчука, Урупа. Основная их масса локализовалась севернее Мелового (Пастбищного) хребта, то есть в плоскостной зоне, что вполне объяснимо предшествующей традицией переселявшегося населения, равнинного по местам происхождения.

В то же время *села и поселки* с русским и украинским населением возникали и в нагорной зоне региона. Например, в 1890-х гг. на Кефарской лесной казенной даче (бассейн р. Большой Зеленчук) поселилось 34 крестьянских семьи выходцев из Центральной России (113 лиц мужского пола, 87 – женского). Через некоторое время они подали ходатайство в областное правление с просьбой разрешить им образовать новое поселение. Сперва они получили отказ², но, позднее, им все же удалось основать село Кривобалка, переименованное через некоторое время в *Ермоловское*, а затем – в *Верхнюю Ермоловку*. Одним из первых поселенцев считался выходец из Воронежской губернии Антон Костенко, который возвел здесь первые деревянные дома. По мере развития населенного пункта часть его жителей на берегу Большого Зеленчука образовала хутор, а затем село, известное как *Нижняя Ермоловка*³. В нагорной зоне на берегу р. Булварки (притока Урупа) славянские переселенцы также образовали село *Пантелеймоновское* (ранее хутор)⁴. Датой основания поселков Ермоловский и Пантелеймоновский указан 1904 г.⁵

В 1910-е гг. упоминается новый статус некоторых из упомянутых русских поселений – *волости* (Ермоловская и Марухская)⁶.

---

¹ Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 442-568.

² ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1061. Л. 59.

³ Михайлов И.В. Населенные пункты... С. 35, 110-111.

⁴ Архив Карачаевского научно-исследовательского института (АКНИИ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

⁵ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия... С. 493.

⁶ Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 442-568.

На востоке современной Карачаево-Черкесии в 1874 г. (по другим данным в 1876 г.) возникло крестьянское село (вначале – поселок) *Михайловское*¹. В 1890 г. в данном населенном пункте проживало 1072 чел. Всего в селении насчитывалось 144 двора. (При этом 65 из них не имели скота). В состав сельского юрта входило 1894 дес. удобной и 169 дес. неудобной земли. В поселении насчитывалось 906 голов крупного рогатого скота, 55 – лошадей, 988 – мелкого скота. Кроме того, в селе имелись питейное и молочное заведения, мельница и кузница. В качестве основного занятия населения выступало хлебопашество. В начале XX в. отмечался неуклонный рост благосостояния села: росло количество населения и дворов (к 1914 г. их стало 233), увеличились земельные наделы (до 2063 дес.), при церкви архангела Михаила была открыта церковно-приходская школа. В поселении появилась маслобойня и сыроваренный завод. На сельской земле образовалось 6 хуторов (Изюмский, Л. Кун, Айбазова, Рябинина, Шияновых, Ивановой). Пять из данных хуторских поселений специализировались на разведении крупного рогатого скота; а в хуторе Ивановой, где проживало 119 чел., находился сыроваренный завод, занимавшийся переработкой молочной продукции в промышленном масштабе².

В правление царя Александра III в изучаемом регионе стали основываться *монастырские поселения*. В этот период Ставропольская епархия стала способствовать заселению монахами оставшихся со времен Средневековья христианских комплексов. Одновременно возобновление деятельности древних церквей и монастырей при них должно было, по мысли церковного начальства, послужить делу распространения православия среди местных горцев-мсульман. Таким образом, должна была проводиться и миссионерская деятельность. В 1887 г. на месте Нижне-Архызского городища, где в более-

---

¹ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101. Оп. 4. Д. 3310. Л. 27.

² Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т. I. Вып. III. / Пятигорский отдел / Под ред. Е. Максимова. Владикавказ, 1890. С. 66-67; Список населенных мест Терской области (по данным к 1-му июля 1914 г.) приложение к "Терскому календарю" на 1915 г. / Под ред. С. П. Гортинского Владикавказ, 1915. С. 92-93.

менее неплохом состоянии находилось три христианских храма, была образована Свято-Александро-Афонская Закубанская (вскоре Свято-Александро-Невская Зеленчукская) пустынь¹. Её официальное открытие и освящение состоялось в 1889 г., а первым игуменом мужского монастыря стал Серафим (Титов). Насельниками монастыря в сословном отношении оказались как казаки, так и представители крестьян, мещан и даже купцов. Интересно, что сменивший Серафима в 1903 г. Ефрем был по специальности врачом. Следующий настоятель – Зосима (с 1905 г.) происходил из крестьян Курской губернии, а Феофил (с 1913 г.) из ростовских мещан. Естественно, что этот первый в регионе монастырский поселок был задействован в сельскохозяйственной деятельности. Это, в свою очередь, предопределяло то, что в нем жили не только монахи, но и обычные работники (от 30 до 150 в зависимости от сезона), большинство из которых относилось к иногородним. Вскоре монастырское хозяйство обзавелось табуном лошадей (свыше 100), сельскохозяйственной техникой (маслобойня, паровые молотилки). Пустыни были переданы и другие храмы аланского периода – Сентинский и Шоанинский. Возле них в 1890-е гг. стали возникать скиты, постепенно перераставшие в поселки. В их задачи также входило проводить «миссионерскую деятельность среди окрестных горцев»². В итоге, второй по счету монастырский поселок в регионе образовался у карачаевского селения Сентинского (Нижняя Теберда) в 1895 г. (Официальное открытие состоялось 24.01.1897 г.)³ Как отмечал Н. Буш в 1896 г., у Шоанинского храма (правобережье Кубани) монахи Зеленчукского (Свято-Александро-Афонского) монастыря создали своё

---

¹ Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе // Русский архив. Вып. 4. М., 1904. С. 668. Как отмечал епископ Владимир, зарубежный сан афонца, по российскому закону, мог быть признан лишь со временем, после соответствующих процедур. Поэтому для начала епископ причислил Серафима к сословию мещан на правах послушника архиерейского дома.

² Плотников В., Логвиненко Л. Александро-Невский Зеленчукский монастырь. Изд.2-е. Нижний Архыз, 2001. С. 14-15, 22, 24, 33, 34-37, 43.

³ Плотников В., Логвиненко Л. Александро-Невский Зеленчукский монастырь... С. 43-44.

«небольшое филиальное отделение», успев вырубить на горе Шоане «много прекрасных деревьев тиса» (ныне занесенного в Красную книгу)¹.

Населенными пунктами иногородних, как ещё до революции отмечал В. Шамрай, на Кубани считались также *поселения «инородцев»* (немцев, армян и др.)². К периоду реформ Александра II относится появление на территории современной Карачаево-Черкесии первых поселений переселенцев, созданных неславянскими этническими группами («инородцами»). Часть из них переселилась из соседних регионов Кавказа, другая – мигрантами из других губерний России или даже из-за границы.

Горские евреи. В изданиях «Памятной книжки Кубанского области» их поселение, по месту расположения на берегах речки Джегонас (правый приток р. Кубани), именуется как поселок *Еврейский-Джегонасский*. Имеются сведения о том, что он был основан близ устья р. Джегонаса в 1863 г.³ В 1865 г. он упоминается в документах Баталпашинского станичного правления⁴. По имеющимся сведениям, горские евреи переехали сюда «из разных аулов, где они постоянно проживали по торговым делам»⁵. Согласно данным на 1874 г. в поселке постоянно проживало 189 чел.⁶ По данным И. Анисимова в 1886 г. в селении насчитывалось 14 лавок (12 бакалейно-мелочных и 2 мануфактурных). Кроме того, отмечалась специализация населения на выделке кож. В поселке кожевенным промыслом занимался 31 человек⁷. Посетивший Джегонас в 1888 г. епископ Владимир, отмечал у местных жителей «костюмы... и ловкость горские», хорошее знание русского языка, малое развитие земледелия, большую развитость выделки сафьяна и торговли среди местных гор-

---

¹ Буш Н.А. Предварительный отчет о путешествии по Северо-Западному Кавказу в 1896 году с целью исследования ледников и флоры // ИИРГО. Т. XXXIII. СПб, 1897. С. 2

² Шамрай В. Историческая справка... С. 81, 86, 88.

³ Колесов В.И., Сень Д.В. Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 2000. № 3. С. 200.

⁴ Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 61. Л. 169.

⁵ Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСОА). Ф. 262. Оп. 1. Д. 71. Л. 102-121.

⁶ Памятная книжка Кубанской области (Далее ПККО) на 1875 год. Екатеринодар, 1875. С. 25-28.

⁷ Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы. Из «Сборника материалов по этнографии», изданного при Дашковском этнографическом музее М, 1888. С. 20-21.

цев. Им же упоминались «миниатюрная» деревянная синагога и молодой местный раввин¹.

В январе 1905 г. на еврейские поселения распространились правила самоуправления и положения о крестьянах, действовавшие с 1902 г. в отношении обычных русских сел². В соответствии с данными решениями 24 марта 1905 г. Кубанское областное правление предписало создать из евреев-горцев «особое селение, с наименованием его Джегонасско-Еврейским»³.

Правда, в ходе исполнения этого решения еврейский поселок было предписано переместить на 15 верст вверх по течению р. Джегонас подальше от станции Усть-Джегутинской. Населению, до этого массово арендовавшему казачьи земли, было отведено 1503 дес. казенной земли. На новом месте жители по-прежнему специализировались на торговле и выделке кож, а также начали «скоблить» дубы, то есть промышленяли сбытом дубовой коры на кожевенные заводы⁴.

Осетины. Переселение их справочники относят к 1870 г.⁵ Образованное ими поселение в 1870-х – начале 1880-х гг. именовали в разных вариациях – поселок Шаонинский, Георгиевский, Георгиевский (Осетинский), с. Георгиево-Осетиновское. Последнее название, в итоге, закрепилось в качестве официального.

На 1873 г. в селении насчитывалось 157 дворов, в которых проживало 976 чел.⁶; а в 1874 г. 956 чел. (включая 525 лиц мужского пола (л.м.п.))⁷. На 15.12.1875 г. в этом населенном пункте фиксируется 153 двора с населением 1139 чел. (в том числе 574 л.м.п.), из которых 4 относились к лицам «духовного звания»). Жители во многом специализировались на скотоводстве. Селению принадлежало 1518 овец и коз, 390 коров, 250 волов и 105 лошадей.

---

¹ Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе // Русский архив. Вып. 4. М., 1904. С. 671.

² Кубанские областные ведомости (Далее КОВ). Екатеринодар, 13 января 1905. № 9. С. 2.

³ КОВ. Екатеринодар, 12 марта 1905. № 56. С. 3.

⁴ Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. С. 32,67.

⁵ СЭПКРНКЧ. С. 256.

⁶ ПККО на 1874 год. С. 228-232.

⁷ ПККО на 1875 год. С. 25-28.

Кроме того имелись пасеки (150 ульев), 10 водяных мельниц, 1 лавка и 3 кузницы¹.

На 1917 г. на общинной земле села Георгиево-Осетинское упоминается *поселок Кубранский* (18 хозяйств, 153 чел.)².

Армяне. О том, что армяне проживали в станице Баталпашинской упоминается в 1866 г.³ По переписи 1897 г. в Баталпашинском отделе проживало 380 армян, из которых в Баталпашинской – 153⁴. В начале 1900-х гг. часть армян создала в 12 км к юго-западу от отдельского центра, на левобережье р. Кубани, южнее аула Дударуковский хутор *Ново-Георгиевский*. (Хутор получил обиходное название «Армяновка»). Здесь проживали семьи из фамилий Айриян, Аваковых, Алавердовых, Арутюнянц, Атаянц, Давыдянц, Багдасаровых, Каспаровых и др.⁵

Греки. Греки как христиане по закону от 27.02.1862 г. получили право переселяться из Османской империи в пределы России. На Северном Кавказе они расселялись по нормам «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта...» от 10.05.1862 г. Прием греков на Северо-Западный Кавказ прекратился в 1897 г., и многие из них долгое время оставались турецкоподанными. Жители крупных греческих поселений склонялись властями к принятию российского подданства. Это стало особо актуальным в ходе Первой мировой войны, когда был издан закон «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских и турецких подданных» (2.02.1915 г.), лишивший этих лиц права на недвижимость вне городов южных областей и губерний страны⁶.

---

¹ Баталпашинский уезд по статистической переписи, составленной к 15 декабря 1875 года // ПККО на 1876 год (Приложение).

² Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области, по данным переписи 1917 года. Баталпашинский отдел. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/0-5> (дата обращения: 12.05.2019).

³ ГА КЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61. Л. 174-174об.

⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXV (65): Кубанская область / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. С. 60-65.

⁵ Михайлов И.В. Населенные пункты... С. 114; Багдасарова Б. Виновных уж нет // День республики. Черкесск, 14 мая 2015.

⁶ Юракова О.В. Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. - 1917 г.). Автореф. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. С. 15-18.

Первый греческий поселок в регионе Верхней Кубани, созданный в 1869 г.¹ (по другим данным в 1864 г.²), располагался на берегах реки Аксаут. В первые годы после своего основания он именовался по-разному: поселок *Хасаутский*, *Греческий-Хасаутский*, *Хасаутско-Греческий*. Окончательным вариантом названия села стало *Хасаут-Греческое*.

В нем в 1874 г. проживало 138 чел. (в том числе 85 л.м.п.)³. К 15.12.1875 г. в поселке имелось 35 дворов, численность жителей составляла 139 чел. Функционировали 1 церковь, 1 общественное строение, 1 водяная мельница. У жителей было 14 лошадей, 42 вола, 143 головы коров и гулевого скота; 1 пасека (13 ульев)⁴. В 1881 г. в поселке было 37 (домов – 38), жителей – 155 чел. (иногородних – 11). Поселковой земли составляла 2900 дес.; численность скота: волов – 46, КРС – 50, лошадей – 21. Имелись 2 пасеки⁵.

Судя по тому, что на 1890 г. в Хасаут-Греческом имелось 328 волов, а на семью приходилось в среднем по 5-6 волов⁶, здесь существовал определенный ориентир на земледельческое хозяйство.

Эстонцы. Первоначально их населенный пункт, основанный в 1868 г.⁷, обозначался как поселок *Марухский*⁸, затем (с образованием русского села с тем же названием) – как *Марухский-Эстонский*, *Марухско-Эстонский*⁹. Интересно, что на декабрь 1875 г. он упоминается вместе со своим, эстонским же, хутором («подселком») *Хуса Карданик*¹⁰ (современное с. Хусы-Кардоник). Краеведами отмечается, что эстонцы называли свое поселение *Сори Кюла*, что на их родном языке означает «Сорок Речек»¹¹. На момент основания в селении имелось 165 дворов (но 150 домов), где проживало 680 чел.

---

¹ ПККО на 1874 год. С. 232.

² Михайлов И.В. Населенные пункты... С. 163.

³ ПККО на 1875 год. С. 25-28.

⁴ Баталпашинский уезд...

⁵ ПККО на 1881 год. С. 41-42.

⁶ Юракова О.В. Греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе. Середина XIX – начало XX вв. // Кубанский сборник. Краснодар, 2012. Т. IV (25). С. 271-291.

⁷ Михайлов И.В. Населенные пункты... Черкесск, 2001. С. 168.

⁸ ПККО на 1875 год. С. 65.

⁹ ПККО 1881 год. С.14-17, 41-42.

¹⁰ ПККО на 1875 год. С. 65.

¹¹ Михайлов И.В. Населенные пункты... С. 168.

(в том числе 369 л.м.п.); количество скота: коров и гулевого скота – 445, лошадей – 130, волов – 124, овец и коз – 89¹. В 1881 г. количество дворов в Марухско-Эстонском составляло 53 (246 чел.), площадь земли – 5535 дес., овец – 40, волов – 57, КРС – 207, лошадей – 57. Имелись 1 кузница, 9 пасек². В 1917 г. в поселке Хусы-Кардоник имелось 37 семей (189 чел.)³.

Побывав у истоков Малого Зеленчука в начале ноября 1888 г., епископ Ставропольский и Екатеринодарский Владимир отмечал, что здесь «на незначительном пространстве собралось несколько народностей: тут и казачья станица (Кардоникская), и Греческий посёлок (Хасаут), и посёлок Эстонский, и улус Горский (Хусен-Кардоник [правильнее Хусы-Кардоник – С.К.]), и посёлок Русских крестьян (Марухский)». Он также заметил, что данная местность, «несмотря на свою возвышенность, удобна для хлебопашества, сенокосения и пастьбы скота»⁴.

Иногородние крестьяне, создавшие собственные поселения, конечно, во всех отношениях – социальном, хозяйственном, правовом, культурном – находились в несравнимо более предпочтительном положении, нежели те, кто, даже «с правом оседлости» проживал в поселениях коренного населения (казаков и горцев).

Нетрудно заметить, что на равнинной части региона Верхней Кубани так и не было создано ни одного крестьянского села. Это объясняется тем, что данная территория находилась, в основном, в ведении аульных и станичных обществ, а также ККВ. Села возникли в так называемой нагорной полосе, где имелись угодья, остававшиеся в казенной собственности.

В то же время, иногороднему населению удалось создать десятки поселений хуторского типа за счет аренды земель у частных владельцев, у аульных и станичных обществ. Однако население этих мелких хуторов, втрое

---

¹ Баталпашинский уезд...

² ПККО на 1881 год. С. 41-42.

³ Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области, по данным переписи 1917 года. Баталпашинский отдел. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/0-5> (дата обращения: 12.05.2019).

⁴ Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе // Русский архив. Вып. 4. М., 1904. С. 676-677.

меньшее, чем численность жителей сел, как правило, не могло составить массы, которая могла быть наделена стандартными правами поселков (самоуправление, школа, церковная община и т.п.).

Тем не менее, во второй половине XIX в. иногородние стали неотъемлемой частью этнокультурного пространства территории современной Карачаево-Черкесии. Как уже отмечалось, одна его часть проживала в населенных пунктах с преобладанием казаков и горцев, оказываясь в статусе ущемленной в правовом положении группы, другая создала собственные поселения. Отличительной особенностью иногороднего населения в регионе Верхней Кубани была его полиэтничность. Помимо славянского (в основной своей массе русского и украинского) населения оно было представлено эстонцами, греками, осетинами, армянами, евреями и др.

1.2. Становление и развитие управленческих и судебных структур

В рассматриваемый период менялось *административно-территориальное устройство* Верхней Кубани, что обуславливалось масштабными процессами и явлениями того времени. В период Кавказской войны, к середине XIX в. регион входил в систему военно-территориального деления и управления *Кавказской линии* (КЛ), чей командующий являлся прямым начальником всех поселенческих администраторов – станичных атаманов, сельских старост, аульных старшин и т.д. По данным полковника Д.А. Милютин (1848 г.), всё пространство Верхней Кубани от укрепления Каменно-мостского на Кубани на востоке до Большой Лабы на западе относилось к *Правому флангу КЛ*, а конкретно – к *Баталпашинскому участку Кубанской кордонной линии* (ККЛ). К этому участку относились станица Баталпашин-

ская* , аулы абазин, адыгов, ногайцев по берегам Кубани и Зеленчуков, принявших русское подданство. Вверх по течению Большого Зеленчука проходила ветка ККЛ – *Зеленчукская кордонная линия*, включавшая пост Бальшерский (у подножья г. Бальше), укрепления Надежинское (у слиянья рр. Кяфара и Бежгона) и Каменноостское (на Б. Зеленчуке). Пространство к востоку от ст. Баталпашинской и укрепления Каменноостского на Кубани относилось к *Центру КЛ* (штаб – в укреплении Нальчикском), а точнее – к его *Кисловодской кордонной линии* (штаб – в ст. Ессентукской). Соответственно к ведению начальников Центра и Кисловодской линии относились все селенья карачаевцев и кумских абазин, чей ареал скотоводческой деятельности находился под контролем летних кордонных постов на рр. Эшкакон, Хасаут и др.¹ Установлению и развитию культурных контактов горцев этого района с русским населением способствовало то, что вместе с их аулами к Центру КЛ были отнесены и русские поселения городского типа, в том числе с прослойкой невойсковых сословий (Пятигорск, Кисловодская слобода). Позднее Кисловодскую линию передали в состав Правого фланга².

С образованием в 1825 г. первой верхнекубанской станицы – Баталпашинской – в регионе стали формироваться *государственные органы местной власти*. Эта станица, причисленная к Хоперскому казачьему полку, поначалу не имела самоуправления и выборного станичного атамана. Она подчинялась станичному начальнику, назначавшемуся войсковым командованием и находившемуся в непосредственном подчинении полкового управления, куда входили командир полка, сотенные командиры и станичные начальники. В исключительном ведении последнего находились «военная, полицейская, гражданская, хозяйственная и, в известной мере, судебная части»; ре-

---

* На этом участке располагались станицы, укрепления и посты созданной в 1845 г. 5-й бригады Кавказского казачьего линейного войска в составе 1-го и 2-го Хоперских казачьих полков (в 1858 г. переименована в 6-ю /Хоперскую/ бригаду). Сюда же были отнесены кордонные посты, а также «три небольшие укрепления» (Усть-Джегутинское, Хумаринское и Каменноостское /на Кубани/) с гарнизонами из рот 6-го Кавказского линейного батальона.

¹ Милютин Д. А. Краткий очерк Кавказского края в военном отношении. М., 2012. С. 57-68; Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 197-204.

² Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. М., 1884. Вып. 2. С. 368-371.

шающее значение имела фигура полкового командира. С 1845 г. устанавливалась вертикаль правлений – войскового, бригадного, полкового и станичного. В состав последнего входили назначавшийся начальник станицы и два его помощника (или судьи), единственные в то время должностных лица, избиравшихся станичным сходом¹.

Образованные в 1845 г. два – 1-й и 2-й – Хоперских полка составили 5-ю (с 1858 г. – 6-ю) Хоперскую бригаду; были установлены полковые и бригадные военно-территориальные округа. В 1856 г. Кавказская линия была реорганизована, её фланги и центр – упразднены, а вместо них созданы Правое и Левое крыло КЛ. В 1858 г. в составе Правого крыла был образован военный *Верхне-Кубанский округ*, в состав которой включили Баталпашинский участок ККЛ, Зеленчукскую и Кисловодскую кордонную линии. Начальником округа по должности являлся командир Хоперской бригады, которому подчинялись приставы Карачаевского и Тохтамышевского приставств; кордонными линиями и участками в округе управляли командир Волгской бригады, командиры казачьих полков².

К тому времени система управления военно-колониального типа объективно подходила к концу. На завершающем этапе Кавказской войны в регионе началось активное расселение казачьего по сословной принадлежности, но гражданского в своей основе русско-украинского населения. Именно тогда появилось все предгорные станицы региона – Сторожевая (1858), Исправная (1858), Кардоникская (1859), Зеленчукская (1859), Псеменская (1860, упразднена), Преградная (1860), Верхне-Николаевская (позднее, Красногорская) (1861), Усть-Джегутинская (1861)³. Становление в них системы самоуправления включало в себя значительный компонент правовых норм, регулировавших гражданский уклад, включая разные аспекты – имущественный,

---

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска... Т. II. С. 832-834.

² Анучин Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. СПб., 1860. № 1. С. 286-289.

³ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа / Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 16; Очерки истории Карачаево-Черкесии. / Отв. ред. В.П. Невская, В.А. Романовский. Ставрополь, 1969. Т. 1. С. 299, 593.

социальный, культурный, электоральный и т.п. Можно сказать, что именно станицы первыми из поселений Северного Кавказа стали переходить от традиционного права и экстраординарных норм (законов военного времени) к общеимперскому правовому пространству. Этот процесс вскоре был оформлен соответствующими актами, направленным на унификацию нормативной основы местного самоуправления.

В 1860 г. по указу царя упразднялась Кавказская линия. Её Правое крыло было преобразовано в Кубанскую область, а Левое – в Терскую. В ходе размежевания основная часть территории современной КЧР была включена в состав *Кубанской области*, меньшая, восточная (земли нынешнего Малокарачаевского района) отнесена к Терской области. Во главе этих регионов стояли начальники Кубанской и Терской областей, по должности являвшиеся атаманами Кубанского и Терского казачьих войск. В ту пору пространство Верхней Кубани было разбито на бригадные округа Кубанского казачьего войска (ККВ): расположенные по берегам Кубани станицы отнесены были к округу 4-й бригады (Баталпашинская, Усть-Джегутинская, Верхне-Николаевская; штаб – в ст. Баталпашинской), а остальные – к округу 5-й бригады (штаб – в ст. Отрадная)¹. В 1865 г. были созданы отдельные горские округа с так называемым военно-народным управлением – Эльборусский, Зеленчукский, Урупский, Лабинский, Псекупский².

Реформаторский процесс в этом направлении завершился переходом от военно-административной системы управления к гражданской (уездной). В Кубанской области создавались 5 уездов – Ейский, Темрюкский, Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский. Официально функционировать уездные управления в них стали с 1.01.1871 г., когда были введены и общеимперские (гражданские и судебные) уставы 1864 г. Укрепление Майкоп и станица Баталпашинская формально становились городами³. (Де-факто Ба-

---

¹ Кириллов П. К истории колонизации Закубанского края // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1903. Т. 9. С. 74.

² СЭПКРНКЧ. док. № 46. С. 130.

³ Отчет по главному управлению Наместника... С. 60-63.

талпашинская оставалась станицей до 1922 г., хотя часто именовалась «Баталпашинск»).

Баталпашинский уезд был самым крупным на Кубани – как по территории (24,03 тыс. кв.верст, или 27,5 тыс.кв.км), так и по населению (153,1 тыс. чел.)¹. Созданному в 1876 г. Кавказскому уезду была передана часть территории Баталпашинского уезда, уменьшившегося до 16,6 тыс. кв. верст (1726 тыс. дес., или 18,8 тыс. кв.км), но остававшегося крупнейшим в области². В последующие годы эта территория также уменьшалась, составив, например, в 1909 г. 1502,3 тыс. дес.³ или около 16,4 тыс. кв. км.

В административно-территориальном отношении Баталпашинский уезд был разбит на четыре полицейских участка во главе с участковыми приставами. В их состав входили следующие населенные пункты на территории Верхней Кубани:

- *2-й участок* (центр – ст. Отрадная): станица Исправная, селенья абазин (Бибердовский, Дударуковский, Кувинский, Клычевский с поселком Егибоковский, Лоовско-Зеленчукский, Лоовско-Кубанский, Шахгиреевский), ногайцев (Тохтамышевский с поселком Балтинский, Мансуровский с поселком Шабазовский, Ураковский), черкесов (аулы Береслановский, Докшуковский, Касаевский, Тазартуковский, Эрсаконский (Абатовский), Атажукинский, с поселком Баташевским, Хахандуковский с пос. Атлескировским);

- *3-й участок* (центр – укрепление Хумаринское): станицы Зеленчукская, Кардоникская, Преградная, Сторожевая, Усть-Джегутинская, Верхне-Николаевская (с 1877 г. – поселок), аулы абазин (Кумско-Лоовский /Кумско-Абазинский/), карачаевцев (Джазлык, Дуут, Каменноостский, Карт-Джурт, Маринский, Тебердинский, Уччулан, Хурзук), черкесов (Хумаринский), а также поселки Георгиевский (Георгиево-Осетинский), Марухский, Хасаут-Греческий, Еврейский-Джегонасский)

---

¹ Сборник сведений о Кавказе / Под. ред. Н. Зейдлица. Тифлис, 1872. Т. II. С. 349.

² ПККО на 1877 год. С. 124.

³ Обзор Кубанской области... С. 69.

- 4-й участок (центр – ст. Невинномысская): станица Баталпашинская (до 1875 г. – в 1-м участке, в 1876 – во 2-м).

Кроме того, станица Псеменская (ныне с. Псемен) входила тогда в состав 1-го участка Майкопского узда¹.

Хотя участки именовались полицейскими, в реальности это были административно-территориальные образования (типа нынешних районов), где участковый пристав являлся главным администратором, которому подчинялась система местного управления (станичных атаманов, сельских старшин). Приставы подчинялись начальнику Баталпашинского уезда, на должность которого мог назначаться и гражданский чиновник.

В ходе контрреформ в 1888 г. на Кубани произошел возврат от гражданской системы к военному управлению. Уезды были реорганизованы в отделы, в которых вводился институт отдельных атаманов. Таким образом, все население переходило под власть казачьей администрации.

Атаману Баталпашинского отдела подчинялись главы местных (станичных, сельских, аульных) администраций, но их утверждение (после избрания на 3-х летний срок) и смещение осуществлялось по-прежнему начальником области. Власти отказались от системы участков со смешанным русско-горским составом; вместо них для отдельного управления горцами создали два участка – Бибердовский (абазинские, черкесские аулы по берегам Зеленчуков, ногойские аулы) и Хумаринский (все карачаевские селенья, один абазинский (Кумско-Лоовский) и один черкесский (Хумаринский) аулы, а также село Георгиевско-Осетинское).

В 1905 г. власти опять вернулись к смешанной системе управления: вся территория области была вновь разбита на полицейские участки (фактически административно-территориальные), из которых в Баталпашинском отделе образованы три участка – 1-й, 2-й и 3-й (штаб-квартиры участковых начальников – в укреплении Хумаринском, станицах Невинномысской и Отрадной

---

¹ ПККО на 1878 год. Отд. 2. С. 7-8.

соответственно). Таким образом, этнические по своему характеру Хумаринский и Бибердовский участки упразднились, а их прежние «участковые начальники над горцами» стали начальниками полицейских участков соответственно – 1-го (Гаркуша) и 2-го (Шмыткин). Села Марухское и Георгиевско-Осетинское, поселки Марухо-Эстонский, Хасаут-Греческий и Джегонаско-Еврейский были отнесены к 1-му участку, а Ермоловское и Пантелеймоновское – ко 2-му¹.

В последующие годы состав участков неоднократно менялся, а в 1916 г., то есть в канун падения монархии он был следующим:

- *1-й участок*: 3 кубанских села (Георгиевско-Осетинское, Еврейско-Джегонасское, Кольцовское /причислено к ст. Усть-Джегутинской/), 3 волости бассейна М.Зеленчука (Ивано-Сусанинская, Хасаут-Греческая, Марухо-Эстонская /с поселком Хуссы-Кардоник/); 3 кубанские станицы (Кардоникская, Красногорская, Усть-Джегутинская); все 11 карачаевских аулов бассейна Кубани; 5 черкесских аулов (Касаевский, Хумаринский, Атажукинский вместе с пос. Баташевским, Хахандуковский вместе с пос. Атлескировским); 3 абазинских аула (Бибердовский, Лоовско-Зеленчукский, Лоовско-Кубанский);

- *2-й участок*: станица Баталпашинская, все ногайские поселения территории современной КЧР (Ураковский, Тохтамышевский вместе с пос. Балтинским, Мансуровский вместе с пос. Шабазовским); аулы абазин (Дударуковский, Кумско-Лоовский, Клычевский вместе с пос. Егибоковским);

- *3-й участок*: 2 русские волости (Ермоловская, Пантелеймоновская), 4 станицы (Зеленчукская, Преградная, Сторожевая, Исправная), аулы – черкесские (Докшуковский, Эрсаконский (Абатовский), Тазартуковский с пос. Берслановским), абазинские (Кувинский, Шахгиреевский)².

---

¹ КОВ. Екатеринодар, 1 мая 1905. № 94. С. 1; КОВ. Екатеринодар, 19 мая 1905. № 106. С. 1.

² О составе участков см.: Алфавитный список населенных пунктов Кубанской области // КК на 1916 год. Отд. 2. С. 434-569.

После Февральской революции 1917 г. и в ходе гражданской войны 1918-1920 гг. районная (участковая) система сохранялась, правда, с определенными изменениями в поселенном составе участков и в номенклатуре властных институций.

Система *сельского управления (самоуправления)* в регионе Верхней Кубани зародилась в период реформ 1860-70-х гг. Проправительственные издания периода Первой Русской революции утверждали, что за 40 с лишним лет, прошедших после отмены крепостного права, крестьяне «не поняли ещё и не оценили» полученное от царя право на самоуправление. В то же время, в таких публикациях обходился очевидный факт того, что такое право изначально тормозилось всесилием губернского (областного) чиновничества, сохранением архаичных норм (например, круговая порука, тяжелое бремя фискальных недоимок, телесные наказания, отмененные царем лишь 12.03.1903 г., 30.07.1904 г., 11.08.1904 г. соответственно). Теоретически закон давал возможность, например, волостному суду «защищать темный народ от происков разных кулаков, дерущих с одного вола две шкуры»¹. Но, с другой стороны, такой суд, при всех официально декларированных гарантиях самостоятельности, во многом фактически зависел от административной вертикали, начиная от сельских (станичных, аульных) старшин.

К крестьянским (сельским) обществам, организованным в поселки и села, имели право причисляться дети церковных причетников, лица, вышедшие из купеческого сословия, отставные солдаты, в целом – лица бывших податных сословий, но только по специальным решениям («приемным приговорам») этих обществ и «под условием предоставления им права участие в мирском наделе»².

Поначалу, когда крестьянские поселения были малочисленны, и выступали в форме поселков, в них действовали выборные *поселковые правления*.

---

¹ Самоуправление крестьянского сельского и волостного общества. М., 1905. С. 6, 139.

² Волков Н. Т. Сборник положений о сельском состоянии. М., 1910. С. 236.

В 1870-1880-е гг. они функционировали в поселках Георгиево-Осетинском, Хасаут-Греческом, Марухско-Эстонском и др.¹

Впоследствии все эти поселки были преобразованы в села и, соответственно, в них вводилось полноценное сельское управление. Отдельное село возглавлял сельский старшина, а то, которое входит в состав волости – сельский староста. Эти и другие выборные должности (помощники старшины, сельские судьи и др.) сельского самоуправления имели право занимать лица не моложе 25-летнего возраста, преимущественно «из домохозяев», не состоящих под судом и следствием, не «заведомо развратного поведения»².

Органы самоуправления обязаны были обеспечивать выполнение населением так называемых *мирских повинностей* (денежных, натуральных, отработочных), которые устанавливались для системы жизнеобеспечения сельских и волостных обществ. К числу таковых относились: содержание сельского (волостного) управления, караулов, запасных магазинов; расходы по противодействию эпидемиям и эпизоотиям; принятие мер при стихиях (пожары, наводнения и т.п.); социальное обеспечение крайне нуждающихся и обездоленных лиц, круглых сирот; содержание местных дорог, мостов, водных, ирригационных артерий³. Несмотря на то, что на Кубани земство не вводилось, население несло *земские повинности*, которые отчасти были нацелены на выполнение государственных задач⁴. В их числе – повинности подводная (выделение подвод по приказу вышестоящих инстанций), постоянная (содержание войск, дислоцированных в селе) и некоторые другие. Лишь 12.03.1903 г. была отменена круговая порука по уплате государственных, земских и мирских податей⁵.

---

¹ Кубанская справочная книжка (Далее КСК) на 1883 год. Отд. 1. С. 21.

² Волков Н. Т. Сборник положений... С. 211-212.

³ Волков Н. Т. Сборник положений... С. 280-281.

⁴ Малукало А. Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. С. 182-183.

⁵ Волков Н. Т. Сборник положений... С. 342.

Земскими сборами облагалась земля, расположенная на территории волости, в том числе приобретенная крестьянским земельным товариществом при содействии Крестьянского Поземельного Банка¹.

В *волость* объединяли смежные между собой сельские общества, как правило, расположенные от волостного села не далее 12 верст, имевшие население не менее 300 и не более 2000 ревизских душ мужского пола². В то же время, крупное село могло образовывать одну волость. Из приводившегося выше материала видно, что к моменту падения монархии на рассматриваемой нами территории имелось пять иногородних населенных пунктов, имевших статус волости, среди которых три русских (Ивано-Сусанинская /Марухская/, Ермоловская, Пантелеймоновская) и две «иногородческие» (Хасаут-Греческая и Марухо-Эстонская, включавшая поселок Хуссы-Кардоник).

В ту пору функционировало три органа волостного самоуправления – *волостной сход*, *волостное правление* и возглавлявший его *волостной старшина*, а также один судебный орган (*волостной суд*).

На сход созывались представители всех населенных пунктов, входящих в состав волости согласно установленной квоте (по 1 выборному от каждого 10-ти дворов), а также все волостные и сельские должностные лица. В волости, которая состояла из одного сельского общества, вместо процедур созыва волостного схода, применялись нормы обычного сельского схода. Участники схода не были равноправны: те, кто имел собственные земельные участки, обсуждали и принимали участие в решении всех вопросов, отнесенных к ведению схода, безземельные – только тех, которые касаются их (например, по делам о раскладке повинностей). Волостной сход избирал должностных лиц (старшину, его помощников, судей), решал вопросы о хозяйственных и общественных делах волости, о создании волостных учебных заведений, о назначении и раскладе волостных сборов и повинностей, о запасных хлебных магазинах, об утверждении решений сельских обществ, входивших в во-

---

¹ Волков Н. Т. Сборник положений... С. 142.

² Самоуправление крестьянского сельского и волостного общества. М., 1905. С. 118.

лость, относительно изгнания из таких обществ порочных лиц, об опекунстве и т.д.¹

Волостной старшина наделялся обширными полномочиями, причем не только гражданско-управленческими, но и другими. Среди них, например, были:

- *полицейские* (обеспечение доступными средствами правопорядка, безопасности жителей и их имущества «от преступных действий», задержание правонарушителей, «бродяг и беглых», паспортное дело и т.д.);

- *контрольные* (надзор за строительством; за выполнением повинностей /в том числе воинской/; за состоянием волостных учреждений /школ, больниц, аптек и т.п./, коммуникаций /дорог, мостов/, за исполнением решений волостных схода и суда);

- *фискальные* (содействие податному инспектору и акцизным органам в выявлении нарушений налогового законодательства и задержании виновных) и др.

Он был также наделен правом налагать денежный штраф до 1 рубля, приговаривать к 2-дневным принудительным общественным работам, к 2-дневному административному аресту².

Старшина волости, его помощники, сборщики податей (иногда и старосты поселений, входивших в волость) составляли волостное правление. В его компетенцию входили реализация волостного бюджета, утвержденного волостным сходом, принятие на службу и увольнение всех наемных должностных работников, право заверения подписей на договорах жителей волости, ряд других незначительных функций. По большей части полномочий правление являло собой совещательный орган при старшине³

Устанавливались должностные знаки для волостных старшин (нашейные), их помощников, сельских старост (нагрудные)⁴.

---

¹ Волков Н. Т. Сборник положений... С. 137-145.

² Там же. С. 145-154.

³ Там же. С. 155-161.

⁴ Там же. С. 223.

Проект нового «Положения о волостном управлении», внесенный П.А. Столыпным в 1907 г., долго обсуждался, был одобрен Государственной думой, но впоследствии отклонен Государственным советом¹.

На все поселенческие общины, кроме хуторских, распространялось действие структур *судебной системы*. Низшей судебной инстанцией для всего населения выступали местные – станичные, сельские, волостные, аульные – суды.

Судебные уставы в Кубанской области были введены с 1.01.1871 г. В крестьянских волостях Верхней Кубани действовал институт *волостного суда*. Последний рассматривал мелкие уголовные правонарушения (кроме конокрадства и кражи крупного рогатого скота; утайки найденного имущества, хозяин которого известен, на сумму свыше 100 руб. и т.д.), а также некоторые гражданские дела². (Подробнее об этом будет сказано ниже).

Лица, избранные сходами поселений, входящих в одну волость, на должности волостных судей и кандидатов к ним (запасных судей) утверждались вышестоящими инстанциями сроком на 3 года. Законом устанавливалось, что на такую должность могут быть выбраны крестьяне-домохозяева не моложе 35 лет, «пользующиеся уважением односельцев и, по возможности, грамотные». Запрещался доступ к избранию для бывших осужденных к телесному наказанию и тюремному заключению, для розничных торговцев спиртными напитками, для лиц, занимающих «другие должности по волостному или сельскому управлению»³.

Заседания волостного суда в присутствии не менее 3-х судей (включая председателя) проходили не реже 2-х раз в месяц. Решения принимались большинством голосов, а при равенстве проходило то решение, за которое голосовал председатель.

---

¹ П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. 2-е изд. Т. 1. М, 2011. С.308-318.

² Самоуправление крестьянского... С. 134-135.

³ Волков Н. Т. Сборник положений... С.162-167.

К ведению волостного суда относились гражданские дела, касавшиеся споров и тяжб между лицами по поводу недвижимости в составе крестьянского надела, между наследниками имущества (по ним устанавливалось, что суд «руководствуется местными обычаями»). Данный суд разбирал дела о мелких крестьянских проступках, а также спорах и тяжбах до 100 руб. включительно; имел право приговаривать виновных к общественным работам (до 6-ти дней), штрафу (до 3-х руб.), аресту (до 7-ми дней). Апелляционной инстанцией для решений волостного суда выступал съезд мировых судей¹.

Исполнение приговоров волостного суда возлагалось на волостного старшину; при затягивании им реализации судебных решений, каждый член общины имел право подать жалобу в вышестоящую административную инстанцию. Последняя не реже двух раз в год обязана была производить ревизионную проверку волостных судов².

В принципах деятельности данного суда бытовало то, что, можно сказать, «составляло суть... обычного права» – ориентир на примирение сторон конфликта, учет личных свойств фигурантов судебного дела и т.д.³

При создании волостного суда, отмечают исследователи, авторы проекта исходили из того, что он «облегчит жизнь» крестьянства, которое, однако, предпочло мировой суд, рассчитывая найти там «божеское правосудие». Такой выбор крестьян, несмотря на то, что «волостная контора почти всегда находилась ближе камеры мирового судьи», исследователи объясняют недовольством крестьян опытом работы местных судов, сильно зависевших от сельской администрации (старшины). Поскольку мировой суд рассматривал дела с исками на сумму свыше 100 руб., то крестьяне, стремясь избежать волостного суда и желая передать дело в суд мировой, шли на хитрость – выставляли иски на 101 руб. К такому приему прибегали и иногородние с осед-

---

¹ Волков Н. Т. Сборник положений... С. 182, 193-196, 209

² Самоуправление крестьянского... С. 139, 140.

³ Ефремова Н.Е. Реформирование волостных судов в России по Закону о земских участковых начальниках от 12 июля 1989 года // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(25). Нижний Новгород, 2014. С. 201-207.

лостью, жившие в станицах, и не верившие в благополучный для себя исход разбирательства в станичном суде¹.

Мировые суды для жителей области – коренных и иногородних – являлись собой систему судебных органов второй инстанции. Мировой судья имел право на следующие санкции: выговоры, замечания, внушения; штрафы до 300 руб.: арест до 3-х месяцев; тюремное заключение до полутора лет².

Все населенные пункты региона были распределены по *мировым судебным участкам* (МСУ). В 1870-77 гг. в 1-м МСУ (местопребывание судьи – ст. Баталпашинская) состояли все 8 станиц рассматриваемого региона, во 2-м МСУ (местопребывание судьи – ст. Прочноокопская) – поселения «иногородцев» (греческий, осетинский). В 1878 г. состав участков был изменен, часть населенных пунктов вошла во 2-й (Баталпашинский) МСУ 5-го (Прочноокопского) *судебно-мирового округа* /СМО/ (станции Баталпашинская, Зеленчукская, Кардоникская, Верхне-Николаевская, Усть-Джегутинская; осетинский, эстонский, греческий, еврейский поселки; аулы по правобережью Малого Зеленчука и вверх по Кубани от впадения в нее той же реки; местопребывание судьи – ст. Баталпашинская), другая – в 3-й (Отрадненский) МСУ 4-го (Лабинского) СМО (станции Исправная, Преградная, Сторожевая; аулы по Большому Зеленчуку, левобережью Малого Зеленчука, между этими реками; местопребывание судьи – ст. Отрадная). Съезды мировых судей 4-го и 5-го округов проводились в станицах Лабинская и Прочноокопская³.

Позднее баталпашинский мировой участок был отнесен к Амавирскому СМО, а отрадненский – к Лабинскому СМО⁴. На 1898 г. все населенные пункты региона Верхней Кубани находились в составе 2-го (Баталпашинского) СМУ IV-го Армавирского СМО⁵. В 1916 г. этот участок имел 8-й номер¹.

---

¹ Зозуля И.В. Низшие судебные инстанции в жизни сельского населения на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа / Материалы межрегиональной научной конференции / под ред. Н.Д. Судаццева. Ставрополь, 1999. С. 61-63.

² Кубанский календарь на 1900 год, Отд. 2 С. 129-130.

³ ПККО на 1874 год. Отд. 2. С. 233-240; на 1875 год. Отд. 2. С. 70-71; на 1876 год. Отд. 2. С. 49-50; на 1877 год. Отд. 2. С. 47-48; на 1879 год. Отд. 2. С. 238-239; на 1880 год. Отд. 2. С. 242; на 1881 год. Отд. 2. С. 2-3.

⁴ КСК на 1891 год. Отд. 1. С. 6.

⁵ Кубанский календарь на 1898 г. С.22-32

Третьей судебной инстанцией с 1.01.1871 г. являлся *Екатеринодарский окружной суд*, которому был подведомственен судебный округ, включавший Кубанскую область и Черноморский округ. Окружной суд рассматривал гражданские дела с исками более 500 руб., а также уголовные, выходившие за рамки компетенции мировых судей. Специалистами отмечается, что приговоры окружного суда с участием присяжных заседателей не могли обжаловаться в порядке апелляции, так как считались окончательными. Обжалование по ним могло выступать только в порядке кассации (на уровне Правительствующего Сената). Апелляционной инстанцией для других приговоров Екатеринодарского окружного суда выступала Тифлисская судебная палата².

Поселения иногородних были включены в сферу деятельности государственной *правоохранительной системы* (надзор, дознание, следствие, сыск и пр.). На Кубани прокурорский надзор был неотъемлемой частью судебной системы. В структуре Екатеринодарского окружного суда состояли прокурор, его секретарь и несколько товарищей (помощников). Один из таких товарищей прокурора находился в ст. Баталпашинской.

Екатеринодарский судебный округ был разбит на десятки участков судебных следователей или *судебно-следственных участков* (ССУ), из которых поначалу только два располагались на территории Баталпашинского уезда (отдела). В первые годы их существования состав 1-го и 2-го ССУ совпадал с составом 1-го и 2-го МСУ, включая и локализацию их штаб-квартир в Баталпашинской и Прочноокопской соответственно³. После 1877 г. следственные участки уезда были переименованы по местам расположения штаб-квартир и реорганизованы. Однако их по-прежнему оставалось два. Баталпашинский (1-й) ССУ по составу и центру совпадал со 2-м МСУ, а Отраденский ССУ – с 3-м МСУ. Кроме того, ст. Псеменская относилась к Лабинскому участку⁴.

В 1890 гг. имелось три ССУ – с офисами следователей в станицах:

---

¹ Кубанский календарь на 1916 год. С. 163.

² Лучинский Ю. Прокурорский надзор Екатеринодарского окружного суда // Прокуратура Краснодарского края. Краснодар, 2005. С. 25-34.

³ ПККО на 1875 год. Отд. 2. С. 74-75; на 1876 год. Отд. 2. С. 45.

⁴ ПККО на 1877 год. Отд. 2. С. 43-44; на 1878 год. Отд. 2. С. 57-59.

- Баталпашинской (1-й участок: все три станицы правобережья Кубани; все карачаевские аулы бассейна Кубани; аулы Дударуковский, Кумско-Лоовский, Лоовско-Кубанский; с. Марухское, поселения еврейское и осетинское);

- Невинномысской (2-й участок: аулы Мансуровский, Шахгиреевский, Эрсаконский, Ураковский);

- Отрадной (3-й участок: станицы и аулы на берегах Большого и Малого Зеленчуков /без Эрсакона/, поселки греческий и эстонский, Зеленчукский мужской монастырь)¹.

Позднее число участков возросло до пяти, из которых офисы («камеры») судебных следователей трех участков (1-го, 2-го и 5-го) ССУ располагались в ст. Баталпашинской, остальных – в Невинномысской (3-го) и Отрадной (1-го)².

Кубанское областное *жандармское* управление (г. Екатеринодар, создано 2.11.1880) выполняло функции дознания «по делам о государственных преступниках», наблюдение «за местным населением и направлением политических идей в обществе», конвоирования арестованных, участия «в сохранении общественного спокойствия»³. В 1916 г. числился один помощник (в чине ротмистра) начальника этого управления по трем (Баталпашинскому, Лабинскому и Майкопскому) отделам, располагавшийся в Армавире⁴.

Следует отметить, что сложившаяся правоохранительная система осуществляла и надзор за перемещением населения, в том числе за самовольным заселением иногородних в те или иные населенные пункты. На завершающем этапе Кавказской войны и сразу после её окончания она была более жесткой. Например, в 1850-60-е гг. в подчинении пристава «пристава Карачаевских и Абазинских народов» находились горские караульные посты, которые активно пресекали попытки несанкционированного начальством переселения жи-

¹ АКНИИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 5-9; Кубанский календарь на 1898 г. С. 22-32.

² Кубанский календарь на 1916 год. С. 158.

³ Лучинский Ю. Прокурорский надзор Екатеринодарского окружного суда // Прокуратура Краснодарского края / Ред. и сост.: Т.А. Василевская. Краснодар, 2005. С. 25-34.

⁴ Кубанский календарь на 1916 год. С. 119.

телей из соседних восточных районов на Кубань¹. Позднее, в пореформенный период статус иногородних, постоянно проживавших в горских селеньях, в плане общего надзора не отличался от положения полноправных членов данных обществ. В циркуляре, адресованным аульным правлениям и приставам Баталпашинского уезда от 5.12.1879 г. за №21375, уездный начальник предписывал аульной полиции «наблюдать за подозрительными и неблагонадежными лицами, проживающими постоянно в ауле», а также следить за приезжающими из других населенных пунктов и за выезжающими из селений².

Таким образом, иногородние, проживавшие в самостоятельных поселениях, получили возможность создания структур местного самоуправления на сельском уровне. Существовала практика объединения нескольких населенных пунктов или крупного села с хуторами в одну административную единицу, называвшуюся волость. Иногородние, проживавшие в станицах и аулах, зачастую, были лишены возможности участвовать в местном самоуправлении. При этом во всех случаях большое значение имел имущественный ценз. Лица, не обладавшие имуществом в пределах населенного пункта проживания, не могли быть полноценно представлены в управленческих структурах и имели правовые ограничения в ходе обсуждения тех или иных вопросов и при принятии решений. Поселения иногородних были включены в сферу деятельности государственной правоохранительной и судебной системы по территориальному признаку и не имели каких-либо правовых преференций или отличий.

---

¹ ГА КЧР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 30. Л. 7-8.

² ГА КЧР. Ф. 7. Оп. 1 Д. 1. Л. 1.

1.3. Эволюция правового положения иногородних

Следует отметить, что вопрос о политико-правовом статусе иногороднего населения поднимался высокими функционерами кавказской администрации еще в годы «Великих реформ». Один из таких деятелей, барон Николай, в 1870-е гг. указывал на противоречие между политическим статусом двух категорий населения Кубани и Терека. Он писал, что в них одна часть населения, казаки и горцы (большинство жителей) находилось в подчинении военной администрации, а другая, «гражданский элемент» (иногороднее население) городов и слобод – в системе гражданского управления и гражданского судопроизводства¹. Впоследствии вторая часть населения была также подчинена общей – наряду с коренными жителями – административной и судебной системе.

Выше нами отмечалось, что на Кубани иногороднее население изначально не было однородным в социальном и правовом плане; привилегированная часть сохраняла свои позиции вплоть до падения монархии, и поэтому вполне естественно, что в период Первой Русской революции оставалась вне революционного движения. Но большинство иногородних казачьих областей Юга России в той или иной степени стремилось добиться от правительства качественного изменения своего правового статуса.

Понятие сословия рассматривается нами в его классическом значении, то есть как обозначение групп людей, различающихся по правам и обязанностям, как правило, передаваемым по наследству. Как видим, речь идет об исторически сложившемся правовом статусе, в связи с чем, в данном разделе мы рассматриваем тему о положении *иногородних в сословной структуре населения* на примере Баталпашинского отдела. Описание и статистика сословной стратификации Кубани ещё с дореволюционного времени фиксиру-

---

¹ Отчет по главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Его Императорским Высочеством великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 – 6 декабря 1872. Тифлис, 1873. С. 61.

ют следующие основные сословия – дворянство, духовенство, казачество («войсковое сословие»), купечество, мещанство, крестьянство. Иногородние были отнесены к категории «не войсковых сословий», но формально самостоятельного сословного статуса не имели. Таким понятием, по сути, объединялись все не казачьи сословия и социальные группы.

Самые полные сведения относительно сословной структуры рассматриваемого региона отражены в материалах первой Всероссийской переписи 1897 г. Согласно этим данным, Баталпашинский отдел занимал первое место среди всех отделов Кубанской области по наибольшему удельному весу крестьян и наименьшему – казаков. При этом к крестьянам отнесена была основная масса представителей коренных горских этнических общин¹, что в терминологическом плане, на наш взгляд, было верным. Судя по данной переписи, четверть (54,1 тыс.) из наличного населения Баталпашинского отдела (215,4 тыс. чел.) родилась за пределами Кубанской области². *Крестьян* в отделе насчитывалось более 131,25 тыс. чел. (61%) от наличного населения, из которых 63,7 тыс. (48,5%) составляли русские, украинцы и белорусы. Определенную часть представляли этнические меньшинства, включая 4 тыс. немцев, 1,8 тыс. осетин, а также 783 эстонца, 579 поляков, 383 еврея, 345 греков, 97 армян и др. Остальные – горские крестьяне. Второе место после крестьян по численности занимали *казаки* – 67,3 тыс. чел., или 31,3% населения отдела. Почти в одиннадцать раз было меньше лиц из сословия *мещан* – 6,2 тыс. чел. (в ст. Баталпашинской – 891 чел.), то есть, менее 3% наличного населения. Примечательно, что из 1087 чел. представителей сословия *потомственных дворян* Баталпашинского отдела относительное большинство принадлежало аристократии тюркских народов – 513 чел. (47,2%), среди которых были карачаевцы – 233 чел. (21,4%), татары – 177 чел. (16,3%), ногайцы – 100 чел. (9,2%). Русские и украинцы составляли 287 чел. (26,4%), черкесы –

---

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого / Т. 65: Кубанская область. СПб., 1902. С. VI.

² Первая Всеобщая перепись... С. 2.

111 чел. (10,2%). Сравнительно небольшим было число членов семей сословий *духовенства /христианского/* (338 чел.) и *купечества* (55 чел.)¹.

В 1909 г. в отделе (при общей численности населения в 254784 чел.) насчитывалось 1010 дворян, 129 почетных граждан, 1042 священнослужителей, 65 купцов, 4056 мещан и цеховых; 100518 лиц войсковых сословий, 75901 крестьянин, 60336 «туземцев сельского состояния», 2727 лиц «отдельных сословий»².

Своеобразной формой так называемого социального лифта в дореволюционной России долгое время оставался переход из крестьянского или мещанского сословия в купеческое. В пореформенное время такой переход был существенно облегчен. Согласно Положения о пошлинах на право торговли и других промыслов от 1863 г. (ст.12-я, в ред. 1865 г.), приобретение купеческого свидетельства, или патента 1-й и 2-й гильдии предоставляло лицам, «их взявшим, сверх права на торговлю, звание купеческое и соединенные с оным личные преимущества»³.

Иначе говоря, крестьянин или мещанин, с получением патента на торговлю мог, по желанию, перейти в купеческое сословие, что, правда, требовало ежегодной уплаты пошлины за указанное свидетельство.

По закону от 18.01.1865 г., купцы, пребывавшие 20 лет подряд в 1-й гильдии, получали вместе с семействами статус *почетного гражданства* (при этом прежние, до издания данного закона, годы пребывания в высших гильдиях подлежали перерасчету: один год прежнего пребывания в 1-й гильдии приравнивался к двум годам в 1-й гильдии нового времени, а во 2-й гильдии старого времени – за год в новой 1-й гильдии)⁴.

Новые нормы были определены законом от 8.06.1898 г., по которому для получения купеческих прав соответствующий глава семейства должен

---

¹ Первая Всеобщая перепись... С. 1-9, 242-244.

² Обзор Кубанской области: По поручению Наказного Атамана Кубанского казачьего войска ген.- лейт. Бабыча / Под ред. И.И.Кияшко. Сост. П.Орлов. Екатеринодар, 1911. Приложение №2.

³ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов со всеми позднейшими изменениями и дополнениями. Харьков, 1869. С. 8.

⁴ КВВ. Екатеринодар, 25 сентября 1865. № 38. С. 2.

был вначале взять на свое имя соответствующее сословное свидетельство с уплатой за это на счет государственного казначейства 50-ти (для 1-й гильдии) или 25 (для 2-й гильдии) рублей, «независимо от уплаты местных сборов, установленных на сословные купеческие и общественные надобности». Затем претендент должен был взять промысловое свидетельство (патент): для получения статуса купца 1-й гильдии – патент на торговое предприятие 1-го разряда (или промышленное предприятие 1, 2 или 3 разряда), а для статуса 2-й гильдии – патент на торговое предприятие 2-го разряда (или промышленное предприятие 4 или 5 разряда)¹.

Появление купцов в казачьих станицах было, в общем-то, предрешено именным рескриптом царя на имя начальника Кубанской области генерала Н.И. Евдокимова от 24.06.1861 г. Как указывается в тексте данного документа, в целях «развития у казаков торговли и промышленности», разрешается «людям стороннего для войска звания приобретать в собственность дома, сады, заводы, магазины, лавки и вновь возводить всякие из означенных строений» в станицах Кубани.²

Императорская установка была конкретизирована в законодательных актах (1862 и 1868 гг.), которые мы рассмотрим в настоящем разделе чуть ниже. Здесь же отметим, что благодаря этим актам купеческое сословие смогло внедриться в хозяйственное и правовое пространство Кубанского края.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса об *эволюции статуса иногородних с оседлостью*. В период реформ 1860-70-е гг. складывалась основа системы нормативно-правовой регуляции отношений иногородних в административной, судебной, фискальной, имущественной и хозяйственной сферах. Социально-правовое положение *иногородних – жителей казачьих станиц* впервые начало получать нормативное оформление в «Положении о заселе-

---

¹ Полное собрание законов Российской Империи (Далее ПСЗРИ). Собр. Третье. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1898. С. 490.

² Жданова Л.А. Купеческая усадьба в социокультурном ландшафте региона. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2017. С. 102-103.

нии...» 1862 г. Им устанавливалось, что «лица, не принадлежащие к войсковому сословию (иногородние)» могли получить право оседлости в станицах через покупку казачьих усадеб или пустопорожних мест на территории ККВ. Но при этом они обязаны были «за находящуюся под их усадьбами землю» (остававшуюся в собственности казачьей общины) вносить так называемую посаженную плату: в станицах и казачьих поселках – по 2 коп. за квадратный сажень (§109). (Это обстоятельство и определило название платежа). Иногородние на общих основаниях подвергались взысканиям за недоимки (§114), подчинялись казачьей администрации (§116), обязаны были выполнять общие земские повинности – постоянную, подводную, по исправному содержанию дорог, мостов и переправ (§142)¹. Позднее, был издан циркуляр ГУКВ (от 25.06.1897 за №2) с разъяснением по вопросу о привлечении лиц не войскового сословия к отбыванию подводной и пожарной повинностей, а также вышел указ Правительствующего Сената от 12-31.03.1898 г. об отбывании иногородними караула при станичных церквах².

Итак, в актах законодательно определялась категория проживавших в станицах иногородних («лиц не войскового сословия»), имеющих оседлость. Это, соответственно, предполагало наличие другой категории – иногородних, не имеющих оседлости, к которой позднее были причислены «все лица невойскового сословия, проживающие в станицах на квартирах или на частновладельческих землях в качестве арендаторов». Решением царя от 11.04.1872 г. слово «иногородние» формально было заменено на термин «лица невойскового сословия». Но это было неудачное, по мнению современников, определение, так как такого сословия в империи юридически не существовало, вследствие чего к указанному кругу лиц могли относиться представители разных сословий – крестьян, мещан, дворян и т.д.³

---

¹ Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. СПб., 1862. С. 1-63.

² Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 127-131.

³ Там же. С. 33-35.

Региональная администрация прилагала определенные усилия к тому, чтобы ослабить конфликтогенность правового положения иногородних в казачьих населенных пунктах. Так, в феврале 1867 г. начальник Кубанской области, прямо указывая на «некоторую ненормальность отношений коренного населения и иногородних в общественной жизни», ходатайствовал перед главнокомандующим Кавказской армией и наместником Кавказским о разрешении общинам оседло живущих иногородних (не менее 15-ти семей) некоторых станиц (в том числе Баталпашинской) избирать из своей среды 1 судью и 1 депутата для участия в станичном суде по делам, непосредственно связанным с ними. Однако это обращение было оставлено без внимания¹.

Согласно «Положения об общественном управлении в казачьих войсках» от 13.05.1870 г., станичное общество состояло «из всех, без различия сословий, жителей станицы» (ст.1). Тем самым, формально членами общества выступали и жители не войсковых сословий, т.е. иногородние. В то же время документ определял, что лица таких сословий, «живущие в станичных обществах и имеющие там собственные дома или другую недвижимость», могут участвовать в станичных сходах «только при обсуждении и решении дел», касающихся «лиц не казачьего сословия» (ст. 4 прим.). Из контекста следует, что таковыми могли быть, в частности, дела о разверстке земских повинностей, о принятии мер по предупреждению и взысканию недоимок, о назначении опекунов и попечителей, проверке их действий, об удалении из станицы «вредных и порочных лиц» и отстранении их от участия в сходах на срок до 3 лет (ст. 7). «Положение...» устанавливало, что иногородние, как и казаки, подчинены станичной администрации, наделенной полномочиями в общественной и полицейской сферах (ст. 11-12, 25)².

Формально те же нормы были установлены в «Положении о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Кубанской области» от

---

¹ Шамрай В. Историческая справка.... С. 80-81, 162-163.

² КСК на 1891 год. Отд. 2. С. 200-205.

30.12.1870 г. Там также определялось, что сельское (аульное) общество образуется из всех жителей данного селения «без различия их по вере и сослови-ям» (ст. 2)¹. Однако здесь не было ограничений, аналогичных тем, которые устанавливались в станицах для «лиц не войскового сословия».

По нормам «Положения об общественном управлении в казачьих войсках» 1870 г., как казаки, так и иногородние, в делах с суммой иска, ущерба (убытка) не более 100 рублей, были подсудны *станичному суду*, наделенному правом выносить виновному приговор к общественным работам до 6 дней, к административному аресту до 7-ми, штрафу до 3-х рублей. Апелляционной инстанцией выступал *съезд мировых судей* (ст. 33-39, 50-51), в котором участвовали мировые судьи одного мирового судебного округа². Такие же, по сути, нормы были заложены в «Положении о сельских (аульных) обществах...» 1870 г., но апелляционной инстанцией здесь обозначен горский словесный суд (ст. 51), действие которого не распространялось на негорское население³.

После гибели императора Александра II (1881 г.) либеральные реформы оказались свернуты. После начала *периода реакции (контрреформ)* на Кубани упразднили систему гражданских уездов, вместо которых были созданы отделы во главе с казачьей администрацией. В период контрреформ положение иногородних явно ухудшилось. На Кубани «права иногородних на участие в местном самоуправлении были сведены к нулю», а на станичных сходах «зачастую им предлагалось лишь выслушать и подписать уже состоявшееся решение». Подчиняясь юрисдикции станичного суда, иногородние, в то же время, не имели права быть избранными в его состав. Иногороднее население не допускалось к обучению в станичной школе, к пользованию аптекой, фельдшерской помощью, хлебо-запасными магазинами. Парадокс ситуации заключался в том, что эти учреждения содержались за счет станич-

---

¹ КСК на 1891 год. Отд. 2. С. 220.

² Там же. С. 207-209.

³ КСК на 1891 год. Отд. 2. С. 228-229.

ной казны, где одной из самых доходных статей являлась посаженная плата, взимаемая с иногородних¹.

Утвержденное Александром III «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 3.06.1891 г. определило, что иногородние, имеющие оседлость («живущие в пределах станичного юрта и имеющие там собственные дома»), вправе направлять на станичный сбор своих выборных из расчета 1 выборного от каждых 10-ти дворов, но, как и раньше, только для участия в обсуждении и решении *лишь тех дел, которые касаются этих лиц* (ст. 8). Документ обозначает, что станичный сбор осуществлял разверстку земских повинностей между обывателями войскового и невойскового сословия (п. 8 ст. 13)².

На основе общих решений вышестоящих инстанций областные власти осуществляли регламентацию через собственные подзаконные нормативные акты, в том числе через циркуляр Кубанского областного правления о порядке проведения выборов на станичный сход (9.09.1891), а также циркуляры начальника области об участии лиц невойскового сословия в станичных сборах (10.03.1894. №9236), о форме составления станичных общественных приговоров (7.08.1892. № 25988)³.

В своём видении реформ самоуправления той поры современники отмечали необходимость более тесного вовлечения иногородних в станичную жизнь. В том числе – в обеспечение местных структур (станичной администрации, почты, пожарной команды и пр.), в более активное участие в сборах податей на общественные (школьные, медицинские, продовольственные, церковные) нужды. С одной стороны, это позволило бы нейтрализовать недовольство среди казачьей массы, а с другой стало бы основанием для предоставления иногородним более широких прав (например, возможности участия в делах, касающихся расходования податей, наличия права голоса

---

¹ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 42-43, 45-46.

² Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. С. 2-6.

³ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 127-131.

при избрании судей и права быть избранным судьей)¹. Однако в имперский период все эти идеи так и не получили реального воплощения.

Касаясь законодательных преобразований (контрреформ) Александра III относительно казачества, Л.П. Мельников писал, что они «были проникнуты духом такой узкой сословности и таким равнодушием к другим категориям населения», что при трактовке этих законов нужды иногородних рассматривались «лишь в отрицательном смысле». В этом «реакционном движении» автор винил администрацию, которая подзаконными актами дала выгодное для казачества «самое широкое истолкование» закона 1868 г. А затем последовало изменение этого закона, внесенное царем 13.05.1883 г., которое крайне осложнило приобретение иногородним недвижимости в казачьих населенных пунктах и, по сути, ставило целью «навсегда прекратить дальнейшее поселение иногородних в станицах»².

Приказом военного министра от 10.04.1886 г. (№ 76) иногородним запрещалось возводить необходимые постройки, ремонтировать уже имеющиеся на приобретенных усадьбах, делать постройки вместо сгоревших от пожара. Эта запретительная мера имела задачей постепенно вытеснить из станиц тех, кто уже получил оседлость, и «отбить охоту селиться у вновь прибывающих». Инструкция Кубанского областного правления указывала на то, что казаки должны стараться обособляться от иногородних, всячески проводить различие между ними и собою³.

Следует отметить, что контрреформы Александра III в определенной степени получили поддержку со стороны казачества Юга России. Это объясняется мощной волной миграции их других регионов империи, которая в период с середины 1870-х и до середины 1890-х гг. привела к более чем 6-кратному увеличению иногороднего населения в Кубанской области. Его численность, в итоге, превысила число казаков. Этот фактор не только

---

¹ Мельников Л.М. Иногородние... С. 135, 137.

² Там же. С. 109-111.

³ Там же. С. 115, 118-120.

«сильнейшим образом» изменил социально-экономическое положение Кубани¹, но и обусловил ужесточение правоприменительной практики властей в отношении переселенцев.

Такой курс активно проводил тогдашний глава царской администрации на Кавказе князь Дондуков-Корсаков, который, со ссылкой на «отсутствие свободных казенных земель» активно пресекал крестьянскую миграцию на Кубань и Терек. В 1883 г. он инициировал одобренный царем запрет продажи казаками каких-либо усадеб и построек иногородним без согласия станичных общин и войскового начальства. Одновременно предпринимались меры к тому, чтобы заставить уйти из станиц иногороднюю категорию населения с оседлостью², издавались подзаконные акты, ставившие «целью стеснить иногородних всюду, где только к тому представляется возможность»³. Нередко иногородним запрещалось пользоваться станичными выгонами, водными ресурсами, лесными угодьями, камышом и др.⁴ Давление на них велось и через неуклонное увеличение посаженной платы (см. 1.3.). Как подчеркивал дореволюционный автор Т. Демьянов, написавший брошюру о положении иногородних, они «не платят только за право пользоваться воздухом»⁵.

Следует признать, что здравомыслящими администраторами на Кубани предпринимались отдельные попытки ослабить запретительный прессинг на иногороднее население. Так, своим решением от 4.07.1885 г. Кубанское областное правление дало тем представителям этой группы населения, кто приобрел усадьбы на казачьих землях, право возводить новые постройки, «не

---

¹ Мельников Л.М. Иногородние... С. 83.

² Матющенко П.П. Переселения крестьян в казачьи области Северного Кавказа в политике царизма конца XIX в. // Теория и практика общественного развития / Исторические науки. Краснодар, 2013. №12/2. С. 23-26; Его же: Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терека в период контрреформ в России // Теория и практика общественного развития. М., 2014. № 21. С. 183-186.

³ Мельников Л.М. Иногородние... С. 104.

⁴ Савельев В.А. О поземельных отношениях крестьянства и казачества на Дону и Кубани в начале XX в. // Вопросы истории Поурупья / Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища как памятника средневековой археологии и церковной архитектуры / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир-Отрадная, 2012. Вып. I. С. 177-181.

⁵ Матющенко П.П. Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терека в период контрреформ в России // Теория и практика общественного развития. М., 2014. № 21. С. 184.

испрашивая для этого разрешения станичных обществ». Но это, в общем-то, прогрессивное решение так и не было претворено в жизнь. Его отменили указом Правительствующего Сената от 21.01.1885 за № 583, который оставил в силе положение о запрете на возведение иногородним новых построек без разрешения станичной общины¹. Как видим, в случае полного или частично-го разрушения построек на своей усадьбе от разных стихий (пожар, наводнения, оползни и пр.) эта группа населения была лишена права быстро преодолеть их последствия – в первую очередь, возводить новую крышу над своей головой.

Точно так же специальное решение казачьих властей требовалось в случае, если иногородний желал продать свои постройки иногороднему (порядок продажи недвижимой собственности иногородним в Кубанском и Терском войсках, утвержденный царем 13.05.1883 г.)².

По результатам ревизии населенных пунктов региона Верхней Кубани (лето 1893 г.) областной начальник составил и опубликовал записку, в которой отразил свои наблюдения и оценки положения иногороднего населения, жившего в казачьей и горской среде. Он заметил, что, например, в станице Преградной основная сумма, получаемая от иногородних, поступала не от посаженной платы (168, 4 руб.; по 3 коп. за кв. саж.), а от арендных выплат за выпас скота на юртовой земле (3 тыс. руб.). Относительно станицы Сторожевой (3607 чел.), где «некоренные» составляли треть жителей, отмечалось, что здесь казаки лечатся бесплатно, а «иногородние по усмотрению фельдшера вносят плату». В связи с этим начальник области справедливо полагал, что необходимо «вопрос о лечении людей обсудить совместно с выборными от иногородних». В документе сообщалось, что в этой станице «за излишний скот иногородних положено 1 р. от штуки», но здесь такого «излишнего» скота не было. Посаженной платы в Сторожевой было собрано в год 340,38 руб. (по 3 коп. за кв. саж.), но эту сумму почти вдвое превышал

---

¹ КСК на 1894 год, Отд. II. С. 287-288.

² Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1884. Т. XIX. С. 126.

недоимок (около 675 руб.). Приводятся и положительные моменты: так, в Зеленчукской «иногородние изъявили желание» вносить свою часть платы на содержание аптеки и фельдшера, а в Усть-Джегутинской на содержание пожарного обоза местные иногородние (с оседлостью) платили наравне с казаками (по 40 коп. с дыма). Областной начальник обратил внимание и на аул Каменноостский, где «пришлые» (составлявшие 9% жителей), платили одинаково с коренными жителями на содержание аульного правления, а сверх того – дифференцированный налог с дыма (по 1 руб. с бедного дыма, по 2 руб. – с зажиточного)¹.

В начале 1890-х гг., как утверждал Л.П. Мельников, благодаря переменам в областных верхах, на Кубани произошёл «весьма заметный и притом благодетельный перелом в административной политике относительно иногородних». Речь, конечно, шла не об изменении правительственного курса, а о некоторой идейной либерализации, гуманных нравственных установках, общих благопожеланиях нового областного начальника. Например, указанным автором приводится циркуляр (от 14.02.1893, №1312), который, в целях устранения перекоса в несении земских повинностей, предписывал справедливо распределять их между коренными и иногородними жителями с фиксацией отбывания таких повинностей. Других реальных – нормотворческих и правоприменительных – шагов в направлении «благодетельного перелома» в начале 1890-х гг. не фиксируется. Справедливости ради, надо сказать, что всё это осознаётся и самим автором, признающим, что «прочная, устойчивая охрана прав иногородних путем законодательной нормировки» отсутствует, а положение «столь многочисленной группы населения с его интересами и нуждами» – игнорируется².

Неурожай, поразивший Кубань, в 1897 г., особо тяжело сказался на иногородних, которые, в отличие, от юридически организованных станичных

---

¹ Записка по ревизии станиц Кубанской области – Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов, за время 3-29 августа 1893 года // КСК на 1894 год. Отд. II. С. 70-71, 73-74, 76-77 85, 91.

² Мельников Л.М. Иногородние... С. 128-129.

и аульных обществ, не имели ни общинной казны, позволявшей преодолеть кризис, ни общественных хлебных магазинов (по сути, складов), где, по закону, запасов должно было быть «достаточно для прокормления нуждающегося населения в трудную для него годину». Кроме того, иногороднее население не могло в отличие от казачьих и горских общин получать под «солидные гарантии» ссуды для приобретения «средств пропитания нуждающимся своим членам»¹.

С целью снижения административных и фискальных нагрузок на иногородних Кубани, передовыми людьми того времени предлагалось непомерно высокие суммы посаженной платы заменить на налог с доходов или хотя бы снизить эту плату до таксы за площадь, которую занимают жилые и торговые постройки (а не за всю площадь приусадебной земли). Указывалось на «произвольные и развращающие поборы в виде могоарычей» за выдачу станицами разрешений «пришлым» на ремонт старых построек и возведение новых. Отмечалась необходимость дать иногородним право на возведение и ремонт любых сооружений на используемой земле, ограничив такое право лишь «обычными условиями, требуемыми строительным уставом»².

Но, несмотря на все предложения, власти ограничивались мероприятиями, так сказать, косметического характера. Так, был издан циркуляр начальника Кубанской области (от 9.01.1897 за № 226), согласно которому общая сумма накопившихся недоимок по посаженной плате уплачивалась в рассрочку не менее как на 10 лет, а сроки её ежегодной уплаты впредь определялись станичным сбором с участием доверенных лиц от иногородних (причем «меры строгости по взысканию» должны были применяться не ранее осени). Относительно запрета на сооружение иногородними построек без разрешения станичного общества, циркуляр требовал, чтобы отказ в даче согласия на такую постройку был всегда обоснован. Эти решения Л.П. Мельников рассматривал как благую реакцию «против духа узкоклассовой нетер-

---

¹ Мельников Л.М. Иногородние... С. 135-136.

² Там же. С. 132-133.

пимости и эгоизма», которая требовала также «коренных законодательных реформ...», которые исключили бы возможность возобновления и крайнего развития сословной вражды»¹.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от станиц равнинных районов Кубани, в нагорных станицах на территории Верхней Кубани – с их суровыми для жизнеобеспечения условиями – отношения между казаками и иногородними были несколько лучшими. По итогам ревизии, проведенной в 1893 г. в населенных пунктах Баталпашинского и Майкопского отделов, начальник области признавал, что «присутствие в нагорных станицах лиц не войскового сословия отвечает интересам коренных жителей». Это объяснялось тем, что иногородние несут повинности наравне с казаками, дают «материальную выгоду станичным обществам, уплачивая посаженную плату, поддерживая торговлю лесом, известью, алебастром, фруктами и изделиями из леса». Кроме того, как отмечал областной начальник, «общность интересов в борьбе с природными условиями почти везде произвела взаимное уважение войсковым и невойсковым населением»². Кстати, Л.М. Мельников позднее также признавал, что картина конфликта между казаками и некоренным населением присуща почти для всей Кубани, «исключая, однако, многие закубанские станицы, затерянные в горах». Это обстоятельство автор объяснял тем, что казаки, с одной стороны, еще «не осели прочно на отведенных местах», а с другой – природные богатства там лишь начинают осваиваться и их хватает для всех³.

Тем не менее, в начале XX в. вражда между иногородними и казаками постепенно распространилась и на регион Верхней Кубани. Так, на заре советской власти региональная администрация признавала, что на территории

---

¹ Мельников Л.М. Иногородние... С. 130-131.

² Записка по ревизии станиц Кубанской области – Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов, за время 3-29 августа 1893 года // КСК на 1894 год. Отд. II. С. 2-3.

³ Мельников Л.М. Иногородние... С. 127-128.

современной Карачаево-Черкесии, «как нигде на Кубани», между иногородними и казаками ощущается «вражда старая... хроническая»¹.

В связи с русско-японской войной общественно-политическая ситуация в стране обострилась, осложнившись массовыми аграрными волнениями, затронувшими и Кубанскую область. Применяя меры по ужесточению правопорядка, региональные власти осознавали необходимость разумного, сбалансированного сочетания практики «кнута и пряника». В январе 1905 г. был издан циркуляр начальника области, по которому беспорное взыскание с иногородних посаженной платы не распространялось на их имущество². Вслед за ним вышли циркуляры начальника области о временном освобождении от текущих платежей и недоимок посаженной платы семейств запасных нижних чинов, призванных на фронт, впредь до возвращения последних (4-5.11.1905. № 46520.), о сложении недоимок с семейств запасных нижних чинов, призванных на действительную службу осенью 1905 г. (10.11.1905. №47559) и об облегчениях по уплате посаженной платы (14-16.11.1905. № 178)³. Данный вид платежей просуществовал вплоть до падения монархии.

На фоне аграрных волнений 3 ноября 1905 г. Николай II издал указ, согласно которому с 1.01.1906 г. уменьшались наполовину, а с 1.01.1905 г. вовсе отменялись выкупные платежи крестьян. Кроме того, царь предписал правительству дать Крестьянскому Поземельному Банку «возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам» через расширение их земельных участков путем покупки, «увеличив для сего средства Банка и установив более льготные правила для выдачи ссуд»⁴.

С точки зрения изучения генезиса правовой регуляции экономической жизни иногородних большой интерес вызывает *нормативная основа предпринимательства* иногородних. Разрешительная система в сфере предпринимательства регулировалась Положением о пошлинах на право торговли и

---

¹ ГА КЧР. Ф. р-4. Оп. 2. Д. 14. Л. 75.

² КОВ. Екатеринодар, 4 февраля 1905. № 27. С. 1.

³ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 127-131.

⁴ КОВ. Екатеринодар, 29 ноября 1905. № 252.

других промыслов от 1863 г., опубликованным в «Кубанских войсковых ведомостях». По этому акту, предпринимательская деятельность, не связанная с уплатой акцизов, должна была вестись исключительно при наличии выданного государством свидетельства (патента) и так называемого билета на предпринимательскую структуру. Получение этих документов обуславливалось уплатой соответствующих пошлин (п.12). Размеры последних зависели от принадлежности местности (территории) к одному из пяти зональных классов. Устанавливались следующие виды патентов:

- купеческие (гильдейские): свидетельство 1-й гильдии (для торговли всех видов; стоимость – 265 руб.) и свидетельство 2-й гильдии (для розничного торга; стоимость – в зависимости от класса территории – от 25 до 65 руб.):

- промысловые: право на торговлю (мелочную, развозную, разносную) стоимость – в зависимости от класса территории – от 6 до 20 руб., «на мещанские промыслы» – 2,5 руб., купеческим приказчикам, в зависимости от класса территории, – 5 и 20 руб. (пп. 13-15; приложение «роспись Г»).

Свидетельство 1-й гильдии давало право на торговлю по всей империи, а 2-й гильдии – на территории уезда, где выдан патент. В первом случае предоставлялось право на подряды, поставки и откупы без ограничения в суммах, во втором – с ограничением (не более 15 тыс. руб. в каждом случае). Оба вида гильдейских патентов давали право на владение неограниченным количеством фабрик и заводов (пп. 32-33)

Патент 1-й гильдии должны были получать все акционерные общества и товарищества на паях, страховые предприятия, банкирские дома и т.п., а патент 2-й гильдии – каждый владелец среднего и крупного (более 16 работников) предприятия с использованием машин на паровой и водной тяге (пп. 34, 36). Промысловый патент обязаны были получать и хозяева остальных хозяйственных заведений.

Крестьяне-землевладельцы, реализовывавшие собственную сельхозпродукцию со своих усадеб (хозяйств) освобождались от пошлин, свидетельства на право торговли и уплаты билетного сбора за торговые помещения. От платежа пошлин освобождались и крестьяне, которые в своих селениях владели мелкими – не более 16-ти работников – ремесленными заведениями без механизмов на паровой и водной тяге, а также маслобойками, лесопилками, кирпичными предприятиями без механизмов на паровой тяге. То же самое относилось и к владельцам расположенных на территории их сел мельниц с паровыми двигателями (локомобилями) (пп. 6-8). Крестьяне, взявшие купеческие свидетельства без причисления их к купечеству, обязаны были отбывать все повинности по своему сельскому обществу (п.24)¹.

Как отмечалось, необходимо было ежегодно получать билеты на хозяйствующие заведения – заводы, фабрики, мануфактуры, мельницы, торгово-промышленные и финансовые конторы, магазины, склады, лавки, аптеки, фотоателье, типографии и т.п. (п. 26; приложение «роспись Д»). За такие билеты – в зависимости от зональной принадлежности – обладатели купеческого патента 1-й гильдии уплачивали от 10 до 30 руб., 2-й гильдии – от 5 до 20 руб., а промыслового патента – от 2 до 10 руб.

Положением 1863 г. Кубанская область была отнесена к 5-му, самому низкому классу местностей, то есть здесь уплачивались наименьшие пошлины².

Реализация в Кубанской области норм данного Положения требовала проведения учета и контроля, в связи с чем на места (в том числе в станицы 4-й Баталпашинской бригады) из Екатеринодара были направлены особые чиновники с задачей провести соответствующую работу вместе с местной администрацией (правлением) и представителями торговых кругов³.

---

¹ КВВ. Екатеринодар, 27 февраля 1865. № 9. С.1-2; КВВ. Екатеринодар, 6 марта 1865. № 10. С. 1; КВВ. Екатеринодар, 13 марта 1865. № 11. С. 1-2; КВВ. Екатеринодар, 25 сентября 1865. № 38. С. 1.

² Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов со всеми позднейшими изменениями и дополнениями. Харьков, 1869. С. 81.

³ КВВ. Екатеринодар, 27 ноября 1865. № 47. С. 2.

Правовые инновации были введены с принятием в 1898 г. *Положения о государственном промысловом налоге*. В акте уже отсутствовало понятие купеческого свидетельства, но сохранялось выдаваемое региональными управлениями казначейств сроком на год промысловое свидетельство (патент), которое обязано был получить каждое отдельное торговое и промышленное предприятие. Требовался патент и на каждый отдельный промысел или отдельное промысловое занятие – кроме тех, которые освобождались от государственного промыслового налога (ГПН).

Практически все категории хозяйственно самостоятельных иногородних являлись субъектом и объектом *фискальных отношений*. Предприниматели, хозяева движимого и недвижимого имущества были подведомственны институту *податных инспекторов*, который функционировал на Кубани с 1889 г. Эти инспектора вели надзор за торговой и промысловой деятельностью, включая её строгое документальное оформление предпринимателями (с целью определения оборотов и прибылей)¹. Основной задачей их было, конечно, обеспечение сбора налогов, которых в ту пору было немало.

Упомянувшийся *государственный промысловый налог* (ГПН) должны были уплачивать все промышленные и торговые предприятия, а также предприниматели за «личные промысловые занятия». От него освобождались такие хозяйствующие субъекты как товарищества, артели с общим капиталом не более 10 тыс. руб. и числом наемных работников не свыше 4-х чел.; предприятия по производству кирпича, черепицы, маслосырдельные, известковые, гончарные, смолокурные – не более 20-ти наемных работников и др., а также все те, кто уплачивал акцизы. Размер ГПН зависел от разряда предприятия (для промышленных предприятий их было установлено восемь, для торговых – пять), а также, как и в Положении 1863 г., от принадлежности местности к тому или иному классу. Кроме того, для акционерных обществ,

---

¹ Собриевский А.С. Обложение дополнительным раскладочным сбором торговых и промышленных предприятий в Кубанской области за восьмилетие с 1889 по 1896 год // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 12-13.

товариществ, кредитных учреждений, отчитывавшихся перед Минфином, вводились два дополнительных налога. Один из них – *налог с капитала* (по 15 коп. с каждых 100 руб. капитала), который взимался, если сумма этого налога была меньше суммы ГПН. Второй – так называемый *процентный сбор с прибыли*, который взимался, если прибыль предприятия превышала 3% на их основной капитал. Другие предприятия обязаны были уплачивать *раскладочный сбор* – разновидность налога на вмененный доход¹. Данное Положение относило некоторые города Кубани ко 2-му (Екатеринодар) и 3-му (Армавир, Ейск, Темрюк) классам местностей, а всю остальную часть области – к 4-му, низшему классу². По оценке исследователей, Положение 1898 г. принципиальным образом изменило налоговую систему, поскольку отныне объектом налогообложения выступал не предприниматель, а его предприятие³.

Иногородние с оседлостью, как отмечалось, обязаны были уплачивать *посаженную плату*, чьи высшие предельные размеры определялись постановлениями имперского Военного совета. Согласно определениям имперского Государственного Совета, утвержденным царем 27.10.1878 г.⁴ и 12.12.1888 г., взыскание недоимок по посаженной плате с иногородних «должно производится бесспорным порядком»⁵. Позднее на основе данной законодательной установки были приняты нормативные акты нижестоящих инстанций, в том числе ГУКВ (*о порядке взыскания недоимок*, 11.03. 1899. №181), Кубанского областного правления (*о порядке взыскания недоимок*, 22.09.1895); начальника Кубанской области (*о взыскании недоимок за прежнее время*, 19.06.1893. № 19921; *по поводу взыскания недоимок за время до 1889 г.*, 12.04.1895 г. № 13689; *об упорядочении дела по взысканию недоимок*, 19.03.1896. №10032; *о взыскании недоимок за прежнее время в размере 10% общей суммы недоим-*

¹ ПСЗРИ. Собр. Третье. Т. 18. Отд. 1. СПб, 1901. С. 489-515.

² ПСЗРИ. Собр. Третье. Т. 18. Отд. 2. СПб, 1901. С. 210-220.

³ Жданова Л.А. Купеческая усадьба в социокультурном ландшафте региона. Диссертация... кандидата исторических наук. Краснодар, 2017. С. 95-96.

⁴ КСК на 1894 год. Отд. II. С. 112.

⁵ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. VIII. СПб., 1890. С. 603.

ки, 12.03.1898. № 9824; о желательности сложения недоимок, 31.10.1904. № 55717)¹.

Решениями Главного управления казачьих войск (ГУКВ) регулировались отдельные вопросы взимания посаженной платы за землю, находящуюся под садами (24.05.1900. №6352), за унаследованные «плановые места в станицах» (29.05.1901. № 7150); за землю, находящуюся под строениями, приобретенными по купчим крепостям и дарственным записям (10.04.1903. №6008). О посаженной плате с лиц не войскового сословия, получивших плановые места по наследству принималось и решение штаба Кавказского военного округа (21.06.1902. №11748). Оформление платежей регулировалось циркулярами начальника Кубанской области: о книгах для записи поступающей с иногородних посаженной платы (27.09.1893 г. №31058); о выдаче квитанций во взносе иногородними посаженной платы (18.08.1900. №35426) и др.²

Кроме посаженной платы, иногородние вносили в станичную казну плату за выпас скота на общественном пастбище сверх установленной нормы³, что регулировалось начальником Кубанской области (циркуляр от 5.03.1889 за № 5746; приказ от 30.04.1892 г. за №2)⁴.

Циркуляром ГУКВ 3.07.1897 за №4 регулировалось обложение иногородних в пользу казачьих станиц тремя платежами: за пользование общественными угодьями, взамен отбывания подводной повинности и с торговых помещений, находящихся в усадьбах, облагаемых посаженной платой.

В то же время начальник области своим циркуляром от 4.11.1897 г. за № 38075 запретил взимать в доход станичных обществ налог с торговых и промышленных заведений, принадлежащих лицам не войскового сословия и находящихся на их усадебных («плановых») местах⁵.

---

¹ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 127-131.

² Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение.... С. 127-131.

³ Там же. С. 38, 42-43.

⁴ Там же. С. 127-131.

⁵ Там же.

В отношении уплаты налогов населенные пункты Баталпашинского отдела относились к 2-му податному округу (окружной надзиратель – в г. Майкопе), а точнее – в его податный участок (в разные годы – 7-й, 9-й), причем податный инспектор находился в станице Баталпашинской). Участки были подчинены Ставропольской *казенной палате*. В плане уплаты акцизов в 1890-е гг. регион входил в состав 1-го и 5-го акцизных округов, подведомственных Кубано-Черноморскому *акцизному управлению* (контора – в г. Ставрополе), позднее – в состав 5-го участка 2-го округа того же управления¹.

Все изложенное помогает понять истоки потрясений на Кубани эпохи трех русских революций, вовлечения существенной части населения в революционные процессы и последующее ожесточение гражданской войны. Недовольство кубанского крестьянства перманентной правовой дискриминацией и фискальным гнетом нарастало из десятилетия в десятилетие, обретая – по мере увеличения грамотной прослойки иногородних – идейное обоснование. Ещё в 1890-е гг. областные власти фиксировали «множество жалоб», поступавших от иногородних, на «неправильные распоряжения местных властей» по вопросам отбывания земских повинностей; «массу жалоб» относительно платежей и т.д. В ответ на них начальник Кубанской области лишь «выражал уверенность, что станичные общества, строго соблюдая свои интересы, отнесутся все же по-христиански и к проживающим в них лицам невойскового сословия..., таким же русским людям»². Создавалось впечатление, что областные власти не понимали причин, остроты и глубины социального противостояния. Благостная, но наивная мысль о христианском милосердии и этнической солидарности уверенно вытеснялась простой и доступной всем идеей «классовой борьбы против кровавых угнетателей».

---

¹ КСК на 1891 год. Отд. 1. С. 6-7; Кавказский календарь (Далее КК) на 1898 г. С. 22-32; КК на 1911 год. С. 277.

² КСК на 1894 год. Отд. II. С. 111-113.

В период Первой русской революции старые противоречия между иногородними и коренным жителями Кубани проявились особо остро, создав «между казаками и иногородними антагонизм», доходивший «до открытой вражды и вооруженных столкновений». Отмечая это, современники указывают, что конфликты «приняли бы более крупные размеры, если бы в руках администрации не было возможности применять... для восстановления нарушенного порядка военную силу». Признавалось, что «над иногородним населением постоянно висит Дамоклов меч» силового подавления¹. В декабре 1905 г. в Кубанской области практически были парализованы железнодорожные и почтово-телеграфные сообщения, что затронуло и Баталпашинский отдел².

Отметим, что по мере распространения революционных идей, их носителями в круг классовых врагов сельского пролетариата зачислялось не только казачество, но и агарные магнаты из числа иногородних. В процессе революционного брожения произошли крупные выступления сельскохозяйственных рабочих на севере Баталпашинского отдела, в основном за пределами территории современной КЧР – в экономиях земельных олигархов Макеевых, Мазаевых, Меснянкиных и др. (Для их подавления атаман отдела просил у областного начальника силовой поддержки). Тогда же происходили аграрные волнения в селениях Черкесии, где 19 аулов выдвинули требования о возврате им земель, изъятых в казну³. Протестные настроения наблюдались и в селениях Карачая, где также были обусловлены аграрным вопросом. Горцы а. Джегутинского вместе с русскими ст. Усть-Джегутинской выступили против полковника Свидина, который обвинялся в захвате земель на казенном участке «Учкурка» (1907 г.). Аграрные волнения проходили в аулах Хурзук и Теберда уже после окончания Первой русской революции (1908 г.).

---

¹ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 17-18.

² КОВ. Екатеринодар, 15 декабря 1905. № 265.

³ Лайпанова З.К. Просветители Карачая и Черкесии. Черкесск, 2008. С. 29, 30, 31.

Все подобные выступления власти старались подавлять репрессивными мерами, в том числе применяя ссылку в Сибирь¹.

Аграрные беспорядки подтолкнули региональные власти к принятию дополнительных мер по обеспечению безопасности. Если раньше свидетельства на право ношения оружия выдавались атаманами отделов и полицеймейстерами, то с лета 1905 г. – начальником Кубанской области. Лишь с таким документом можно было торговать «огнестрельным оружием и огнестрельными припасами», а также носить огнестрельное и холодное оружие. Эта мера не распространялась на тех, кому «дозволено или предписано законом» носить при себе оружие. Среди них были военнослужащие, включая казаков, а также чины гражданского ведомства, «коим при форменной одежде присвоено ношение оружия». В целом на территории Кубани запрещалось ношение «огнестрельного оружия, шашек, кинжалов, финских ножей, кастетов, бегутов и тростей со внутренними клинками»². Приказом начальника области, изданным в декабре 1905 г., в ряде местностей где было объявлено «положение усиленной охраны», без разрешения полиции запрещались «сходки и собрания (митинги)…, а также всякие, вообще, сборища, нарушающие правильное уличное движение»³.

Утвержденные царем 2.02.1906 г. правила о применении к губерниям и областям Кавказского края закона о выборах в Государственную думу, предполагали, что в каждом отделе Кубанской области формировались три избирательных съезда (землевладельцев; городских избирателей; съезд уполномоченных от участковых сходов или сходов сельских округов). Однако свыше 500 тыс. иногородних Кубани оказывались за рамками этой системы и, говоря словами А.И. Шершенко, «фактически вся эта полумиллионная бесправная масса лишена избирательных прав»⁴.

---

¹ Невская В.П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX века // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института (Труды КЧНИИ). Вып. IV. Серия историческая / Отв. ред. Э.А. Джанибеков. Ставрополь, 1964. С. 136.

² КОВ. Екатеринодар, 21 июня 1905. № 131. С. 1.

³ КОВ. Екатеринодар, 18 декабря 1905. № 268.

⁴ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 49-50.

В публикациях начала XX в. признавалось, что нормы земельного права царской России, действовавшие на Кубани, «прямо препятствуют развитию сколько-нибудь интенсивного хозяйства», которое требует «коренного изменения этих норм»¹. Однако никаких правовых изменений по облегчению социальной участи иногородних ни правительством, ни региональными властями не проводилось.

В результате общественных потрясений Первой Русской революции проводилась (в немалой степени, вынужденно) постепенная либерализация политического режима в стране. На территории Кубани стали легально действовать политические партии; в их числе – социал-демократическая группа А. Макеева, созданная в ст. Баталпашинской², организация кадетов (конституционно-демократической партии) в Екатеринодаре и др.³ Левое крыло партийных организаций использовало недовольство основной массы крестьянства своим правовым и социальным положением разворачивало пропагандистскую работу в иногородней среде.

В иногородней среде продолжали расти протестные настроения, связанные с нерешенностью вопроса о статусной эмансипации. Протест приобретал разные виды, в том числе и форму, условно говоря, тихого саботажа. Например, как отмечал Л. Македонов, причины постоянных недоимок посаженной платы лежали «не в бедности иногородних» (так как «бедняки везде платят исправно»), а в «принципиальном нежелании иногородних платить» сбор, который они считали несправедливым. Приводился пример иногороднего богача, который в ст. Красногорской приобрел «три больших усадьбы» (одна – свыше 1 дес.), но задолжал более 400 руб. недоимок. Этот человек писал «бесконечные жалобы» во «все учреждения», с этой целью держал даже «особого писаря» с жалованьем в 15 руб. в месяц. В верхнекубанских станицах Нагорной полосы, писал Македонов, «в последние года», иногородние «почти со-

---

¹ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 27-28.

² Мужев И.Ф. Карачай и Черкесия в период буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. // Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В.П. Невской и В.А. Романовского. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 484.

³ КОВ. Екатеринодар, 6 декабря 1905. № 258.

всем перестали платить за усадьбы, ссылаясь на какое-то таинственное распоряжение о том, чтобы с них посаженной платы не взыскивали»¹.

В ходе Первой мировой войны царизм предпринимал определенные меры к снижению накала напряженных отношений между казачеством и иногородними. Так, 3.07.1915 г. было принято определение Правительствующего Сената о том, что станичный сбор имел право освобождать лиц невойскового сословия, оседло проживающих на станичных землях, от уплаты посаженной платы, а равно слагать с них недоимки этой платы².

Но все эти решения по-прежнему носили паллиативный характер, а потому и проблемы оставались нерешенными вплоть до закономерного крушения монархии.

Длительный пассивный подход центральной власти к комплексу болезненных проблем крестьянского населения, половинчатость мер, устойчиво враждебный настрой кавказской администрации времён контрреформ к иногороднему крестьянству создавали благодатную почву для революционных настроений масс.

На заключительной стадии Первой Русской революции в своей записке на имя царя (1907 г.) наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков называл подлинные причины социальных и политических брожений среди русского крестьянства Юга страны. Он прямо указывал, что антиправительственные настроения здесь вызваны не столько усилиями революционных партий, сколько «полным отсутствием» деятельного начала со стороны правительства, которое «за 35 лет не приняло ни одного» акта, по-настоящему улучшавшего «крестьянский быт»³. Столь нелюбезная, даже резкая характеристика кавказской политики центральных властей со стороны царского наместника свидетельствует о том, что в правящей элите страны имелись силы, искренне стремившиеся снизить накал социальных противоречий. О том

---

¹ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 161.

² Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1884. Т. XIX.. С. 9-10.

³ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Тифлис, 1907. С. 41.

же, собственно, свидетельствуют и проходившие тогда столыпинские реформы, которые в силу ряда объективных и субъективных причин не были полностью реализованы, в том числе и на Северном Кавказе.

В то же время патриархальность общественного уклада, устойчивая консервативность большинства населения региона Верхней Кубани, её «коренных жителей» – казаков и горцев, отличали этот регион от остальной части Баталпашинского отдела и в целом от Кубани в плане меньшей остроты проявлений социальных конфликтов. Публичные акты протеста здесь носили эпизодический характер и практически не обретали подлинно массовую форму. Влияние политических партий на крестьянскую и казачью массу в рассматриваемом регионе было весьма незначительным; антиправительственная пропаганда и в целом радикальная революционная идеология не находила ощутимой поддержки у населения. Оно придерживалось лояльности правящему режиму и предпочитало легальный, можно сказать, эволюционный путь решения проблем.

1.4. Социокультурная сфера: структура и тенденции

По всей видимости, до последней трети XIX в. культурная (в широком понимании) сфера на Кубани в целом строилось на бессистемной основе, чему во многом способствовали условия Кавказской войны, вынужденное доминирование у существенного сегмента населения (казачество, отчасти горцы) военного уклада, зачаточность гражданских начал и т.д. Кроме того, Кубанская область, созданная в 1860 г., на протяжении первого десятилетия своего существования была, условно говоря, фрагментирована. Как отмечалось выше, она была разбита на два десятка административно-территориальных единиц, созданных в разное время и отдельно – для каза-

ков (бригадные и полковые округа) и горцев (округа военно-народного управления), с подчинением областному начальству. В ту пору не было объединяющего организационного начала для разработки и проведения общей для Кубани государственной политики в сфере гражданского управления, координации, планирования в социально значимых сферах (здравоохранение, образование, культурная инфраструктура и т.д.).

Образование. Русское население приобщалось к грамотности в приходских школах, казаки – и в полковых школах (училищах), где обучались чистописанию, арифметике, закону божьему. Так, в станице Баталпашинской полковая школа 17-го конного полка создана была в 1845 г. (30 детей казаков, 10 – горцев), а в станице Сторожевой была открыта в 1859 г. (50 мальчиков, из которых 10 содержались за счет войсковой казны, а большинство – за счет родителей). Как отмечают исследователи, школьное дело во всех бригадах и полках велось обособленно, без всякой координирующей линии¹.

Целенаправленная деятельность властей Кубани по развитию школьной системы началась в 1863 г., когда начальник области граф Сумароков-Эльстон издал специальный циркуляр. В этом документе он дал установку станичным и окружным начальникам, бригадным и полковым командирам к открытию школ, призвав и духовенство принять в этом деле активное участие. Эффект от данного акта имел место: за 4 последующих года открылось более 100 станичных школ (училищ). Но, как отмечал П. Зажаев (1907 г.), недостатком той системы было то, что, не имея общей нормативной базы, эти школы действовали по усмотрению военных командиров. Ощущался кадровый голод. В 1865 г. на всю станицу Баталпашинскую было только 3 учителя². Из 49 преподавателей (на начало 1870-х гг.) только четыре являлись профессиональными учителями с соответствующими образовательными документами, а большинство были военными. Слабым было и финансирование

---

¹ Титоренко М.Ф. Из истории народного образования на Кубани. URL: <http://www.slavakubani.ru/education/education/cossack-history-education/iz-istorii-narodnogo-obrazovaniya-na-kubani/> (Дата обращения: 12.06.2017).

² ГА КЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

отрасли. Среднее жалование учителя составляло 113 руб. в год¹. В силу отмеченных причин до конца 1860-х гг. преподавание в местных школах Кубани, как признавало кавказское начальство, «было неудовлетворительное»².

Сфера школьного образования на Кубани получила ощутимый новый импульс к развитию в 1871 г., когда в системе управления Кубани был создан профильный орган в виде должности областного инспектора станичных училищ области (в 1876 г. статус структуры был повышен – образована областная дирекция народных училищ)³.

С введением системы уездов (1.01.1871) создавались уездные (затем – отдельские) хозяйственные и культурные комплексы, системы управления, в том числе сферой просвещения, здравоохранения и др. Позднее школами Баталпашинского отдела непосредственно заведовал инспектор 5-го учебного района, располагавшийся в административном центре отдела.

Все учебные заведения области входили в состав Кавказского учебного округа и подчинялись его Попечителю (за исключением 1860-67 гг., когда вместо временно упраздненного округа дело вел главный инспектор учебных заведений на Кавказе и за Кавказом)⁴. В ходе реформ область получила возможность готовить педагогические кадры у себя, так как открылась первая на Северном Кавказе учительская Кубанская семинария (14.01.1871 г.)⁵.

Образованность во все времена напрямую зависела от социального статуса, поэтому вполне естественно, что к концу XIX в. наиболее просвещенной прослойкой в Баталпашинском отделе являлись дворяне и чиновники (не из дворян), у которых грамотность составляла 61%. К средней категории относились мещане, купцы, «городские сословия» (27% грамотных), а низшую

---

¹ Зажаев П. Прошлое и настоящее Кубанской школы. Екатеринодар, 1907. С. 2-4.

² Отчет по главному управлению Наместника... С. 277.

³ Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование в Кубанской области // Кубанский сборник. Ектеринодар, 1883. Т. 1. С. 784.

⁴ Отчет по главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Его Императорским Высочеством великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 – 6 декабря 1872. Тифлис, 1873. С. 263-264.

⁵ Зажаев П. Прошлое и настоящее Кубанской школы... С. 6.

представляли собой «лица сельского состояния» – казаки, крестьяне и другие (13%)¹.

Оценивая положение в нагорных станицах, Л. Македонов, по нашему мнению, был излишне категоричен, отмечая, что в крае «вообще культурного значения иногородние не имеют, будучи, в большинстве по своему развитию ниже казаков» (и объявляя, что «основное вожделение» иногородних «повсюду одинаково – земельный надел за счет казачьих юртов»)². Такое прямолинейное утверждение противоречит материалам, которые приводятся в работе самого этого автора, в частности – сведениям подворной переписи указанных станиц Верхней Кубани (1906 г.). Эти данные мы свели для удобства в нижеприведенную таблицу:

Таблица 1 – Грамотность казачьего и иногороднего населения станиц³

станции	казаков	грамотность (грамотных и учащихся)	иногородних	грамотность (грамотных и учащихся)
Зеленчукская	4287	535 (12,5%)	1066	144 (13,5%)
Красногорская	924	179 (19%)	320	56 (17,5%)
Преградная	2966	300 (10%)	211	17 (8%)
Кардоникская	4808	631 (13%)	791	146 (18,5%)
Сторожевая	3375	567 (17%)	781	110 (14%)
всего	16360	2212 (13,5%)	3169	473 (15%)

Мы видим, что в культурном плане (если, конечно, грамотность считать явлением культурного порядка) иногородние отнюдь не уступают казакам, а даже превосходят их в целом по уровню образованности. В другом месте своей работы Македонов, также противореча своему тезису, сообщал, что в начале XX в. среди станиц нагорной полосы 5-ти отделов Кубанской области казачество верхнекубанских станиц Нагорной полосы по уровню грамот-

¹ Первая Всеобщая перепись... С. 34-46.

² Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 183.

³ Там же. С. 210-211, 212-213, 230-231.

ности занимало последнее место (25,2% грамотных), а иногородние – второе место (46%)¹. И это при том, что в народные (станичные) школы детей из неказачьей среды практически не брали, а если такие случаи бывали, то только за высокую плату (10-15 руб. в год)².

В рассматриваемый период на территории Верхней Кубани существовало несколько *видов образовательных учреждений*, разнившихся по учредителю и форме собственности. В их числе – *казенные, общественные или муниципальные* (станичные, сельские, колонистские), *церковно-приходские, частные*, среди которых имелись и принадлежавшие благотворительным обществам.

Любопытно, что первая в регионе Верхней Кубани школа для девочек – Баталпашинское женское училище – была учреждена (в 1865 г.) как частная структура Екатеринодарским женским благотворительным обществом (ЕЖБО). Эта школа размещалась в деревянном здании, где в первый год деятельности обучалось 108 девочек. После того как ЕЖБО прекратило финансирование (в середине 1870-х гг.), школа сохранилась благодаря усилиям уездного начальника Н.Г. Петрусевича и стала содержаться «из местных источников»³. Но в целом на территории Верхней Кубани частные школы были редки. В перечне частных учебных заведений 2-го разряда в 1915 г. в ст. Баталпашинской упомянуто только училище Баталпашинского общества образования (преподаватели: Н.В. Карпинский, В.А. Колупаев, абазинский князь Шахарбий Дударуков, преподавательницы: Э.Б. Кенке, Ю.И. Смольянинова)⁴.

Исследователи отмечали, что в целом на Кубани *большинство* учащихся церковно-приходских школ составляли дети иногородних, в то время как

---

¹ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 64-65.

² ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 188. Л. 87-87об.

³ Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование... С. 768-772; Титоренко М.Ф. Из истории народного образования на Кубани. URL: <http://www.slavakubani.ru/education/education/cossack-history-education/iz-istorii-narodnogo-obrazovaniya-na-kubani/> (Дата обращения: 12.06.2017).

⁴ Кубанский календарь на 1915. Адрес-календарь. С. 338.

казацкие дети обучались, в основном, в станичных народных училищах¹. На территории Баталпашинского отдела к началу 1904 г. действовало 45 церковных школ (1960 чел., девочек – 38%), а также 80 школ, подведомственных министерству народного просвещения (5583 чел., из них девочек – 25%)². Как видим, в приходских школах удельный вес девочек был заметно выше. Добавим, что число приходских школ к 1908/9 учебному году сократилось в два с половиной раза – с 45-ти до 17-ти³.

Впрочем, на территории Верхней Кубани таких учебных заведений было немного; в начале 1910-х гг. здесь /в Баталпашинской/ действовала лишь одна церковно-приходская школа (училище)⁴. Она действовала по Положению 1828 г.; её почетным блюстителем являлся Н.Н. Барабаш, заведующим – П.И. Туров, учительницей – Е.А. Турова, законоучителем – псаломщик М.М. Лякшеев⁵. В этих учебных заведениях еженедельно 7 уроков обучали закону божьему и русскому языку, 6 – арифметике, 5 – пению, 4 – церковно-славянскому языку, 3 – чистописанию. Здесь знакомились с ветхозаветной историей, нравственными устоями, основами домостроя, обрядовой жизни, а девочек обучали также рукоделию (вязание, шитье, вышивка)⁶. К 1910 г. при Свято-Александро-Афонской Зеленчукской общежительной пустыни (руководствовавшейся «уставом монастырей Св. горы Афонской») имелась «иконописная школа», а также «богадельня для призрения 10 престарелых православных воинов»⁷.

---

¹ Беликов А.В. Взаимоотношения казаков и иногородних Кубанской области во второй половине XIX в. // Вопросы казачьей истории и культуры. Выпуск 4. Майкоп, 2008. URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/development-of-military-lands/vzaimootnosheniya-kazakov-i-inogorodnikh-kubanskoj-oblasti-vo-vtoroj-polovine-xix-v/> (дата обращения: 21.07.2018).

² Орлов Д.Д. Общедоступность начального народного образования // КОВ. Екатеринодар, 1905. № 53. С. 2.

³ Давитлидзе Г.Г. Учебные заведения Кубанской области в начале XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2007. № 5. С. 37.

⁴ Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год / Ред. Н.С. Каллиг. Ростов-на-Дону, 1912. С. 38-39, 43-44.

⁵ Кубанский календарь на 1912 год. Адрес-Календарь. С. 245.

⁶ Титоренко М. Ф. Из истории народного образования на Кубани. URL: <http://www.slavakubani.ru/education/education/cossack-history-education/iz-istorii-narodnogo-obrazovaniya-na-kubani/> (Дата обращения: 12.06.2017).

⁷ Обзор Кубанской области... С. 116.

По уровню образовательного статуса можно выделить начальные сельские (станичные, аульные) училища системы дирекции народных училищ Кубанской области, одно- и двухклассные училища системы Министерства народного просвещения, высшие начальные училища, прогимназии и гимназии.

В иногородней среде приобщение к школьной системе проходило медленно; основу её составляли *начальные школы*. Уже в 1871-72 гг. за счет средств ККВ все станичные училища области были снабжены первичной книжной литературой (включая учебные пособия и книги для чтения), а затем стали поступать и наглядные пособия (иллюстрации, атласы, карты, глобусы, арифметические ящики, деревянные модели геометрических тел и др.). Создавались и школьные библиотеки – как учительские (включавшие профильные журналы «Народная школа» и «Русский народный учитель», методические материалы по истории, географии, математике, сельскому хозяйству, естествознанию, педагогические сочинения), так и ученические (в начале 1880-х гг. они насчитывали около 120 названий издательской продукции)¹.

С 1870-х гг. на месте разнообразных станичных и сельских школ стали создаваться типовые *одноклассные училища* с утвержденной учебной программой, дававшей «минимум элементарных познаний». Эти школы, как отмечал директор начальных училищ Кубанской области Н.Ф. Блюдов, имели 3-летний курс, являвший собой «первую низшую ступень обучения». Он включал освоение простой грамоты (чтение и письмо), начал арифметики (в пределах четырех действий счёта), основ веры.² По случаю 25-летия царствования Александра II (1880 г.) 42 станичных школ области были преобразованы в такие одноклассные училища с твердо установленными нормами обеспечения учителя (400 руб. в год, «при готовой квартире, отоплении и освещении»).

---

¹ Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование... С. 759-760.

² Там же. С. 774-775.

щении»), школы (50 руб. – на библиотеку, 80 руб. – на учебные пособия и пр. расходы)¹.

Вместо старых школ, возводившихся хаотично, без учета санитарно-гигиенических норм, начальник Кубанской области утвердил типовой чертеж образцовой школы, которого должны были придерживаться во всех поселениях края. До 1880 г. включительно по данному образцу были построены здания школ и в *не казачьих* населенных пунктах, включая семь школ в русских селах Баталпашинского и Кавказского уезда, а также две школы в аулах Баталпашинского уезда. Строились добротные сооружения под железной крышей, с просторными и светлыми помещениями, снабженными классной мебелью (включая 2-местные парты)².

На 1874 г. в Баталпашинском уезде функционировали следующие подведомственные областной инспекции станичных школ учебные заведения: 37 станичных (1407 м.п., 92 ж.п.), 2 сельских (90 м.п., 2 ж.п.), 2 немецких колонистских начальных училища (68 м.п., 40 ж.п.), одно частное (11 м.п., 2 ж.п.)³.

К началу следующего десятилетия количество школ иногороднего населения в уезде увеличилось, составив в 1881 г. 6 сельских народных училищ (в том числе на территории Верхней Кубани – одно), 3 колонистских. На тот момент у славянского населения Кубани одна школа приходилась на 3,2 тыс. чел., у армянского – на 1,5 тыс.чел., у горцев – на 22 тыс.чел.⁴ В 1881 г., на основании инструкции директора народных училищ области, в регионе Верхней Кубани (ст. Баталпашинская) было открыто первое школьное попечительство⁵.

Первым и единственным почти до конца XIX в. населенным пунктом *иногородних* Верхней Кубани, где была создана школа, было село Георгиево-Осетинское. В начале 1880-х гг. учительницей здесь числится «девица Ольга

¹ Зажаев П. Прошлое и настоящее Кубанской школы... С. 12.

² Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование... С. 768, 769-770, 772.

³ ПККО на 1875. Адрес-Календарь. С. 27-28.

⁴ Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование... С. 788.

⁵ ПККО на 1881. Отд. 2. С. 109.

Хетагурова», законоучителем – священник Иосиф Давыдов¹, в начале 1890-х гг. – коллежский регистратор Николай М. Дигуров, В.А.Яковлев (учителя), Г.А. Бочаров (законоучитель), Б.Г. Дзасов (попечитель)².

В 1898 г. на территории изучаемого региона был открыт целый ряд нормальных сельских одноклассных училищ, созданных по закону 1883 г. (с ежегодным пособием из Государственного казначейства по 300 руб. на каждое), в том числе в одном поселении иногородних – с. Хасаут-Греческом – а также в шести аулах³. Вообще администрация отмечала стремление греков к получению образования и открытию школ. Уровень обучения в них также получал высокую оценку. Первоначально обучение велось на греческом языке, а впоследствии прилагались усилия к тому, чтобы приобщить подрастающее поколение к государственному языку⁴. Позднее стали функционировать начальные мужские училища (школы) в эстонских поселениях – п. Хусы-Кардоник (1906) и с. Марухо-Эстонском (1909).

Попечительско-педагогический состав училищ в первом десятилетии XX в. был следующим:

- *Марухо-Эстонское (колонистское)*: почетный блюститель – Яков Турру, учитель – Август Кейв;

- *Хусы-Кардоникское (сельское)*: почетный блюститель – Христофор Бедросов, учителя – Карл Кидер, Иоан Ярвер;

- *Хасаут-Греческое (сельское)*: попечитель – купец Георгий Мавропуло, позднее – Авраам Фошианов, заведующий – Виктор Дибежев, учителя – Георгий Иванов, Михаил Сайченко, законоучитель – отец Лазарь Кузьминов;

- *Георгиево-Осетинское (сельское)*: попечителем выступал Алексей Хетагуров, заведующим – Михаил Аранов, законоучителем – священник Иосиф Гагкаев, учителями – Степан Нейвиненко, Христина Крикун, Онисим

¹ КСК на 1883 год. Адрес-календарь. С. 35.

² КСК на 1891. С. 45-46.

³ Клычевском, Тазартуковском, Хахандуковском, Баташевском, Докшуковском, Эрсаконском. См.: Извлечение из отчета начальника Кубанской области наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год // Кубанский календарь на 1900 год. Отд. 2. С. 338.

⁴ Юракова О.В. Немецкие и греческие поселенцы... С. 22.

Косякин, Харитон Кесаев. Иван Остроухов, Борис Юрченко, помощником учителя – Ольга Колиева;

- *Георгиево-Осетинское (женское)*: законоучитель – И. Гакгаев, учительницы – Х.Д. Крикун, Д.К.Полищук.

Позднее, помимо них, упоминаются одноклассные школы в хуторах Краморовском (зав. – А.Д. Дьяченко) и Соколовском (зав. – М.Ф. Жуков), а также в селах – Джегонасско-Еврейском (почетный блюститель – Ш.Р. Разилов, зав. – Д.П. Ашуров), Ермоловском (с 1915 г. – Ивано-Сусановском) (почетный блюститель – И.Д. Арабаев (или Арабьев), зав. – М.Я. Кобылкин, законоучитель – Д. Колков)¹.

Зеленчукская стала первой станицей рассматриваемого региона, где открылось училище *для иногородних*, подведомственное областной дирекции народных училищ (1906 г.)². В период Первой мировой войны в этой станице функционировало частное «общество образования иногородних детей»³. На 1916 г. в ст. Баталпашинской действовали два одноклассных училища для иногородних. В курорте Теберда тогда имелись два так называемых *дачных* одноклассных училища – мужское и женское⁴.

Тогда же у иногородних фиксируются *2-классные сельские училища*, среди которых:

- *Георгиево-Осетинское* (почетный блюститель – Ф.М. Фардзинов, заведующий – А.И. Иванченко, учителя К.П. Гаврилов, М.Я. Канарев, Я.В. Черный, Г.М. Сайко, законоучитель – Иосиф Гаггаев);

- *Ермоловское* (почетный блюститель – Ф. Черник, заведующий – Г.З. Пальщак).

---

¹ Кубанский календарь на 1915. Адрес-календарь. С. 366.

² Извлечение из отчета начальника Кубанской области наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1906 год // Кубанский календарь на 1908 год. Отд. 2. С. 61.

³ Кубанский календарь на 1916 год. С. 172.

⁴ Кубанский календарь на 1916. Адрес-календарь. С. 235-240.

Школы такого типа действовали и в станицах Баталпашинской (две – мужская и женская), Кардоникской, Красногорской, Преградной, Сторожевой, Усть-Джегутинской, а также в двух аулах (Учкулан, Хурзук)¹.

В начале 1910-х гг. большинство (свыше 40) учебных заведений Верхней Кубани составляли именно сельские школы².

Потребность в грамоте ощущалась всеми слоями населения, однако, этот общественный спрос до революции так и не нашел удовлетворения. Из-за нехватки мест отказывали в приеме детей школы почти во всех станицах региона, а также в отдельных селах (Хасаут-Греческое) и аулах (Тохтамышевский)³.

В некоторых публикациях утверждается, что Баталпашинское 2-классное *уездное училище* было открыто в 1852 г.⁴ На самом деле, оно было создано указом царя от 7.10.1870 г. на базе окружного училища, переведенного из станицы Уманской в Баталпашинскую⁵. На 1874 г. в Баталпашинском уездном училище (смотритель – Иван Шинкарев) обучалось 113 мальчиков⁶. Согласно Положения об учебной части Кавказского края 1867 г., уездные училища были 3-классными с двухгодичным обучением в каждом классе. Они создавались для того, чтобы «несколько заменить недостаток в крае прогимназий, для которых не имелось денежных средств». По сути, выпускники уездного училища имели право поступать в классические и реальные гимназии, минуя прогимназии⁷.

В 1881 г., после преобразования, оно значится как Баталпашинское *городское училище*. Его первым руководителем (учителем-инспектором) стал Антон Твалчрелидзе, в числе педагогов упоминались 3 учителя и один зако-

---

¹ Кубанский календарь на 1916. Адрес-календарь. С. 230, 235-240.

² Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 38-39, 43-44.

³ Левитский А. Незаслуженное наказание // КОВ. Екатеринодар, 31 января 1902. № 26. С. 2-3.

⁴ Лайпанова З.К. Просветители Карачая и Черкесии. Черкесск, 2008. С. 48.

⁵ Бабич А. Учреждения народного образования на Кубани в период с середины XIX в. до установления советской власти в 1920 году (по документам фондов ГКУ «Государственный архив Краснодарского края»). URL: <https://www.proza.ru/2016/10/20/1159>. (Дата обращения: 12.06.2017).

⁶ ПККО на 1875. С. 66, 68.

⁷ Отчет по главному управлению Наместника... С. 270.

ноучитель¹. С 1884/5-го учебного года это 3-классное учебное заведение стало 4-классным², а к 1900 г. оно было 6-классным³.

Оно действовало на основе «Положения о городских училищах» 1872 года, по которому устанавливался 6-летний полный курс обучения. При этом в одноклассном ученики учились в трех «последовательных отделениях» по 2 года в каждом; в двухклассном в I-м классе учились 4 года (учащиеся разделялись «на два последовательные отделения»), во II-м – два года; в трехклассном в каждом классе учились по 2 года; в четырехклассном в первых двух классах обучались по 2 года в каждом классе, а в III-м и IV-м – по одному году. К числу обязательных дисциплин городских училищ относились такие предметы как церковно-славянское чтение и русский язык; чтение и письмо; арифметика и «практическая геометрия», география и история отечества, естествоведение; закон божий; черчение и рисование; пение; гимнастика. Численность штатных учителей соответствовала числу классов, причем один из них назначался на должность заведующего училищем решением попечителя Кавказского учебного округа (по представлению инспектора народных училищ). Те учителя, кто заведовал 3- и 4-классными училищами назывались инспекторами. В одноклассном училище, помимо заведующего, имелся помощник учителя. Законоучитель относился к категории внештатных преподавателей. Устанавливалось, что педагогами таких школ могут быть только выпускники учительских институтов. Получившие аттестат городского училища имели право поступать на государственную гражданскую службу⁴.

В штате Баталпашинского городского училища состояли учитель-инспектор (то есть, заведующий, должность которого долгие годы занимал Сергей Потапов), 5 учителей, один помощник учителя, два законоучителя (православного и армяно-григорианского вероисповедания). Кроме одного –

¹ ПККО на 1881 год. Адрес-календарь. С. 21.

² Бабич А. Учреждения народного образования на Кубани в период с середины XIX в. до установления советской власти в 1920 году (по документам фондов ГКУ «Государственный архив Краснодарского края»). URL: <https://www.proza.ru/2016/10/20/1159>. (Дата обращения: 12.06.2017).

³ КСК на 1900 год. Адрес-Календарь. С. 46-47.

⁴ Хрестоматия по истории педагогики. Т.IV. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции: Для высших пед. уч. завед. / Автор-сост. Н.А. Желваков. М., 1936. С. 60-63.

учителя военной гимнастики – все относились не к казачьим сословиям. Зато в ремесленном отделении, открытом при том же училище, большинство работников были казачьими урядниками. Почетными смотрителями этого училища в 1890-е гг. были купец Эммануил Плотников, отставной есаул А.И. Кравцов и др. Среди педагогов были и представители народов Южного Кавказа – грузины Николай Девдориани, Аргим Микаберидзе, Ефим Горгаслидзе, армяне Исаак Тер-Маркарианц, Вартан Сукиасов и др.¹ Помимо ремесленного отделения в начале XX в. упоминается и педагогическое².

В 1915 г. это училище было преобразовано в Баталпашинское *высшее начальное училище* (учитель-инспектор Подгорный)³. Вопрос о создании других школ такого типа в станицах Верхней Кубани рассматривался в Тифлисе. Попечитель Кавказского учебного округа дал разрешение с 1.09.1915 г. на базе станичных двухклассных училищ и за счет станичной казны открывать высшие начальные училища в ст. Зеленчукской и Баталпашинской⁴. В следующем году справочники упоминают 2-е Баталпашинское (учитель-инспектор Момот), Зеленчукское (учитель-инспектор Величко) и Карт-Джуртское (учитель-инспектор Байрамуков) высшие начальные училища⁵.

В 1912 г. в качестве частного учебного заведения 2-го разряда фиксируется Баталпашинская 6-классная мужская *прогимназия*, учрежденная мужским Обществом образования (заведующий – Георгий Кесаев, преподавательницы – О.И. Заозерская, Е.С. Шарова, Е.А. Иванова, Л.И. Силина, Ю.И. Смольянинова, А.И. Шевченко, преподаватели – К.Д. Усатов, Ф.Е. Силин, Р.Х. Куатов, Б.А. Юрченко, законоучитель – В. Никольский врач М.И. Курчин). Тем же Обществом была основана и Баталпашинская женская прогимназия (зав. учеб. частью – О.И. Заозерская). Здесь трудилось 7 человек из

¹ КСК на 1894 год. Адрес-Календарь. С. 32; КК на 1898 год. Адрес-календарь. С. 58-59; КК на 1903. Адрес-календарь. С. 73.

² Извлечение из отчета начальника Кубанской области наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год // Кубанский календарь на 1905 год. Отд. 2. С. 64-65.

³ Кубанский календарь на 1915. Адрес-календарь. С. 335.

⁴ Бабич А. Учреждения народного образования на Кубани в период с середины XIX в. до установления советской власти в 1920 году (по документам фондов ГКУ «Государственный архив Краснодарского края»). URL: <https://www.proza.ru/2016/10/20/1159>. (Дата обращения: 12.06.2017).

⁵ КСК на 1916 год. Адрес-Календарь. С. 211-213.

мужской прогимназии, а также Н.М. Брянцева, Т.А. Койтова, О.Л. Полиевская, Е.Я. Арефьева¹.

Обе прогимназии были преобразованы в *гимназии*. На 1916 г. упоминается *Баталпащинская мужская гимназия* (и.о. директора – Г.М. Кесаев), которая обладала педагогическим составом, включающим законоучителей (2 чел.), преподавателей математики и физики (2 чел.); русского языка (2 чел.), французского языка (2 чел.), латинского языка (2 чел.), немецкого языка (1 чел.), природоведения (1 чел.), истории (1 чел.), помощника классного наставника (1 чел.). Кроме того, в качестве преподавателя «приготовительного класса» здесь трудился, как и в мужской прогимназии, Р.Х. Куатов – первый из горцев Верхней Кубани – гимназических учителей².

Упомянувшийся Г.М. Кесаев одновременно являлся и председателем педагогического совета *Баталпащинской женской гимназии*, где начальницей (так именовалась должность) являлась А.И. Шевченко. Здесь имелось по два преподавателя естественной истории и географии, математики, русского языка, французского языка, две воспитательницы, по одному преподавателю истории, рисования, подготовительного класса, законоучителю³.

Следует отметить *статус школьных учителей* рассматриваемого времени. Формально педагоги казенных и сельских школ Российской империи, как отмечалось, являлись государственными служащими. По закону от 15.11.1883 г., учителя нормальных училищ горских селений Кубанской и Терской областей, «а равно семейства сих учителей» были наделены правами на пенсию и единовременные пособия согласно ст. 398-408 имперского Устава о пенсиях и единовременных пособиях. Устанавливалось, что из учительского жалованья на пенсионный капитал делался вычет в размере 2%. Тем же законом было определено, что выпускники учительского института и учительских семинарий Кавказского учебного округа после 10-летней служ-

---

¹ Кубанский календарь на 1912. Адрес-календарь. С. 203.

² Кубанский календарь на 1916. Адрес-календарь. С. 193.

³ Кубанский календарь на 1916. Адрес-календарь. С. 196.

бы в качестве сельского учителя (в пределах данного округа) могли быть представлены к награждению чином 14-го класса¹.

Но при всем этом условия жизнеобеспечения педагогов в дореволюционное время оставляли желать лучшего. Так, в 1880 г. годовое жалованье учителя на Кубани составляло в среднем чуть более 300 руб. Сам директор народных училищ признавал, что «при постоянно возрастающей дороговизне, учителю, особенно семейному, весьма трудно жить на 300 руб.», отмечая, что «особенно тяжело материальное положение учителей в нагорной полосе»².

Более четверти века спустя ситуация мало в чем изменилась. В 1907 г. в публикации по школьным проблемам Кубани признаётся, что «средний оклад учителя с 1880 г. до настоящего времени повысился незначительно, а, значит, материальное положение учителя за последующее время несколько не улучшилось». Прямо указывалось на то, что до 1906 г. (то есть, до Первой Русской революции) государство принимало «ничтожное участие» в финансировании начальных школ Кубанской области; точно так же «невелико было и участие войска» (ККВ). Система школьного образования держалась в основном за счет местных – сельских, станичных, аульных – средств (в 1881 г. – 2/3, в 1906 г. – свыше 50% затрат). Дети лиц не казачьего сословия обучались в станичных школах за плату, которая за четверть века – с 1881 по 1906 гг. – возросла в восемь раз. Дореволюционный автор П. Зажаев писал, что «вся эта сумма поступает от детей иногородних», которые «и за плату зачастую не имеют возможности определить детей в казачьи школы»³. Поэтому неудивительно, что в частных школах области количество детей иногородних в 25 раз превышало численность казачьих детей⁴.

Составляя значительную часть населения и в Баталпашинском отделе, и в области основная масса иногородних не имела возможности дать своему

---

¹ ПСЗРИ. Третье собрание. Т. 3. СПб., 1912. С. 444-445.

² Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование... С. 816-817.

³ Зажаев П. Прошлое и настоящее Кубанской школы... С. 14, 21-22.

⁴ Давитлидзе Г.Г. Учебные заведения Кубанской области... № 5. С. 36-37.

подростающему поколению даже начальное образование. Несмотря на все меры, около трех четвертей детей, представлявших иногороднее население, оставалось в начале XX в. вне рамок элементарного школьного образования¹. Естественно, что данное обстоятельство также являлось фактором социальной напряженности. С другой стороны ситуацию осложняло и то, что по имеющимся данным, определенная часть учеников после формального окончания начальной школы оставалась малограмотной (с трудом читала по слогам, могла совершить только простые арифметические действия, вскоре забывала часть полученных знаний и т.д.), что связывалось с устаревшими методиками обучения².

Кроме того, данная отрасль в первую очередь, развивалась в административном центре отдела – станице Баталпашинской. В первом десятилетии XX в. здесь имелись 6-классное (с педагогическим и ремесленным классами) городское училище, три 2-классных (войсковое, общественное женское, станичное мужское при городском училище) училища и одноклассное церковно-приходское училища³. На 1916 г. здесь только одних казачьих школ (одноклассных) было пять⁴.

Особо следует отметить русско-европейское культурное влияние на горское население Карачая и Черкесии, проводниками которого в определяющей степени выступали иногородние. При непосредственном участии русских педагогов в годы реформ создавались первые светские школы для горско-мусульманского населения региона Верхней Кубани, включая народные училища – Мансуровское одноклассное (1877, «по образцу сельских училищ Министерства Народного Просвещения»), Учкуланское (1878), Тебердинское (1879), Бибердовское (1879). Преподавание в них велось на русском и арабском языках, видимо, с использованием родных языков. Годовой оклад учи-

---

¹ ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1273. Л. 16

² ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 266а. Л. 21-22.

³ Кубанский календарь на 1908 год. С. 67-71.

⁴ Кубанский календарь на 1916. Адрес-календарь. С. 230, 235-240. В Зеленчукской было три школы (одна – женская), в Кардоникской, Сторожевой, Преградной, Усть-Джегутинской – по две школы, одна из которых – женская (Там же).

телю русского языка и других предметов в обществах установили в 400-600 руб.¹ Учителями были: в Мансуровском – Георгий Георгиев, Учкуланском – Моисей Алейников, Бибердовском – Михаил Цаголов, Тебердинском – Александр Шаратлуков². Учительница Мария Карабаш возглавляла первое в Карачае женское (одноклассное) училище, открытое в Учкулане в начале 1900-х гг.³ К моменту падения монархии абсолютное большинство заведующих одноклассных училищ в горских селеньях составляли русские педагоги⁴.

Под русским воздействием менялась и материальная культура. Если в 1874 г. в довольно крупном карачаевском селении Учкулан (несколько тысяч жителей) фиксируется лишь один дом европейского типа, который принадлежал русскому писарю⁵, то в 1910-е гг. в аулах Большого Карачая стояло уже около сотни таких домов с железными крышами⁶. Такие дома чаще всего строили русские иногородние плотники, например, выходцы из Пензенской и Тамбовской губерний⁷. В аульных школах Карачая и Черкесии открывались ремесленные отделения, оснащенные токарными станками, где русские мастера обучали горских детей-школьников изготавливать домашнюю мебель⁸. Эти навыки обусловили фиксируемый современниками факт того, что в начале XX в. в мастерских горских школ ведется успешное производство мебели европейского типа⁹. Тогдашние современники отмечали, что местные горцы стремятся не только строить жилища «на русский лад», но и «устраивать жизнь подобно русским»¹⁰.

Религиозная жизнь. На протяжении рассматриваемого периода абсолютно преобладающей религиозной общиной Баталпашинского уезда (отдела) оставались христиане. Так, по переписи 1897 г., среди верующих всего

---

¹ Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование... С. 788-790.

² ПККО на 1881 Адрес-календарь. С. 27-28; КСК на 1883 год. Адрес-календарь. С. 25.

³ Лайпанова З.К. Просветители Карачая и Черкесии. Черкесск, 2008. С. 43.

⁴ Кубанский календарь на 1916. Адрес-календарь. С. 235-240.

⁵ Грове. Холодный Кавказ. СПб: Изд. Редакции журнала «Природа и люди», 1879. С.188-189.

⁶ Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Далее СМОМПК). Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 118-135.

⁷ Цит. по: Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы: традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С. 218.

⁸ Колесников. Нужды Карачая... С. 129.

⁹ Труды комиссии по исследованию... С. 314.

¹⁰ Сысоев В.М. Карачай... С. 96.

населения отдела (203,9 тыс. чел.) преобладали *православные* – 140,9 тыс. чел. (69,1%). *Иудеев*, в основном, горских евреев, было менее процента. *Мусульмане-сунниты* составляли около 56,9 тыс. чел. (26,4%)¹. Десятилетие спустя, в 1908 г. данная пропорция изменилась незначительно: от общей численности жителей Баталпашинского отдела (249,5 тыс. чел.) горско-мусульманское население отдела составляло 27,5%². На 1909 г. в отделе проживало христиан 183507 (в том числе православных – 176753 чел.), мусульман – 70401, иудеев – 876 чел.³

Но если обратиться к территории Верхней Кубани (современной КЧР), то здесь практически весь XIX в. и в начале XX столетия численно преобладали мусульмане-сунниты из числа коренных горцев – абазин, карачаевцев, ногайцев, черкесов. Второй по численности религиозной общиной здесь являлись христиане – в основной своей массе православные и частично протестанты. В 1875 г. из всех жителей населенных пунктов региона Верхней Кубани (57,5 тыс. чел.) христиане составляли более пятой части, включая казаков (15,6 тыс. чел.) и крестьян-иностранцев (около 4 тыс. чел.)⁴. За последующие сорок лет (1875-1915) численность жителей на территории Верхней Кубани увеличилась более чем вдвое, достигнув 131,4 тыс. чел. Также и православное население возросло – прежде всего, за счет миграции из других регионов империи – более чем вдвое, достигнув свыше 46% от численности всего населения⁵.

Православные общины Верхней Кубани относились к канонической территории Ставропольской и Екатеринодарской епархии Русской Православной Церкви (РПЦ). (Местопробыванием епископа был г. Ставрополь).

В конце 1890-х гг. русские поселения региона входили в два благочинных округа данной епархии: 9-й (станции Баталпашинская с местопробыва-

¹ Первая Всеобщая перепись... С. 242-244, 258-250.

² О состоянии области и войска за 1908 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана на Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 9-14.

³ Обзор Кубанской области... С. 83-85.

⁴ ПККО на 1876 год. Отд. 2. С. 13; Таблица составлена на основе данных: ПККО на 1876 год. Отд. III. Приложения. 4-я вклейка. С. 150.

⁵ Расчеты наши по статистике: Кубанский календарь на 1916 год. С. 431-434.

нием благочинного и Усть-Джегутинская), 11-й (станции Зеленчукская с местопребыванием благочинного, Преградная, Кардоникская, Красногорская, Сторожевая, Исправная, с. Марухское и п. Хасаут-Греческий, Спасо-Преображенский женский монастырь)¹. В 1910-е гг. Баталпашинская значится в составе 25-го благочинного округа².

В 1880-90-е гг. были построены православные монастыри на берегах Теберды и Большого Зеленчука (подробнее см. ниже). У последнего в 1907 г. поселилась община так называемых *имябожников (имяславцев)* - особого мистико-догматического течения в РПЦ, основанного на учении «о незримом присутствии Бога в Божественных именах». В 1913 г. учение официально было осуждено Синодом РПЦ³. Но до этого общину на Зеленчуке возглавлял схимонах Иларион Домрачев, проходивший службу на Афоне, а в 1880-е гг. переехавший на Кубань и позднее издавший книгу «В горах Кавказа». К нему примкнули не только местные жители, но и иноки местного мужского монастыря⁴.

Уже к концу XIX в. сформировались другие конфессиональные общины христиан. Из них, согласно переписи 1897 г., в Баталпашинском отделе *римско-католическая* имела численность в 1457 чел. (в ст. Баталпашинской – 20 чел.). Среди *протестантских* общин преобладали лютеране (2821 чел., из них в ст. Баталпашинской – 42), за ним шли меннониты (1087 чел.), а далее – более мелкие группы баптистов (39 чел.) и реформатов (24 чел.). Практически все общины были молодыми по возрастной структуре. Две трети почти всех конфессий составляли лица в возрасте до 29 лет (иудеи – 69,3, лютеране – 68,6%, мусульмане – 68,3%, православные – 67,6%, католики –

---

¹ Кубанский календарь на 1898 г. С. 14, 110.

² КСК на 1894 год. С. 56; Кубанский календарь на 1913. С. 274, 277; Кубанский календарь на 1915 год. С. 205.

³ Имяславие. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (последнее обращение - 25.12.2018).

⁴ Плотников В., Логвиненко Л. Александро-Невский Зеленчукский монастырь. Изд.2-е. Нижний Архыз, 2001. С. 41-42.

66,4%)¹. Видимо, это отражает возрастную структуру северокавказского населения той поры.

Важнейшую роль в религиозном *сектантстве* играли иногородние, вовлекавшие в свои общины и представителей казачества. Исследователи выделяют три этапа истории распространения сектантства на территории Кубани:

- первый (1830-е - начало 1860-х гг.): духоборы иудействующие, менониты;

- второй (начало 1860-х – начало 1880-х гг.): христоверие в форме учения Старого Израиля (шалопуты, а также хлысты-катасоновцы в лице таких адептов как К. Уклеин, Р. Лихачев и др.);

- третий (начало 1880-х гг. - 1917 г.): рост численности последователей протестантизма (баптисты, появление адвентистов в 1890-х гг.), а также толстовцев, пещерников, назареев, свободных христиан и др.²

Упомянутый К. Уклеин действовал в Баталпашинском отделе, где приобрел значительное влияние. Ставропольский епископ Владимир в конце 1880-х гг. отмечал, что ранее «в Баталпашинске завелся гнилец духовный», которого связывали с сектой шалопутов. Он писал, что у них проповедовал некий Уклеин, который «для вящего просветления своего и других» ездил в Петербург к В.П. Пашкову. (Последний – известный в то время лидер движения евангельских христиан России). Как признавал епископ Владимир, эти «сектанты совсем было завладели ходом дел в Баталпашинске» и «одолели было православных», но дело поправилось благодаря усилиям «твердо-православного» атамана. (Известно, что Уклеин в период реакционной политики Александра III подвергся преследованиям властей и был выслан в Ростов «на всегдашнее жительство»)³.

---

¹ Кубанский календарь на 1916 год. С. 258-259.

² Крюков А.В. Религиозные секты на Кубани: становление, внутреннее развитие, взаимоотношения с государственными и общественными институтами (30-е гг. XIX в. - 1917 г.). Автореф. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. С. 25-26.

³ Из путевых заметок епископа Владимира... С. 670.

Баптисты появились в Баталпашинском отделе в конце 1860-х – начале 1870-х гг., что видно из рапорта начальника Кубанской области в департамент общих дел МВД от 11.12.1899 за №2239. Это было практически на заре баптизма в России, так как первый русский баптист, купец Н. Воронин, принял крещение по вере в 1867 г. в Тифлисе¹. Добавим, что законом от 27.03.1879 г., баптисты официально получили свободу вероисповедания в России. Региональные власти давали разрешение на места оправления культов и утверждали в должностях баптистских духовных наставников².

В период контрреформ протестанты подвергались преследованиям, к которым нередко прибегали, с опорой на ресурсы светской власти, и главы епархии РПЦ (в частности, епископ Агафодор, получивший известность как ярый гонитель конкурентов в борьбе за души верующих)³.

Либерализация религиозной политики после Первой Русской революции обусловила возникновение неправославных структур в станицах Верхней Кубани. В 1908 г. в Баталпашинской была построена первая протестантская церковь, а в 1916 г. – создана поместная община баптистов⁴.

В период Первой мировой войны *армяно-григорианская* община Баталпашинского отдела войны насчитывала 629 чел. (Из них в центре отдела проживало 149 чел.)⁵. Выше нами отмечалось, что в местном городском училище ещё в 1890-е гг. имелась должность законоучителя армяно-григорианского вероисповедания. Указом царя от 1.08.1905 г. его заместителю на Кавказе были предоставлены полномочия окончательного решения в Кавказском крае вопроса об обращениях армяно-григорианского духовенства по поводу церковного имущества и доходов, об открытии армянских церков-

---

¹ Беликова Н.Ю. К вопросу о причинах развития протестантизма на Юге России (конец XIX - начало XX вв.) // Научный журнал КубГАУ: политематический сетевой электронный журнал. Краснодар, 2016. №118(04). С.3, 4. URL: <http://ej.kubagro.ru> (дата обращения: 17.04.2017).

² ПСЗРИ. Второе собрание. Т.54. СПб., 1881. С. 277.

³ Крюков А.В. Религиозные секты на Кубани... С. 24.

⁴ Михайлова О. День реформации в КЧР // День Республики. Черкесск, 15 ноября 2018; Медведев А. Столетний юбилей церкви ЕХБ в г. Черкесске. URL: <https://baptist.org.ru/read/article/1403611> (Дата обращения: 12.04.2017).

⁵ Кубанский календарь на 1916 год... С. 258-259.

но-приходских школ¹. Имеются данные, что в начале XX в. в ст. Баталпашинской действовала и армянская церковь².

Здравоохранение. Система профессионального здравоохранения Кубанской области в целом и рассматриваемом регионе в частности зарождалась в рамках структуры ККВ. Первые больницы и фельдшерские пункты здесь были войсковыми и с самого начала предназначались для обслуживания казачьего населения. В начале 1890-х гг. общий объем вместимости всех девяти войсковых больниц составлял лишь 380 коек³.

В ту пору, в особенности – в период реакции, система здравоохранения была весьма труднодоступна для представителей практически всех категорий невойскового населения. В 1890-х гг. один фельдшерский пункт функционировал на все аулы нагорной зоны Верхней Кубани⁴, а в поселениях иногородних каких-либо лечебных учреждений не фиксируется до советского времени. Данное обстоятельство крайне негативно отражалось на медицинском обеспечении иногороднего и горского населения, обрекая их на перманентную отсталость. Конечно же, далеко не случаен тот факт, что при эпидемии холеры в Баталпашинском отделе (с июля по октябрь 1892 г.) из заболевших в казачьей среде умерло 46,1%, а у других – 64,4%⁵.

Единственным полноценным больничным учреждением региона Верхней Кубани до революции оставалась войсковая больница в станице Баталпашинской, имевшая также свою аптеку. Здесь на 1899 г. имелось 48 коек (в том числе десять запасных). Медицинская помощь казакам оказывалась бесплатно, а остальным – *при наличии в них свободных мест*, причем, как при-

---

¹ КОВ. Екатеринодар, 3 декабря 1905. № 256.

² АКНИИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

³ Беликов А.В. Взаимоотношения казаков и иногородних Кубанской области во второй половине XIX в. // Вопросы казачьей истории и культуры. Выпуск 4. Майкоп, 2008. URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/development-of-military-lands/vzaimootnosheniya-kazakov-i-inogorodnikh-kubanskoy-oblasti-vo-vtoroy-polovine-xix-v/> (дата обращения: 21.07.2018).

⁴ Колесников В.П. Нужды Карачая... С. 125-127.

⁵ КСК на 1894 год. С. 61.

знавал начальник Кубанской области, за «довольно высокую» оплату¹. Из года в год накапливалась сумма задолженности иногородних за лечение в войсковых больницах области. Например, за 1870-1904 гг. она составила 43795 руб. Понимая сомнительность реальной уплаты этих денег, в 1904 г. областное правление, «войдя в положение бедных лиц невойскового сословия», обратилось в Военный Совет с ходатайством о «сложении» недоимок. Решением царя, по случаю рождения цесаревича, просьба была удовлетворена².

Лишь позднее было принято решение, согласно которому на Кубани должны были открыться пятнадцать медицинских участков, среди которых пятнадцать 6-местных покоев, где бесплатное медицинское обслуживание могли получить не только казаки, но и представители невойсковых сословий³. В 1910-е гг. в станице Зеленчукской был открыт 6-местный приемный покой 11-го участка, где помимо врача, трудились фельдшер и акушерка; аналогичное учреждение также стало функционировать в Тебердинском курорте (врач, фельдшер-акушер)⁴.

По всей видимости, Баталпашинская войсковая больница оставалась на периферии внимания региональных властей. На это указывает сам факт того, что в 1916 г. количество мест (48 коек) оставалось таким же, как и в 1899 г.⁵.

Прослойка профессиональных работников здравоохранения была исключительно тонкой. Как отмечалось выше, по переписи 1897 г., на весь Баталпашинский отдел насчитывалось 69 медиков, в основной массе – фельдшеров и акушерок. В самом начале 1900-х гг. в регионе Верхней Кубани фиксируется 4 врача, причем, все они работали в административном центре отдела: один – в войсковой больнице, двое (старший и младший) – в управ-

---

¹ Извлечение из отчета Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска на 1899 год // Кубанский календарь на 1901 год / Под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1900. С. 44.

² КОВ. Екатеринодар, 22 декабря 1905. № 270. С. 2; КОВ. Екатеринодар, 30 апреля 1905. № 93. С. 1.

³ Устав врачебный // Свод законов Российской империи. В пяти книгах / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Книга пятая. Т. XIII-XVI. СПб., 1912. С. 231.

⁴ Кубанский календарь на 1914 год. С. 141; Кубанский календарь на 1916 год. С. 122-128.

⁵ Кубанский календарь на 1916 год... С. 122-128.

лении отдела, а один – вел частную практику (вольнопрактикующий). На местах специалистов с высшим медицинским образованием долгое время совсем не было¹.

В 1910-е гг. в Баталпашинской войсковой больнице, помимо старшего врача и старшего фельдшера, имелось еще два младших фельдшера (медицинский и аптечный), завхоз²; в медицинской части отдельского управления числились старший врач, два медицинских фельдшера (старший и младший), акушерка («повивальная бабка»)³. В сезонный период в Тебердинский курорт выезжал врач⁴.

Структура управления отраслью формировалась после окончания Кавказской войны. Указ «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях» 1869 г. предписывал создание врачебного отделения в составе областного правления, которое управляло как гражданским здравоохранением, так и войсковым; областной врач Кубанской области по должности выступал и войсковым врачом ККВ⁵. Согласно главе «О врачебном управлении в областях Терской и Кубанской» Устава врачебного 1905 г., врачебное отделение имело двойное подчинение – как начальнику области, так и (по ведомственной линии) главному военно-медицинскому управлению (ВМУ) военного министерства. Это отделение формировалось двояким образом: областной врач назначался военным министерством (по согласованию с царским наместником на Кавказе), врачи в управлениях отделов – по представлениям областного начальства, фельдшеры в управлениях отделов – военно-медицинским инспектором Кавказского военного округа (по представлению областного врача). Все медики и фармацевты областных

---

¹ Кубанский календарь на 1903 год... С. 458-460.

² Кубанский календарь на 1916 год... С. 122-128.

³ Кубанский календарь на 1916 год... С. 122-125, 127-128.

⁴ Теберда, климатическая станция Кубанской области // Курорты Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1911. С. 9.

⁵ Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 73. Док. № 1.

структур назначались из кадров ВМУ¹. На 1916 г. во врачебном отделении значились начальник отделения (областной врач), его помощник, два врача для командировок, 6 фельдшеров (из них три – для командировок), делопроизводители (старший и два младших)².

Областному врачу подчинялись по ведомственной линии старшие врачи уездов (с 1888 г. – отделов), одновременно находившиеся в подчинении уездных начальников. Эту должность в Баталпашинском уезде (отделе) занимали многие способные специалисты, среди которых выделяется Афанасий Крикливый, имевший степень доктора медицины, написавший монографическую работу по проказе у горцев Верхней Кубани (результаты его исследований сыграли свою роль в открытии лепрозория в Баталпашинском отделе на 50 коек в 1905 г.)³. По инициативе другого старшего врача отдела В.А. Попова при Баталпашинской войсковой больнице была открыта первая в регионе клиническая грязелечебница (1900 г.), дававшая почти 78 процентов выздоровления пациентов⁴.

В 1890-е гг. начальником войсковой больницы по должности являлся атаман отдела⁵. Старшими врачами Баталпашинской войсковой больницы значились статский советник М.К. Новик (упоминается в 1874-1881); надворный советник П.А. Взоров 1-й (1883); коллежские советники П.И. Касперович (1894-1898); упомянутый выше В.А. Попов (1899-1900); Н.К. Лопатин (1901-1902), который одно время являлся старшим врачом Баталпашинского отдела; М.И. Марциновский (1903-1904); Г.А. Добатовкин (1905-1908); И.М. Соцков (1909-1913); Е.Н. Сакун (1914-16). Там же в качестве комиссаров были прикреплены, в основном, казачьи офицеры (К.И. Тышецкий,

---

¹ Устав врачебный // Свод законов Российской империи. В пяти книгах / Под. ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Книга пятая. Т. XIII-XVI. СПб., 1912. С. 176, 230-233.

² Кубанский календарь на 1916 год... С. 122.

³ Бакльков Л. Друг прокаженных // Медицинская газета. М., 04 июля 2007. № 48.

⁴ Демьянов Г.С. Баталпашинские минеральные грязи. Баталпашинск, 1915. С. 6-7.

⁵ КСК на 1891 год. С. 28.

В.Ф. Николев, Г.Д. Левицкий, А.В. Потапов и др.) и лишь однажды – гражданское лицо (надворный советник Д.З. Саливанов)¹.

Первые *общественные организации* в регионе Верхней Кубани возникли в конце XIX в., когда здесь, в частности, было открыто «*Баталпашинское общество правильной охоты*» (устав утвержден 27.12.1896)². Оно создавалось, по-видимому, по образцу престижных обществ любителей охоты, которым покровительствовали члены императорской фамилии³.

В XIX в. зарождались благотворительные структуры, в которые вовлекались разные слои общества. С начала 1890-х гг. православное духовенство Кубани стало создавать в рамках своих благочинных округов «комитеты о бедных духовного звания», окружные братские кассы с целью оказания материальной помощи духовным лицам.⁴ В начале XX в. функционировало «*Общество вспомоществования нуждающимся учащимся ст. Баталпашинской*» (председатель – Л.А. Потапова, казначей – провизор А.А. Потеня)⁵.

В отделе действовали структуры *Кубанского областного комитета попечительства о народной трезвости* (КОКПНТ), возглавлявшегося начальником области. В частности, здесь был создан Баталпашинский уездный комитет КОКПНТ, где председательство возлагалось на атамана отдела, а также назначались участковые попечители⁶. Он вел деятельность по надзору за выполнением принятых властями решений, включая введение на Кубани с 1.07.1902 г. казенной винной монополии, ликвидировавшей как доходы

---

¹ ПККО на 1874 год. С. 80; ПККО на 1880 год. С. 97; ПККО на 1881 год. С. 43; КСК на 1883 год. С. 52-53; КСК на 1891 год. С. 28; КСК на 1894 год. С. 27; Кубанский календарь (в Адрес-календарях): на 1898 год. С. 38, Кубанский календарь на 1899 год. С. 73; Кубанский календарь на 1900 год. С. 22, Кубанский календарь на 1901 год. С. 22, Кубанский календарь на 1902. С. 34, Кубанский календарь на 1903 год. С. 44, Кубанский календарь на 1904 год. С. 22, Кубанский календарь на 1905 год. С. 34, Кубанский календарь на 1907 год. С. 24, Кубанский календарь на 1908 год. С. 22, Кубанский календарь на 1909 год. С. 146, Кубанский календарь на 1910 год. С. 151, Кубанский календарь на 1913 год. С. 150, Кубанский календарь на 1914 год. С. 140; Кубанский календарь на 1915 год. С. 115; Кубанский календарь на 1916 год. С. 122.

² ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1061. Л. 51.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIIа. СПб, 1897. С. 502-503.

⁴ Рыбко С.Н. Деятельность Русской Православной церкви в Кубанской области (1860-1917 гг.): управление, церковная жизнь, духовное образование, просвещение. Автореф. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. С. 19.

⁵ Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 59.

⁶ КОВ. Екатеринодар, 3 июня 1905. № 117. С. 2; КОВ. Екатеринодар, 30 апреля 1905. № 93. С. 2.

от питейной торговли, так и их налоговые отчисления в бюджет поселений¹ и запрет на публичное распитие крепких напитков во всех населенных пунктах области².

Иногородние приняли участие в создании *Баталпашинского краеведческого общества*, в деятельности которого участвовали педагоги, медики, чиновники. В 1916 г. это общество организовало в ст. Баталпашинской краеведческий музей, который возглавил М.П. Петров³.

В отделе действовало Баталпашинское отделение *«Всероссийского общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей»*⁴. Его деятельность обуславливалась большим рекреационным потенциалом региона Верхней Кубани, уже действовавшими здесь здравницами Теберды, а также перспективой создания климатических, соляных и водных курортов.

Представители Баталпашинского отдела входили в состав *«Кавказского Горного общества в Пятигорске»*⁵, активисты которого участвовали в освоении туристского потенциала бассейна рр. Кумы, Подкумка, Хасаута, то есть территории восточной части современной КЧР.

Разнообразие в культурную и общественную жизнь региона вносило издание в местной частной типографии ст. Баталпашинской доступной просветительской литературы.

Приобщение населения окраин империи к культурному пространству российско-европейской цивилизации осуществлялось не только через образовательную систему, но и через современные формы экономического уклада. Далеко не случайно известный зачинатель сети сыроваренных заводов региона Верхней Кубани Адольф Кирш подчеркивал, что цель их создания не

---

¹ КОВ. Екатеринодар, 19 января 1902. № 16. С. 1.

² КОВ. Екатеринодар, 17 января 1902. № 14. С. 1.

³ Музеи Карачаево-Черкесии / Сост. Хатуев Р.Т., Батчаев Ш.М., Заубидова И.Х., Чотчаева Р.Н., Шаповалов М.В. М., 2006. С. 6.

⁴ Гриф данного отделения указан на брошюре А.А. Атманских «Карачаевский айран» (Баталпашинск, 1915). 1915).

⁵ Обзор деятельности Кавказского Горного Общества в Пятигорске за 1904-1907 гг. // Ежегодник Кавказского горного общества (ЕКГО). Пятигорск, 1908. № 2. С. III-IV, 9-32.

была коммерческой. Они, отмечал он, «имели общественный характер», то есть, были направлены на приобщение – через практические навыки – широкого круга местного населения к передовым, перспективным хозяйственным занятиям. Именно с этой целью осенью в 1881 г. Кирш с разрешения властей создал в а. Джегутинском первую среди горцев «школу грамотности» по сыроварению (преподавал старший мастер сыроваренного завода), которая действовала два года¹. В данной связи, видимо, не будет большой натяжкой утверждение, что именно с иногородними специалистами связано само зарождение начального профессионального образования на территории нынешней Карачаево-Черкесии, становление которого произошло уже в последующие десятилетия.

---

¹ Гутерц А.В. Николай Верещагин. На благо Отечества. Вологда, 2011. С. 149, 152-157.

ГЛАВА 2. ИНОГОРОДНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ РЕГИОНА ВЕРХНЕЙ КУБАНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

2.1. Общая характеристика природно-хозяйственных ресурсов и структуры населения края

Характерной чертой экономики Кубани рассматриваемого времени являлась её *многоукладность*, то есть синхронное функционирование нескольких типов хозяйствования (укладов). Современными исследователями выделяется четыре уклада в экономике России начала XX в., из которых три имеют непосредственное отношение к крестьянству:

- *патриархальный* (полунатуральное хозяйство), который проявлялся у беднейшей части крестьянства и был слабо связан с рынком;

- *мелкотоварный* (кустарное производство), ориентированный на рынок и связанный традиционными крестьянскими промыслами, с торговлей данной продукцией;

- *частнокапиталистический* (крупное производство, основанное на частной собственности и наёмном труде), в который вовлечена прослойка богатого крестьянства (кулачество).

Первый из указанных укладов, который можно ещё назвать традиционным, в немалой степени основывался на консервативных нормах старых обычаев, регулировавших отношения собственности, организацию труда, производство продукции, её распределение. Здесь следует отметить добывающие промыслы и натуральный обмен.

Практически вся система жизнеобеспечения, трудовая деятельность населения территории современной Карачаево-Черкесии, как и везде, была исторически теснейшим образом связана с *природными ресурсами* – климатическими, геологическими, биологическими и т.д.

Следует отметить, что в рассматриваемое время они осваивались неравномерно. Например, почвенный покров, растительный и животный мир, как и в предшествующее средневековье, использовались непрерывно, с тенденцией к экстенсивному росту. Тогда же наблюдается некоторая интенсификация в использовании водных ресурсов, в частности, путем приобщения к использованию водной тяги на лесопилках, дробильных установках горнорудных предприятий, введение первых гидроэнергетических машин и т.д.¹ В то же время, скажем, лечебный (рекреационный) потенциал осваивался примерно в одном и том же масштабе до конца XIX в., когда здесь основали первый курортный поселок (Теберда).

Хозяйственная история Верхней Кубани, как, впрочем, и любого другого региона, была, в значительной степени, обусловлена ландшафтными особенностями. Современными специалистами здесь выделяются три ландшафтные зоны – равнинно-степная (северная), предгорная (центральная) и горная (южная)², причем во всех из них бытовали – конечно с разной степенью развития – разные хозяйственные отрасли.

Зональные особенности диктовали уровень развития тех или иных типов хозяйствования. Наиболее пригодной для земледелия, с точки зрения климата и почв, была и остаётся северная зона (современные Адыгехабльский, Ногайский, Прикубанский районы, часть Абазинского района). Полеводство в прошлом относительно успешно развивалось и в отдельных районах центральной зоны, в частности, на площадях предгорных и горных черноземов – от пологих северных склонов Мелового (Пастбищного) хребта (часть Абазинского, Хабезский, Усть-Джегутинский районы) до плоскостной, северной части современного Зеленчукского района и, отчасти, Урупского. Южные территории региона (полоса горных пастбищ между Передо-

---

¹ Подробнее см.: Тебуев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. - 1917 г.). Черкесск, 1975. С. 82-84.

² Хапаев С.А. Очерки природы Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1981. С. 26-33.

вым или Боковым и Главным Кавказским хребтом) с древности использовались для скотоводства, которое развивалось и на угодьях других зон¹.

Современными исследователями отмечается *растительное* богатство Верхней Кубани, обладающей большей площадью горных пастбищ, чем любой другой регион нагорной полосы к востоку от Кубано-Терского водораздела. Из всей площади естественных пастбищных угодий здесь свыше 55 процентов составляют летние отгонные пастбища, четверть – весенне-летние, остальные – весенне-зимние².

Особую категорию растительных ресурсов составляют леса, по площади которых Верхняя Кубань занимала и по сей день занимает первое место среди всех регионов нагорной полосы от Большой Лабы до Дагестана. Здесь преобладают: в горной части – хвойные (еловые, пихтовые, сосновые), в предгорной и низменной – лиственные леса.

В свое время русский ботаник Н.И. Кузнецов, лично исследовавший территории Северного Кавказа (в том числе современные КЧР, КБР, Северную Осетию, Чечню, Ингушетию, Дагестан), отмечал, что Кубанская область и почти вся Терская область представляли собой одну ботаническую область, характеризуемую четырьмя зонами – альпийской, хвойной, широколиственной и степной³.

В первые десятилетия после окончания Кавказской войны *животный мир* региона сохранял в целом свой первозданный облик. В начале 1880-х гг. даже под самым административным центром Баталпашинского уезда – в ущельях рр. Джегуты и Джаганас, покрытых «порядочными лесами», водились медведи, кабаны, олени, дикие козы (косули). Кавказский зубр встречался даже в Архызе, а в верховьях рр. Урупа и Большой Лабы, помимо него,

---

¹ Бураев Р.А. Экономико-географический очерк Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1961. С. 22.

² Узденова А.Ю. Аграрные реформы в Карачаево-Черкесии во второй половине XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011. С. 16.

³ Кузнецов Н.И. Геоботаническое исследование северного склона Кавказа // Известия императорского Русского географического общества (ИИРГО). СПб, 1890. Т. XXVI. С. 64-65, 69.

всё еще появлялся барс (переднеазиатский леопард)¹. Двадцать лет спустя даже в отдаленных, наименее заселенных человеком уголках региона картина резко меняется. В верховьях Большой Лабы, где прежде «водилось множество оленей, кабанов, медведей» и др., основная часть этой фауны исчезла, перебравшись в труднодоступные уголки высокогорий и в район к западу от Лабинского ущелья². Добавим, что зубры, по данным Н.А. Буша, появлялись на Большой Лабе – в урочище Загедан – даже в середине 1890-х гг.³ Но уже несколько лет спустя, как указывал Н. Динник, зубры уже не встречались в верховьях Зеленчука, Урупа и даже Лабы, что связывали с антропогенным воздействием («их вытеснила отсюда рубка леса и пастухи-горцы со своей барантой и табунами»)⁴.

В *климатическом* плане Верхняя Кубань также неоднородна, и характеризуется несколькими зонами (теплой, умеренно-теплой, прохладной, холодной), связанными с ландшафтной зональностью⁵. В пределах полосы между Передовым и Скалистым хребтами (район четырех станиц и шести сел бассейна Зеленчуков и Урупа), как было отмечено в начале XX в., летние дожди «очень часто сопровождаются градом», причем удары града «бывают настолько сильны и тяжелы, что выбивают не только посевы, но и травы, уничтожая сенокосы»⁶. Н.И. Кузнецов также указывал на более влажный характер западной части Верхней Кубани с обилием летних дождей в полосе южных склонов Скалистого хребта в бассейне рр. Большой Лабы, Урупа, Зеленчуков. Он связывал это с влиянием со стороны Черного моря, откуда постоянные западные ветры приносят осадки, сильно мешающие хлебопашеству⁷.

---

¹ Динник Н.Я. Горы и ущелья Кубанской области // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества (ЗКОИРГО). Тифлис, 1884. Кн. 13. Вып. 1. С. 308, 358-359, 362.

² Динник Н.Я. Верховья Большой, Лабы и перевал Цагеркер. Тифлис, 1905. С. 2, 10, 19.

³ Буш Н.А. Предварительный отчет о путешествии по Северо-Западному Кавказу в 1896 году с целью исследования ледников и флоры // ИИРГО. СПб., 1897. Т. XXXIII. С. 8.

⁴ Динник Н.Я. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба. Тифлис, 1899. С. 38-39.

⁵ Полякова А.И., Воробьева Ф.М., Татарникова Л.Г. Жемчужина Кавказа // Заповедная Теберда. Ставрополь, 1986. С. 27.

⁶ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 36.

⁷ Кузнецов Н.И. Геоботаническое исследование... С. 65.

В географо-экономическом плане территория региона разделяется на два района – северный (со степным и предгорным подрайонами) и южный (горный). В первом районе исторически преобладало разведение пород тонкорунных и полутонкорунных овец, а также крупного рогатого скота (КРС) с ориентиром на молочную продуктивность; во втором – пород грубошерстных и полутонкорунных овец, а также КРС преимущественно мясной продуктивности¹.

В условиях отсутствия централизованной государственности, Северный Кавказ на протяжении тысячелетий исторически являлся ареной бесконечных перемещений степных народов, крупных вторжений кочевых орд. Постоянные внешние угрозы обуславливали то, что стационарные *поселения* местных народов в степной и даже предгорно-равнинной части Кубано-Терского междуречья практически отсутствовали. (Здесь наблюдаются бесконечные переселения аулов, которые перешли к прочной оседлости лишь после присоединения к России). Естественным рубежом экспансии степняков на юге выступали природные преграды – хребты, сильно изрезанный рельеф, многочисленные водные преграды (такие как Кубань и её крупные левые притоки, которые в летний сезон становились полноводными бурными потоками). Именно в нагорной полосе практически непрерывно существовали стационарные поселения, объединенные в горские общества. У них доминировало отгонное скотоводство, основанное на сезонном перемещении поголовья: в теплый сезон – на высокогорные (альпийские) пастбища, а с наступлением осени – обратно, на зимовники в речных долинах низовий и лесных полянах. Таким образом, в скотоводческой отрасли использовался потенциал разных ландшафтных зон, включая богатую кормовую базу летних пастбищ, а также низкоширотный фактор Северного Кавказа. (В здешних горах солнечного тепла на 50% больше, чем, например, в Центральной России²).

---

¹ Бураев Р.А. Экономико-географический очерк Карачаево-Черкесии... С. 94-97.

² Ерижев К.А. Горные сенокосы и пастбища России. М., 1998. С. 10.

Природные ресурсы в рассматриваемом регионе создавали хорошие условия для ремесленного и промыслового развития региона. Под промыслами мы подразумеваем реализацию продукции и услуг, доход от которых обеспечивает жизнь занятого такой деятельностью лица и его семьи. Это не только домашние промыслы (сапожное, кузнечное, швейное и т.п.) и услуги (например, по перевозке грузов и пассажиров), но и добыча природных ресурсов (например, охота и рыболовство). Для последней в крае имелись богатые биологические ресурсы. Так, в начале 1890-х гг. сам начальник Кубанской области – по итогам личного объезда – отмечал, что «в водах М. и Б. Лабы ловится форель в изобилии», причем здесь «один человек в час вылавливает около пуда этой рыбы»¹. Полтора десятилетия спустя другой современник писал, что в «чистых водах верховьев» Большой Лабы, Зеленчуков и др. рек, их притоков «обильно ловится» рыба, включая «красивую и очень нежного вкуса форель», а также «усачи, головни, сазаны, и другая мелкая рыба»².

В исследуемый период *экономические ресурсы* (в их производственном аспекте) Верхней Кубани проявлялись в аграрной сфере, преимущественно – в животноводстве. Во многом развитие скотоводства именно этого региона обусловило тот факт, что среди семи отделов Кубанской области именно Баталпашинский к концу 1890-х гг. занимал *первое* место по общему поголовью скота (1436,7 тыс.), по числу голов скота (658) на 100 душ населения, по объемам заготовки кормов - 3,5 млн. пудов (прежде всего, сена)³.

За одиннадцать последующих лет к концу 1909 г. численность скота в отделе уменьшилась до 999,78 тыс.⁴, т.е. на 30,4%. Столь значительное уменьшение поголовья мы связываем с увеличением доли земледелия в сельскохозяйственной структуре отдела. Добавим, что из указанного поголовья

---

¹ Записка по ревизии станиц Кубанской области – Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов, за время 3-29 августа 1893 года // КСК на 1894 год. Отд. II. С. 68.

² Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 44.

³ Извлечение из отчета начальника Кубанской области наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год // КК на 1900 год. Отд. 2. С. 361.

⁴ Обзор Кубанской области: По поручению Наказного Атамана Кубанского казачьего войска ген.- лейт. Бабыча / Под ред. И.И. Кияшко. Екатеринодар, 1911. С. 116.

657,7 тыс. голов, или 65,8% приходилось на скотоводческие хозяйства карачаевских селений Баталпашинского отдела¹.

Рассматриваемый регион долгие годы продолжал лидировать по кормоводству, что было связано с достаточной влажностью обширного пространства предгорных и нагорных лугов Верхней Кубани. В степных с сухим климатом районах области в начале прошлого века ощущался недостаток кормов для полноценного развития скотоводства и коневодства, вынуждая или сокращать поголовье, или прибегать к травосеянию, то есть к интенсивным формам кормоводства².

Основным недостатком горной зоны вплоть до революции оставалась ощутимая нехватка «хороших сенокосных угодий», в связи с чем А. Атманских указывал на необходимость – в целях улучшения кормовой базы – внедрения передовых для того времени технологии, включая травосеяние³. На эту хроническую проблему горных хозяйств (где кормов хватало на 4,5 месяца) указывали и другие авторы того времени⁴. При продолжительной зиме, когда прерывались дорожные коммуникации, недостаток сена оказывался губительным: так, в долгую зиму 1879/80 г. только в двух селеньях Большого Карачая пало 84,2 тыс. голов скота⁵, а при долгой зиме 1902/3 г. – почти 50 тыс. голов карачаевского скота⁶.

В целом животноводство к началу прошлого столетия было в целом рыночно ориентированной отраслью. Это положение относилось и к *коневодству*, которое приобрело товарный характер. (К 1902 г. более половины – 342 из 639-ти – табунов Кубани находилось в Баталпашинском отделе⁷). Обратная сторона рынка эпохи первоначального накопления капитала – дегра-

---

¹ Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 334. (Вклейка к данной странице: Статистическая ведомость).

² Обзор Кубанской области... С. 97.

³ Атманских А.А. Скотоводство в Карачае... С. 2.

⁴ Напр.: Р-н Н. Карачаевцы, их землепользование, землевладение и экономическое положение // КОВ. Екатеринодар, 20 июня 1909. № 13. С. 2-3.

⁵ Алейников. Бедствия зимы // КОВ. Екатеринодар, 1880. № 2. С. 3

⁶ СЭПКРНКЧ. С. 188-189.

⁷ Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды КЧНИИ / Отв. ред. Э.А. Джанибеков. Черкесск, 1959. Вып. VIII. Серия историческая. С. 180; КК на 1902 год. С. 114.

дация отрасли. Отмечалось вырождение местных пород лошадей вследствие одностороннего ориентира основной массы хозяев на количественные, а не качественные показатели, на увеличение поголовья в целях сбыта. В итоге «высокие когда-то качества туземной породы утериваются, тип исчезает, лошадь мельчает и все менее отвечает требованиям рынка»¹.

Кроме того, дешевая аренда войсковой земли давала соблазн коннозаводчикам Верхней Кубани, официально арендовавшим эту землю именно под коневодство, делать прибыль более быстрым путем – через разведение КРС, а также наживаться на простой передаче этих земель в субаренду. По свидетельству современников, такие коннозаводчики как Исаев, Федоров и др., в начале XX в. мало-помалу забрасывали отрасль, предпочитая «держат большие гурты» КРС на этой земле, «пуская в арендуемые участки даже овец». Они арендовали эту землю (ст. Красногорская) по 50 коп. за десятину, и сдавали в субаренду жителям с. Георгиево-Осетинского под баснословно высокую плату – 12 руб. дес.²

Русское население появилось в рассматриваемом нами регионе в первой четверти XIX в., уже имея давние и устойчивые традиции *земледелия*. Поэтому, на наш взгляд, не случайно все без исключения ранние русские населенные пункты (казачьи станицы) региона основывались на местах долинных черноземов. В тех же местах позднее образовались и многочисленные земледельческие хутора, товарищества иногородних русских крестьян, арендовавших станичные угодья.

Земледельческие навыки русско-казачьего населения, привнесенные им технические средства и агрикультурные технологии, охотно перенимались в горских селеньях северной зоны региона. Об ориентации на полеводство свидетельствует тот факт, что более 95% хозяев аулов Зеленчуков к 1916 г. сеяли хлеб; чисто скотоводческими были лишь 5,5%³. Все это в целом поз-

---

¹ Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып.25. отд. II. С. 52-53; Невская В.П. Карачай в XIX веке... С. 348.

² Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 135.

³ Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии... С. 181.

воляло, так или иначе, удовлетворять потребность в продукции полеводства. Иная картина имела место в высокогорных аулах. Здесь своего урожая хватало на 1-2,5 месяца, поэтому горцы покупали хлебные злаки или выращивали их на арендованных плоскостных землях северного района¹.

В то же время, к концу XIX столетия Баталпашинский отдел был самым отсталым регионом Кубани в плане *технической оснащённости* земледельческого сектора. На одно усовершенствованное земледельческое орудие в 1898 г. здесь приходилось в среднем более 23 душ (в том числе 20,9 – иногородних с оседлостью), и по этим показателям отдел занимал *последнее* место в области.² Из 13,7 тыс. усовершенствованных плугов (в большинстве своем – немецких), фиксируемых в Баталпашинском отделе в начале XX в., лишь 3 тыс. (18%) имелось у иногородних³. Это не соответствовало удельному весу последних (почти 28%) в общей численности населения отдела.

Хотя по площади удобной земли на душу казачьего населения в начале XX в. Баталпашинский отдел занимал первое место на Кубани (9,7 дес.), земледелие здесь было развито хуже всех остальных отделов области. По площади посевов и урожаю зерновых отдел находился на последнем месте в Кубанской области⁴.

Промышленная отрасль в рассматриваемый период находилась на стадии зарождения и в целом была связана преимущественно с иногородним населением северного района. В 1870-е гг. при активной поддержке Ф.А. Кузовлева (в 1876-1884 гг. – начальник Баталпашинского уезда) в южном районе создавалась сеть мелких промышленных объектов; он «привлек горское общество к устройству лесного завода.., устроил сплавные пути, ввел новые виды лесного промысла, например, перегонку отбросов и пней, помог устроить смоло-скипидарные заводы» и т.д. Горское население получало от одной лесопильной компании Бурцева до 100 тыс. руб. в год «за вырубку и сплав

¹ Р-н Н. Карачаевцы, их землепользование, землевладение... С. 2-3.

² Извлечение из отчета начальника Кубанской области наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год // КК на 1900 год. Отд. 2. С. 358.

³ О состоянии области... Ведомость 13.

⁴ О состоянии области... С. 22; см. там же: Ведомость 12.

леса»¹. Но затем последовал определенный упадок и к началу XX в. горный юг (конкретно – Хумаринский участок) являлся наиболее отсталым районом Баталпашинского отдела. Здесь, как отмечали современники, «обрабатывающая промышленность едва зарождается: выделывают в небольшом количестве бурки, полсти, сукна»; кроме того, «небольшой заработок» доставляли такие промыслы как «распилка бревен, доставка корчаг на винокуренный завод, перевозка досок в Баталпашинск». Сюда прибывали отходники из соседних регионов: например, из Терской области приезжали балкарцы – «выжигать известь и кирпичи», кабардинцы – доставлять «бревна по Теберде и Кубани». Такие «ископаемые богатства» как «медь, железо, каменный уголь, мрамор и пр., а также минеральные источники» оставались, по словам Г. Чурсина (1900 г.), лежать «совершенно бесполезно»². (В это время перестал действовать серебряно-свинцово-цинковый рудник «Эльбрус»).

Большой урон нанесла экологической среде региона эпоха «дикого капитализма», под которым нами имеется в виду период от окончания Кавказской войны (1864 г.) до конца XIX в., то есть до введения прочной нормативной базы охраны природных ресурсов и создания жесткой, более-менее эффективной системы связанных с ней контрольных и надзорных органов. Сюда на охотничий промысел приходили жители равнинных поселений³; охотились лица из так называемой Кубанской охоты великого князя Сергея Михайловича⁴ и т.д. Местный проводник в 1898 г. сообщал о ситуации в бассейне Большого Зеленчука, где за два года до этого охотились князь Демидов и «известный английский путешественник и спортсмен Литльдэль». В районе Архыза крупная дичь уже почти не встречалась (в верховья р. Псыша убили лишь одну серну), но её «очень много» еще было в верховьях р. Кяфар-Агура (здесь англичанин убил двух туров и медведя). Два года спустя крупная дичь

---

¹ Люсин. Из Баталпашинского отдела. Карачай (1888 г.) // Известия КНИИ. Черкесск, 2013. № 9. С. 132-137.

² Ч-ин. Г. Экономическая жизнь Карачая // Кавказ. Тифлис, 5 декабря 1900. № 322.

³ Динник Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области // ЗКОИРГО. Тифлис, 1884. Кн. 13. Вып. 1. С. 328.

⁴ Динник Н. Я. Верховья Большой, Лабы и перевал Цагеркер. Тифлис, 1905. С. 2, 10, 19.

уже не встречалась и здесь¹. Антропогенный фактор, включая технические изменения в охотничьем промысле (оснащение охотников передовыми видами огнестрельного оружия), обусловил качественные, необратимые изменения в фауне Верхней Кубани, в числе которых – исчезновение кавказского зубра, переднеазиатского леопарда, дикой лошади и др.

То же касалось и флоры: из-за бесконтрольной, неограниченной рубки в целях наживы к началу XX в. некогда обширные лесные площади в юртах верхнекубанских станиц Нагорной полосы уменьшились настолько, что даже казаки вынуждены были покупать строевой лес у казны, а из-за нехватки дров в качестве топлива пользовались «навозными кизьяками». Впрочем, то же самое происходило долгое время и в казенных лесных угодьях. Современники отмечали, что в период «казенного заведования» лесами до 1885 г. билеты на рубку леса «выдавались всем», в результате здесь были истреблены «ценные породы леса»².

К категории экономических ресурсов региона, помимо животноводства, земледелия, промыслов, относятся и коммуникации (дорожно-транспортные и связь). Весь дореволюционный период самой болезненной проблемой здесь оставалась неразвитость внутренних дорожных коммуникаций. Действовала старейшая колесная дорога, построенная еще в ходе Кавказской войны – так называемая Мышиная тропа, которая вела до Хумаринского и Каменноостского укреплений на правобережье Кубани.

В 1866-69 гг. под руководством окружного начальника Н.Г. Петрусевича была проведена первая колесная дорога, связывавшая упомянутые русские укрепления с Верхнекубанской котловиной (Большим Карачаем). Как отмечал сам Петрусевич, горцы, направлявшиеся по этой дороге на Ставропольскую ярмарку и Баталпашинский базар, дабы «не ехать порожняком, с радо-

---

¹ Динник Н. Я. Верховья Большого Зеленчука... С. 19, 26.

² Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 49, 202.

стью брали уголь из Хумаринских копей», а также вывозили из гор на плоскость десятки тысяч повозок леса¹.

Из колесных дорог в регионе почти бесперебойно действовала Военно-Сухумская дорога /ВСД/, ведущая через Тебердинскую долину. Исходя из стратегической значимости, она содержалась за счет казны. В 1880-е гг. по ней горцы часто перегоняли свой КРС и лошадей для реализации на черноморском побережье². ВСД со временем была шоссирована, а все остальные дороги для колесного транспорта были грунтовыми со всеми их недостатками. Лишь в конце XIX - начале XX в. вдоль Большой Лабы стали действовать колесная дорога и мосты, что стимулировало хозяйственное перемещение русского и горского населения; в долине фиксируется появление постоянных рабочих, иногородних поселков³.

Проводились колесные дороги от курортов Кавказских Минеральных вод к объектам на территории современного Малокарачаевского района. В архивных источниках второй половины 1860-х гг. сообщается, что экипажи из Кисловодска добираются на гору Бермамыт, а по другому маршруту доходят до перекрестка троп напротив горы Эшкакон (между рр. Подкумком, Эшкаконом и верховьями речки Мардух)⁴.

Наиболее сложной дорожная ситуация была в отдаленных, западных районах Верхней Кубани. В середине 1880-х гг. самый дальний населенный пункт региона – станица Преградная – соединялась на севере со станицей Передовой двумя тропами для верховой езды: одна шла вдоль Урупа (с пересечением вброд в нескольких местах), другая – по правому притоку Урупа – речке Кува, через гору Баранаха⁵. Не лучше было качество пути, связывавшей Преградную на востоке со станицей Сторожевой.

---

¹ Шаманов И.М. Пути и средства сообщения в Карачае // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975. Вып. 1. С. 101-102.

² Динник Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области... С.320.

³ Динник Н. Я. Верховья Большой Лабы... С. 1-2, 13.

⁴ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 147. Л. 22-24об.

⁵ Динник Н. Я. Верховья Большого Зеленчука... С. 4-5.

Летом 1898 г. Динник упоминал «довольно хорошую дорогу», проложенная вдоль Большого Зеленчука до Архыза («Старого Жилища») и приличный мост через Большую Лабу (незадолго до этого построенный одним лесопромышленником), сокративший ему путь на 60 верст окольной дороги. Перейдя мост на левобережье Большой Лабы, он добрался до речки Псемен, а оттуда – до станицы Преградной по дороге, где, как отмечает, «с удобством можно ехать только верхом»¹.

Тот же автор, побывав в крае летом 1903 г., фиксирует по Большой Лабе мосты и дорогу, по которым передвигались русские и горцы. Им же фиксируется скотопрогонная тропа, по которой можно было передвигаться верхом вдоль всей 25-верстной долины Дамхурца (левого притока Б. Лабы). По Лабинскому ущелью стояли помещения нескольких ветеринарных постов, на каждом из которых, как правило, имелся небольшой домик для ветеринарного врача и барак для стражников. Под контролем постов находились пасшиеся здесь многочисленные стада КРС и табуны, принадлежавшие не только абазинам и карачаевцам, но и абхазам².

Несколько лет спустя, Л. Македонов сообщал, что от Преградной до станицы Сторожевой добирались «по красивой, но ужасной дороге», которая прерывалась при любой серьезной непогоде. Автор написал и о том, что хутор на месте бывшей станицы Псеменской – в несколько дворов, чьи жители занимались заготовкой древесного угля – связан с ближайшими станицами – Ахметовской (на севере) и Преградной (на востоке) только труднопроходимыми тропами³. (Для справки: уже середине 1880-х гг. на месте бывшей станицы Псеменской не осталось ни одной избы и «уцелели только сады», где встречались «следы оленей и медведей»; здесь было устроено помещение для лесной стражи⁴).

---

¹ Динник Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области... С. 329-330.

² Динник Н. Я. Верховья Большой Лабы... С. 1, 10-11, 13, 19, 25.

³ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 29-32.

⁴ Динник Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области... С. 357.

Обилие речных потоков региона требовало развития мостостроительного дела. Ещё в 1860-е гг. отмечалась необходимость постройки переправ и на «второстепенных путях», в том числе у бывшего Эрсаконского поста на Кубани (выше аула Дударуковского, близ Баталпашинской «для сближения сообщений с Пятигорском»), на Большом Зеленчуке (для хозяйственных связей 4-й и 5-й бригад ККВ, а также аулов, расположенных на этой реке, со Ставрополем), на Малом Зеленчуке (близ аулов Ахлау Ахлова и Лоовского для внутренних сообщений этих селений)¹.

Расстояние в 350 км между областным центром (г. Екатеринодаром) и центром данного региона (станцией Баталпашинской) поначалу преодолевалось по грунтовым дорогам, которые при ливнях часто становились практически непроходимыми. С 1887 г. появилась возможность добираться до областного центра по железной дороге от станции Невинномысская (около 60 км к северу от ст. Баталпашинской), но и ее от большинства верхнекубанских поселений отделяло от 100 до 200 км грунтовых путей сообщений.

Всё досоветское время Верхняя Кубань находилась вне системы железнодорожных коммуникаций Северного Кавказа и в целом страны. Поэтому предгорные и нагорные территории региона, лежавшие к западу и к востоку от ВСД, в рассматриваемое время так и остались незатронутыми в плане промышленного освоения природных ресурсов, конечно, не считая леса, сплавливавшегося по многочисленным рекам региона. Речь идет о курортном потенциале, запасах полиметаллических руд, строительных материалах и т.д. бассейнов рр. Зеленчуков, Урупа, Большой Лабы, Кумы, Подкумка и др., где индустрия появилась лишь в советский период. Это обстоятельство, а также отсутствие собственных городов как экономических, технологических и культурных центров, отдаленность от них, слабая (по сравнению с другими отделами) заселенность пространства, обуславливали то, что регион Верхней Кубань являлась одним из самых отсталых регионов области.

---

¹ Сахновский В. Очерк путей сообщений Кубанской области // ККВ. № 6. Екатеринодар, 10 февраля 1868.

Благодаря развитию транспортных средств передвижения наладилось пассажирское сообщение с железнодорожными станциями. С Невинномысской и Кисловодском его осуществляли разнообразные виды колесного транспорта: легкие рессорные повозки – тачанки, фаэтоны (коляски), тарантасы, многоместные повозки – линейки (длинные дрожки), фургоны /типа дилижансов/, омнибусы, а также телеги-мажары. Во втором десятилетии XX в. важной технической инновацией в сфере транспорта стало появление в регионе первых автомобилей. Автомобилисты-механики Г. Казицкий и П. Белов инициировали проведение совещания частных лиц (Армавир, 1911 г.), на котором было подписано соглашение о товариществе по открытию автомобильного сообщения Невинномысская – Курорт Теберда. В 1914 г. прошел первый автопробег Армавир – Теберда; в 1915 г. фиксируются частные автомобили у некоторых владельцев тебердинских дач¹.

Прямой связи региона с имперским центром способствовало то, что в 1863 г. стала действовать телеграфная линия Ставрополь – Тифлис – Санкт-Петербург; её ближайшая к Верхней Кубани станция находилась в г. Пятигорске, то есть в 90 км от Баталпашинской². В конце 1870-х гг. телеграфная связь была проведена и в регион Верхней Кубани³ (тогда же в Баталпашинске стало действовать почтовое отделение)⁴. Все учреждения связи этого региона, да и всей Кубанской области (почтово-телеграфные конторы, телефонные станции, почтово-телеграфные и почтовые отделения), входили в состав Владикавказского почтово-телеграфного округа⁵. Население и организации до революции обслуживались сетью структур, включая почтово-телеграфную контору в ст. Баталпашинской, три почтово-телеграфные отделения (рудник «Эльбрус», с. Георгиевско-Осетинское, а. Тебердинский), почтовые отделен-

¹Чурсин Г. Новый курорт на Кавказе // Кавказ. Тифлис, 1900. № 299; Смирнов В.Н. Путеводитель... С. 12; Анисимов С. Картины Кавказа. М., 1915. С. 96-97; Бермамыт – великая твердыня // Современный Кавказ. Пятигорск, 2009. № 10. С. 125-130; Шаманов И.М. Пути и средства сообщения в Карачае... С. 107.

² Отчет по главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Его Императорским Высочеством великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 – 6 декабря 1872. Тифлис, 1873. С. 300.

³ ПККО на 1879 год. Адрес-календарь. С. 55.

⁴ ПККО на 1878 год. Адрес-календарь. С. 55.

⁵ Обзор Кубанской области... С. 164.

ния, открытые во всех верхнекубанских станицах, а также в одном селе (Марухское) и одном ауле (Учкулан)¹.

Отдельного внимания заслуживает структура *населения* региона Верхней Кубани в его различных аспектах. Рассматривая *этнический состав* населения данного края, отметим, что в то время (как и в наши дни) это был многонациональный регион, где преобладали разноязычные группы народов, исторически считающихся кавказскими. Основная часть их (абазины, карачаевцы, ногайцы, черкесы) относилась к коренному населению Верхней Кубани, имея многовековую историю проживания в этом регионе. Меньшая часть кавказских групп (небольшие общины армян, горских евреев, осетин) переселилась сюда из других регионов в XIX в., в основном после присоединения верхнекубанского края к Российской империи.

В лингвистическом отношении среди всех указанных общностей численно здесь преобладали носители тюркских языков *алтайской языковой семьи*, к которым относятся карачаевцы и кубанские ногайцы. Адыго-абхазскую языковую группу *кавказской языковой семьи* представляли абазины и черкесы, расселившиеся по берегам рр. Кубани, Зеленчуков и Кумы. *Индоевропейская семья* коренных народов Кавказа была представлена осетинами и горскими евреями, язык которых относится к иранской группе, а также армянами. Все поселения этих общин располагались по берегам р. Кубани.

В 1916 г. из 77,8 тыс. жителей, проживавших в поселениях коренных кавказских этнических групп, относительное большинство – 37,2 тыс. чел., или 47,8%) – проживало в 11-ти карачаевских аулах; в 9-ти абазинских поселениях имелось 14,7 тыс. чел., столько же – в 9-ти черкесских населенных пунктах, в 5-ти ногайских поселениях – 7,4 тыс.чел., в одном осетинском селе – 3,2 тыс.чел., в одном горско-еврейском селе – 0,53 тыс. чел.²

---

¹ Список почтово-телеграфных учреждений в Кавказском крае // Кавказский календарь на 1917 год / Под ред. Н.П. Стамальщука. Тифлис, 1916. Отдел справочный. С. 21-66; Алфавитный список населенных мест Кубанской области // Кубанский календарь на 1916 год / Под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1916. С. 436-569.

² Расчеты наши по статистике: КК на 1916 год. С. 442-569.

Из некавказских этносов первыми в регионе Верхней Кубани появились *русские и украинцы*. По состоянию на 1916 г. они проживали преимущественно в восьми станицах (59,8 тыс. чел.), небольшая часть – в трех крестьянских волостях (4,2 тыс. чел.) и многочисленных мелких хуторах (около 1 тыс. чел.). После окончания Кавказской войны у истоков Малого Зеленчука возникли общины новых индоевропейских переселенцев – понтийских греков (в 1916 г. – 0,67 тыс. чел.), а также эстонцев (0,75 тыс. чел.), относящихся к финно-угорской группе *уральской языковой семьи*¹.

Относительно *трудовых ресурсов* определенные сведения дают материалы всероссийской переписи 1897 г., по которым самодеятельное население Баталпашинского отдела в то время насчитывало 48,02 тыс. чел., или 22,3% от всех жителей, в основной массе – мужчин. Большинство – 26,4 тыс. чел., или 55% – трудилось в земледелии (члены семей – 120 тыс. чел.), а 5,1 тыс. чел., или 10,6% – в животноводстве (члены семей – 22,6 тыс. чел.). Здесь нам следует ещё раз отметить, что, в отличие от всего Баталпашинского отдела, в его нагорной части большинство занятого населения было связано не с земледелием, а со скотоводством. Пропорции между земледельческим и скотоводческим сегментом здесь примерно соответствовали пропорциям между горским и негорским частями населения Верхней Кубани.

Свыше 3,8 тыс. чел. трудилось в других производственных сферах, включая такие, как обработка продукции сельского и лесного хозяйства (1432), изготовление одежды (943), строительные работы (757), металлообработка (462), лесное хозяйство и лесные промыслы (146), добыча руд (69 чел.).

Тем самым, как видим, около 74% занятых Баталпашинского отдела относилось к сфере реальной экономики (производства).

В *сфере торговли* (в том числе продукцией аграрного сектора, промышленности и др.) было занято свыше 860 чел. Весьма слабо была развита

---

¹ КК на 1916 год. С. 442-569.

сфера услуг – юридических (1 частный юрист), гостиничных (40), транспортных (275 извозчиков) и др., в т.ч. социально значимых – педагогических (121), медицинских (69), связи (39 чел.). Около 500 чел. было занято в хозяйственном обслуживании различных учреждений (монастыри, учебные заведения, приюты, богадельни и пр.), число которых было невелико – 24, в том числе в Баталпашинской – 8.

Сравнительно немногочисленным было число *чиновников* разных ведомств и учреждений (192). К категории гражданских служащих относились работники всех казенных и «общественных» (сельских, станичных, аульных) структур, среди которых были работники связи, образовательных и медицинских учреждений. Они имели право на пенсии, получение классовых чинов и т.д.

Региональную бюрократию по численности превосходило *духовенство* разных конфессий (257 чел.). Военнослужащих в отделе насчитывалось относительно немного – 175 чел.¹

Значительная часть трудовых ресурсов населения Верхней Кубани была занята в сфере *отхожих промыслов*. Особо ценились профессионалы, русские мастера – строители, плотники, печники и т.д., которых охотно приглашали и в высокогорные, горско-мусульманские селенья².

Низшим уровнем занятых в отхожих промыслах являлось батрачество, в котором была задействована немалая часть иногороднего населения. Исследователями выделяются две категории батраков: к первой относились иногородние без оседлости (то есть, юридически не прикрепленные к сельским, станичным общинам), а ко второй – молодые холостяки из бедняцких семей, нанимавшиеся в батраки, чтобы заработать средства для создания семьи. В русских поселениях степного Предкавказья, как отмечают Т.А. Невская и В.А. Чекменев, труд батрака не имел определенной платы. Напри-

---

¹ Первая Всеобщая перепись... С. 1-9, 138-139.

² Студенецкая Е.Н. Поселения и жилище // Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Ответ. ред. Л.И. Лавров. Черкесск, 1978. С. 147.

мер, в конце XIX в. некоторые шли внаем лишь за «харчи», другие – за 18 руб. в период с осени до весны – «от покровы до вешнего Миколы» (праздник Покрова – 1/14/ октября, праздник весеннего Николая Чудотворца – 9/22/ мая), третьи – получали 60-70 руб. за 4-5 месячный сезонный труд. Состоятельные скотоводы-тавричане (переселенцы из Крыма) платили в год чабанам в среднем 80 руб., а лучшим – до 120-150 руб.¹

Следует подчеркнуть, что весьма негативное влияние на количественную и качественную сторону трудовых ресурсов Юга России сыграла Первая Мировая война, забравшая на фронт значительную часть трудового крестьянства. В их числе – категории наиболее опытных, умелых мастеров полеводства и скотоводства, создателей и работников успешных крестьянских товариществ, образованных специалистов отрасли (ветеринаров, зоотехников, агрономов), преподавателей сельскохозяйственных школ и др.

Пристального внимания заслуживает динамика *удельного веса иногородних* в структуре населения станиц и аулов. Отметим, что весь Баталпашинский уезд (отдел) в целом относился к регионам, где казачество изначально составляло меньшинство населения. На 1890 г. численность казаков в отделе была 61,8 тыс. чел. (почти 38%), иногородних – 41,6 тыс. (в том числе с оседлостью – 32,95 тыс.), то есть свыше 25% населения отдела; остальная часть жителей приходилась, в основном, на горцев². В 1908 г. удельный вес иногородних в Баталпашинском отделе составлял от общей численности жителей 27,9% (69,7 тыс. чел., в том числе с оседлостью – 48,2 тыс., без оседлости – 21,5 тыс.)³. К 1.01.1911 г. численность иногородних в Баталпашинском отделе уже немного превзошла численность казаков. На то время здесь проживало около 258,4 тыс. чел., среди которых казаки – 94,1 тыс. чел. (36,4%), иногородние – 94,2 тыс. чел. (36,4%), горцы – 70,02 тыс. чел. (27,1%). Упо-

¹ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Ставрополь, 1994. С. 54-55.

² КСК на 1891 год. С. 131-133.

³ О состоянии области и войска за 1908 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска / Под ред. Д.М.Мартыненко // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 9-14.

мянутая масса иногородних состояла из трех групп: признанных коренными жителями – 20,41 тыс. чел., иногородних с оседлостью – 51,7 тыс. чел., иногородних без оседлости – 22,1 тыс. чел.¹

Обратимся теперь к удельному весу иногородних в демографической структуре казачьих населенных пунктов на территории современной КЧР. Можно отметить, что, в целом, с 1860-х гг. наблюдалась довольно быстрый рост численности иногороднего населения в станицах. Например, по данным на конец 1864 г. в центре отдела – Баталпашинской – насчитывалось 186 чел. иногородних, а на 1 января 1866 г. – 246². То есть, за год его численность увеличилась на 60 человек. (Кзаков в станице тогда насчитывалось чуть больше 3 тыс. чел.). Дальнейшие изменения статистических данных приводятся нами в таблице ниже.

Таблица 2 – Удельный вес иногородних в станицах на 1875 г.³

станции	численность жителей		
	всего	иногородние	доля иногородних
Баталпашинская	5310	1733	33 %
Зеленчукская	2033	55	3 %
Исправная	2658	116	4 %
Кардоникская	2473	113	4,5 %
Верхне-Николаевская (Красногорская)	742	15	2 %
Преградная	1571	39	2,5 %
Сторожевая	1965	143	7 %
Усть-Джегутинская	1484	172	11,5 %
Итого	18236, в т.ч. казаков - 15579	2386	13%

¹ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия на Северном Кавказе в связи с деятельностью крестьянского поземельного банка. Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 450-451

² ГА КЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 45. Л. 3-4.

³ Таблица составлена на основе данных: ПККО на 1876 год. Отд. III. Приложения. 4-я вклейка после С. 150.

Двадцать лет спустя место иногородних в демографической структуре станиц положение выглядело следующим образом:

Таблица 3 - Удельный вес иногородних в станицах на 1894 г.¹

станции	численность жителей			
	всего	иногородние		доля иногородних
		с оседлостью	без оседлости	
Баталпашинская	10086	3616	2005	56 %
Зеленчукская	3906	489	239	18 %
Исправная	4442	981	285	28,5 %
Кардоникская	3955	287	281	14 %
Красногорская	775	248	9	33 %
Преградная	2245	108	36	6 %
Сторожевая	3585	992	202	33 %
Усть-Джегутинская	3062	1278	83	44 %
<i>Итого</i>	32056, в т.ч казаков - 20917	7999	3140	35% (без ст. Баталпашинской – 25%)
		11139		

Как видим, за истекшие два десятилетия казачье население станиц на территории современной КЧР увеличилось в 1,34 раза, а иногородних в них – в 4,7 раза, причем в трех станицах последние составили от трети населения и выше, а в региональном центре (ст. Баталпашинская) – абсолютное большинство. Численность иногородних в станичных обществах возрастала неуклонно, прежде всего – за счет активной миграции из регионов европейской части России. Этот процесс отражается в статистике и следующих десятилетиях.

¹ Таблица составлена на основе данных: КСК на 1894 С. 76-79.

Дореволюционный автор Л. Македонов сообщал о карточной подворной переписи нагорных станиц Баталпашинского отдела, проведенной в 1906 г. Его данные (кроме Баталпашинской) сведены в прилагаемую таблицу:

Таблица 4 – Удельный вес казаков и иногородних в станицах на 1906 г. ¹

станции	семей		численность жителей			
	коренных	иногород.	всего	коренных	иногородних	доля иногородних
Зеленчукская	762	181	5492	4426	1066	19 %
Исправная	678	169	6239	5011	1228	20 %
Кардоникская	816	130	5863	5072	791	13,5 %
Красногорская	200	62	1307	987	320	32 %
Преградная	517	40	3239	3028	211	6,5 %
Сторожевая	564	116	4352	3571	781	18 %
У.-Джегутинская	448	217	4219	2372	1847	44 %
			Всего	24 467	6 244	20 %

Как видим, по сравнению с середины 1890-х гг. доля иногородних в станицах, не считая Баталпашинской, за более чем десять лет определенно снизилась.

Обратимся теперь к данным по региону Верхней Кубани на предреволюционный год.

Таблица 5 - Удельный вес иногородних в станицах на 1916 г. ²

станции	дворов (домохо-зяйств)		Численность жителей			
	коренных	иногород.	всего	иногородних		доля иногородних
				с осед-лостью	без осед-лости	

¹ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 54.

² Таблица составлена на основе данных: КК на 1916 год. С. 442-569.

Баталпашинская	138	1549	19581	7547	3611	57 %
Зеленчукская	983	230	7595	1543	264	24 %
Исправная	940	160	7687	1087	274	18 %
Кардоникская	1077	85	8213	936	181	14 %
Красногорская	201	51	1686	389	14	24 %
Преградная	623	77	4248	509	111	14,5 %
Сторожевая	786	115	5839	687	437	19 %
У.-Джегутинская	556	222	4921	1628	129	36 %
<i>Итого</i>			59770	14326	5021	32 %
			в т.ч ка- заков - 40423			

Методом простых расчетов нетрудно заметить, что за сорок лет (1875-1916) иногороднее население станиц рассматриваемого региона выросло в 8 раз, а казачье – лишь в 2,6 раза. Иными словами, за этот период во всех станицах доля иногородних значительно увеличилась, что объясняется, конечно, не естественным приростом, а довольно значительными миграционными процессами. Диспропорция такого прироста привносила свою долю в осложнение социального положения в станицах. Площадь земель у станичных юртов и казачьих семей не могла быть беспредельной; ресурсы их угодий для сдачи в аренду иногородним практически были исчерпаны. Это обуславливало глубокое расслоение, пауперизацию иногороднего населения.

В то же время можно заметить, что между 1894 и 1916 гг. уменьшилась доля иногородних в четырех станицах по р. Кубани (Красногорская и Усть-Джегутинская) и Большому Зеленчуку (Сторожевая и Исправная). Возможно, это связано с переселением их на хутора.

Априори можно полагать, что столь значительный рост населения, возникновение таких диспропорций в его демографической структуре неизбежно должны были осложнить здесь социально-экономическое положение,

повлечь новые болезненные проблемы, обострить отношения между коренной (казачьей) и иногородней частями жителей станиц.

Доля некоренных жителей в структуре *аульного* населения в три раза уступала показателям станиц. Это вполне объяснимо: иногородние в станицах появлялись за счет миграции, главным образом, русского населения из других регионов России, а в горских селеньях – за счет ограниченных перемещений (как правило, соплеменников) из других аулов того же региона Верхней Кубани. В 1916 г. из 74,1 тыс. жителей аулов с их поселками, иногородние составляли более 6,3 тыс. чел., или 8,5% всего аульного населения. В то же время большой разброс в долях иногородних в общей численности жителей был примерно одинаков у станиц и аулов. Любопытно, что в населенных пунктах горцев наибольшая доля иногородних наблюдалась в селениях, образованных в пореформенный период – Джегутинском (44%) и Маринском (32%), а также в предгорно-плоскостных – Кувинском (17,5%), Шах-Гиреевском (13%)¹, Дударуковком (14%), Эрсаконском (52%)². (В вышеприведенных случаях подавляющее большинство иногородних было горцами, а не славянами).

Приведенный в данном разделе материал показывает определенные различия в хозяйственных характеристиках Баталпашинского отдела в целом и его верхнекубанского района в частности. Отдел был преимущественно земледельческим регионом благодаря, главным образом, северным, обширным угодьям своих равнинных станиц и сел, расположенных вне рамок нагорья. Горные районы оставались в основе своей животноводческим регионом, прежде всего, в виду ограниченности пахотных площадей, а также других факторов – технико-технологической отсталости, низкого уровня агрикультурных навыков населения и т.п. Кроме того, южная часть Баталпашинского отдела не имела железнодорожного сообщения с другими регионами

---

¹ КК на 1916 год. С. 442-568.

² КК на 1915 год. С. 464, 650.

России, да и в целом – нормального доступа к промышленным и торговым центрам страны.

Но в то же время, применительно к сельскохозяйственному районированию региона к концу рассматриваемого периода, можно говорить об очевидности проявления такой тенденции экономического ландшафта как *полеводческий север и скотоводческий юг Верхней Кубани* (данная реальия наиболее ярко проявилась уже в советский период с его профилированными крупными аграрными предприятиями). Данный процесс затрагивал не только горское, традиционно скотоводческое население, но и русское (казачье и крестьянское). Так, удельный вес тех или иных видов хозяйственной деятельности русского населения хорошо иллюстрируется следующими данными по верхнекубанским станицам Нагорной полосы, включая казаков и иногородних. В начале XX в. из общих сумм денежных доходов около 40% поступало от продажи скота и скотоводческой продукции; 32% – от местных промыслов (из них 11% – лесного), от продажи земледельческой продукции – 11%, промышленной – 6%, от поденщины и батрачества – почти 5% и т.д.¹ Мы видим, что земледелие занимало третье место структуре занятий казаков и русских крестьян южного района.

На протяжении шести десятилетий (1860-1920) рассматриваемый регион, в основном, находился в составе Кубанской области, поэтому в политико-правовом, экономическом, социально-культурном отношениях развивался – в той или иной степени – под воздействием фактора, связующего целое и его части. В то же время нам следует не забывать, что Верхняя Кубань являлась наиболее отдаленной периферией этой области. В экономическом, да и в культурном плане активная часть населения тяготела больше к рынкам и городам соседних Кавказских Минеральных Вод, чем к Кубанской области, ближайший город которой находился в 140 км от Баталпашинской.

---

¹ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 103.

2.2. Место и значение иногородних в хозяйственной жизни региона

Детерминирующими факторами развития крестьянского хозяйства Верхней Кубани в рассматриваемое время выступали: природные ресурсы, позволявшие более-менее успешно вести аграрную и промысловую деятельность; социальные процессы; демографический потенциал; уровень развития дорожных коммуникаций и кредитной инфраструктуры региона. Кроме того, важную роль играла степень вовлеченности региона Верхней Кубани в макроэкономические процессы, в частности, в становление общероссийского капиталистического рынка.

Если к началу XX в. в остальной части Кубанской области животноводство окончательно уступило место зерновому земледелию¹, то, как нами отмечалось выше, в экономической структуре рассматриваемого региона вплоть до советского времени продолжал доминировать животноводческий сектор, а в нем – *скотоводство*. Количество скота, которое держали иногородние, в целом, соотносилось с их общей долей в демографической структуре населения региона. В 1890 г. они составляли около 25% от всего населения и владели при этом около 26% от всего зарегистрированного в крае скота (1167,5 тыс.). По разновидности скота цифры выглядят более интересно и информативно. Так, например, в собственности иногородних крестьян находилось 14,7% лошадей, 3,5% свиней, 4% буйволов, 11,3% рабочего скота, около 13% простых овец. Однако на их долю приходилось около 184,6 тыс. голов тонкорунных овец, что составляло 87,9% от их общей численности в регионе². Таким образом, в этой сфере они полностью доминировали.

Факт принадлежности 9/10 поголовья тонкорунного овцеводства иногородним представляется нам примечательным, так как отражает их (прежде всего, «тавричан») инновационную роль в животноводстве Юга России. От-

---

¹ Багаева Е. М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России (1861–1914 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 20.

² КСК на 1891 год. С. 142-143.

метим, что к рубежу XIX-XX вв. тонкорунное овцеводство как Кубани, так и Юга России в целом вступило в полосу затяжного и болезненного кризиса. Это обуславливалось тем, что на российский рынок стала активно завозиться импортная шерсть, которая отличалась если не лучшим качеством, то более дешевой ценой. Это существенно сказалось на развитии собственного тонкорунного овцеводства. Численность поголовья на Северном Кавказе стала снижаться и за десятилетие (1896-1906 гг.) сократилось в 2,5 раза. Рост импорта был обусловлен также издержками местного производства, не успевавшего наладить эффективное шерстомойное производство, транспортную логистику, систему хранения мяса и шерсти и т.д.¹

Удельный вес поголовья домашнего скота у иногородних в начале XX в. сведен нами в нижеприведенную таблицу.

Таблица 6 – Удельный вес поголовья домашнего скота у иногородних на 1908 г.²

Отдел	Всего	У иногородних	Доля иногородних
<i>Лабинский</i>	804946	294307	36,6 %
<i>Кавказский</i>	725270	256531	35,4 %
<i>Ейский</i>	587360	191541	32,6 %
Баталпашинский	952851	288422	30,3 %
<i>Екатеринодарский</i>	392612	100466	25,6 %
<i>Темрюкский</i>	565676	143821	25,4 %
<i>Майкопский</i>	458195	77628	16,9 %
Итого	4 489 855	1 352 661	30,1 %

Как видим, доля скота у иногородних в Баталпашинском отделе соответствовала средним показателям по Кубани, а сам отдел по-прежнему зани-

¹ Хуранов Ш.Ш. Развитие торгового тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в пореформенный период // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная культура). Черкесск, 1983. Вып. 2. С. 182-183, 187-188.

² Таблица составлена нами по данным: О состоянии области и войска за 1908 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска / Под ред. Д.М.Мартыненко // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 1. Приложение 15.

мал 1-е место в области по общей численности поголовья. (Его структура приведена в таблице 7)

Таблица 7 - Структура поголовья скота в Верхне-Кубанском регионе¹

	Всего	У иногородних		Доля иногородних
		С оседлостью	Без оседлости	
Лошадей	86 088	31 569	1 941	38,9 %
КРС				
рабочий	73190	6 069	625	9,1 %
гулевой	197 080	49 289	1 845	25,9 %
Овец простых	291 253	67 376	2 472	24,0 %
тонкорунных	226 288	95 385	17 827	50,0 %
Свиней	32 960	11 311	1 291	38,2 %
Коз	44 810	1 280	142	12,0 %

Нетрудно заметить, что иногородние (36% населения отдела), несмотря на объективные экономические сложности рубежа XIX-XX вв., по-прежнему имели в собственности *половину поголовья тонкорунного овцеводства* в рассматриваемом регионе. Для них эта сфера хозяйствования оставалась приоритетной. Хотя факты разведения тонкорунных («шпанских») овец отмечены и некоторых станицах региона (Кардоникской, Сторожевой и др.), эти сведения не должны вводить в заблуждение. Как отмечал современник, большинство их также принадлежало иногородним².

С другой стороны, с 1890 по 1908 г. мы видим резкий рост у иногороднего населения поголовья лошадей (с почти 15% до 39%), что, наш взгляд, следует связывать с неуклонным развитием земледелия в данной крестьянской среде.

¹ Таблица составлена нами по данным: О состоянии области и войска за 1908 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска / Под ред. Д.М.Мартыненко // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 1. Приложение 15.

² Македонов Л.В. В горах Кубанского края... 1908. С. 106.

Отметим, что кормовая база животноводства у поселений иногороднего крестьянства была разной. С одной стороны, в самостоятельных селах покосные площади вполне обеспечивали поголовье домашнего скота. Один из примеров приводит Н. Буш (1896 г.), описывая местное русское село: «по дну широкой долины Маруха растет роскошная травянистая растительность», поэтому эта долина «служит отличным покосом для русских крестьян с. Марухского»; автор отмечал, что сено здесь косили за лето дважды¹. В плоскостных хуторах положение с кормами было сложнее, ощущалась нехватка как покосных земель, так и выгонов и пастбищ.

В то же время часть иногородних сумела создать мощные скотоводческие хозяйства, став разводить не только тонкорунных овец, но и крупный рогатый скот. Большая роль в этой сфере принадлежала таким аграрным магнатам, как Николенко, Мазаевы, Карпушины, Пеховские и др.

Отметим, что все они происходили из Крыма и именовались «тавричанами». Так, крестьянин по происхождению Егор Карпушин смог создать крепкое, богатое хозяйство. В дальнейшем его семья переехала на Кавказ, где стала специализироваться на овцеводстве. Дело Егора Карпушина сумел продолжить его сын Яков, а позднее, внук Наум и правнуки (Никифор и Андрей). У клана Карпушиных, ставших купцами, имелись усадьбы в Пятигорске и Георгиевске, 47 тыс. голов овец, табуны лошадей, стада коров². Представители дворянского рода Пеховских, братья Яков и Лавр Адамовичи, имевшие обширные земельные угодья, создали две экономии между рр. Кубанью и Малым Зеленчуком; занимались не только коневодством, но и тонкорунным овцеводством, скотоводством³.

Определенный вклад внесли иногородние и в развитие пчеловодства в регионе Верхней Кубани. Кстати, к концу XIX в. по развитию пчеловодства

---

¹ Буш Н.А. Предварительный отчет о путешествии по Северо-Западному Кавказу в 1896 году с целью исследования ледников и флоры // ИИРГО. СПб., 1897. Т. XXXIII. С. 22.

² Старинная открытка и новые подробности от потомка Н. Карпушина <https://obrazok.livejournal.com/29663.html> (дата обращения: 02.03.2017).

³ Гангур Н.А., Гангур Д.И. «Старая» и «Новая» экономии дворян Пеховских на Кубани: историко-культурный экскурс // Культурная жизнь Юга России. Научный журнал. Краснодар, 2016. № 4(63). С. 33-40.

Баталпашинский отдел занимал первое место на Кубани, обладая наибольшим в области количеством ульев. В 1898 г. здесь было добыто 13,1 тыс. пудов меда, из которых на неказачье население пришлось около 42%¹. В конце первого десятилетия XX в. Баталпашинский отдел официально входил в число трех отделов Кубани, считавшихся «самыми лучшим местностями для пчеловодства». На 1909 г. здесь имелось 948 пасек, самое большое число ульев на Кубани (свыше 82 тыс.); в том году здесь была добыта наибольшая среди отделов масса меда (около 29,6 тыс. п.) на сумму свыше 134,1 тыс. руб. (3-е место в области)².

В предгорной зоне (с учетом тучных пастбищ соседнего нагорья), как отмечалось, имелись благоприятные условия для занятия скотоводством. Однако для иногородних поселений этой зоны скотоводческая отрасль оставалась непривлекательной, и причиной тому было два обстоятельства. С одной стороны, предгорья и нагорье отличались своей суровостью в зимних условиях, которые, как отмечалось, зачастую прерывали пути сообщения, не позволяя при продолжительной зиме подвозить спасительные корма.

Другой причиной являлась слабость региональной ветеринарии. Хотя первые ветеринарные пункты царская администрация стала создавать на Кубани в 1860-е гг., они были малочисленны и маломощны, поэтому объективно не могли ни качественно улучшить в положение в отрасли, ни, тем более, оградить регион от заносимых с Южного Кавказа эпизоотий. Лишь в 1890-е гг. власти создали по восточным³ и южным границам Кубанской области охранно-карантинную ветеринарную линию⁴. Она была в территориальном плане разбита на ветучастки, к которым причислялись соответствующие населенные пункты. Села и волости иногородних региона Верхней Кубани относились: к 24-му ветучастку с конторой в ст. Кардоникской (п. Хуса-

---

¹ Извлечение из отчета ... за 1898 год. С. 360-770.

² Обзор Кубанской области... С. 105.

³ Новицкий В. Ф. В горах Кавказа. Три поездки в окрестностях Эльбруса летом 1896 г. и восхождение на эту гору // ИИРГО. СПб., 1903. Том XXXIX. Вып. 2. С. 93-94.

⁴ Ваганов С.В. Значение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем, в связи с условиями животноводства в нагорной полосе // ИОЛИКО. Екатеринодар, 1899. Вып. 1. С. 13-51.

Кардоник, в. Панетелеймоновская, Марухо-Эстонская, Хасаут-Греческая) и 25-му ветучастку с конторой в Баталпашинской (села Георгиевско-Осетинское и Кольцовское, п. Джегонасско-Еврейский, в. Ермоловская, в. Марухская /с 1915 г. – Ивано-Сусанинская/)¹. Но специалистов не хватало на протяжении практически всего рассматриваемого периода. К концу первого десятилетия XX в. в Баталпашинском отделе действовало менее десятка ветврачей, включая пятерых – в системе министерства внутренних дел, двух – участковых; один числился как ветврач отдела, ещё один – как вольнопрактикующий. Чуть больше было специалистов среднего звена: из тринадцати ветфельдшеров четверо были станичными, двое – участковыми². Как отмечал современник, в зоне нагорных станиц Верхней Кубани «еще встречались кое-где ветеринарные фельдшера, но и то только для наблюдения за строевыми лошадьми»³.

В отделе не было ни одного учебного заведения для профессиональной подготовки ветеринаров и других специалистов отрасли, а доступ в профессиональные училища на территории других отделов, областей и губерний был ограничен. Следует отметить, что как само скотоводство, так и его инфраструктура пребывали весь рассматриваемый период в отсталом состоянии.

К концу XIX в., согласно данным материалов всероссийской переписи 1897 г., на территории Баталпашинского отдела имелось 36,9 тыс. хозяйств (в самой Баталпашинской – 2,15 тыс.), в подавляющей массе (около 97%) – частно-семейных⁴. Но если по отделу в целом преобладали земледельческие хозяйства, то по региону Верхней Кубани большинство было связано со скотоводством.

В исследуемый период здесь наблюдается развитие *земледелия*, что было связано с включением региона в состав России. Целинные земли в рав-

---

¹ Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 434-561.

² Кубанский календарь на 1908 год. Екатеринодар, 1908. С. 121.

³ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 105.

⁴ Первая Всеобщая перепись... С. 1-9, 138-139.

нинной части современной Карачаево-Черкесии до славянской колонизации практически не использовались в земледелии. Их активное освоение началось в последней четверти XIX в. При этом освоение этих целинных земель могло производиться только путем глубокой вспашки тяжелым плугом. Такой плуг, как правило, фабричного производства, должны были тянуть несколько пар быков. Оптимальным вариантом считалось 6-8 пар. Понятно, что наличие такого количества тягловых животных в одном крестьянском хозяйстве было роскошью, что мало кто мог себе позволить. Кроме того, довольно дорого стоил и хороший железный плуг, например, такой, как «букарь». (Производства немецкой фирмы «Буккер»)¹. Дорогостоящей была и другая сельскохозяйственная техника. Например, в описываемое время жнейка стоила 160 руб., сноповязалка – 335 руб., сенокосилка – 125 руб., конные грабли – 55 руб.². Только единицы наиболее зажиточных семей могли себе позволить приобретение такой техники и содержание такого количества тяглого скота.

В этой связи в складывавшихся условиях крестьяне начали прибегать к приемам кооперации для совместной обработки земли. Например, создавались так называемые *супряги*, то есть сезонные артели для вспашки земельных участков. По распространенной практике к владельцу тяжелого плуга приводили тягловых быков, хозяева которых дополнительно рассчитывались с «плуговщиком» отработочной рентой³. Супряги (товарищества) также организовывались с целью совместного приобретения и использования сельскохозяйственной техники⁴.

Одновременно те из крестьян, кто мог себе самостоятельно позволить покупку того или иного вида техники, получали возможность сдавать её в аренду. Из таких владельцев в регионе даже сложился особый тип предпри-

---

¹ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне... С. 24, 32.

² Щербина Ф.А. Общий очерк экономических торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. СПб., 1893. Т. 2. С. 30.

³ Невская В.П. Пореформенный период... С. 443.

⁴ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне... С. 24.

нимателя, с которым за произведенные работы рассчитывались деньгами или частью полученного урожая¹.

Обратимся к содержанию *полеводства* того времени. В 1870-е гг. в Баталпашинском отделе в крестьянской среде продолжали сеять как зерновые культуры (ячмень, рожь, пшеница, просо, овес, гречиха, кукуруза), так и картофель. При этом последний приобретал все большую популярность не только у иногородних, но и у всех народов региона². В то же время в начале XX в. огородничество в регионе Верхней Кубани не было особо развитым и не играло существенной роли в хозяйственной жизни. При этом данные за 1909 г. дают нам интересную картину: в Баталпашинском отделе под огородные культуры в масштабах Кубанской области выделялось больше всего земли (15 тыс. дес.), но одновременно отдел находился на предпоследнем месте по их урожайности (сам 3,6)³.

Относительно *табаководства* ещё в дореволюционных публикациях сообщалось, что у истоков этой аграрной отрасли в регионе в 1860-х гг. стояли «турецко-подданные греки»⁴. Отметим, что это утверждение справедливо только отчасти. Имеются свидетельства того, что еще в XVIII в. табак возделывали горские народы – абазины, карачаевцы, ногайцы, черкесы. В частности, отмечалось, что они «в удивительно большом количестве» (более 200 тыс. шт. ежегодно) покупали курительные трубки, привозившиеся из Турции⁵. Как отмечал в 1830-е гг. И.Ф. Бларамберг, карачаевцы «выращивают табак», который «у них разных сортов и очень ценится», причем «они продают его ногайцам, сванам и кабардинцам»⁶. Данные сведения позволяют утверждать, что культура возделывания табака появилась в регионе достаточно давно. Другое дело, что именно греки после окончания Кавказской войны смогли придать этой отрасли товарный вид и дать новый импульс для

¹ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне... С. 196.

² ПККО на 1878 год. Отд. 2. С. 50-53.

³ Обзор Кубанской области... С. 99, 100.

⁴ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 28.

⁵ Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 107.

⁶ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 311.

ее развития. Для многих греческих семей выращивание табака стало главным способом зарабатывания на жизнь. Они его выращивали в горах, после чего продавали «особым скупщикам»¹. От табаководства можно было получать хороший доход и за счет вырученных средств приобретать на рынке все необходимое для дома и хозяйства. Именно этим обстоятельством объясняется ограниченный характер скотоводства и зерноводства в греческих селениях. Семьям достаточно было иметь несколько дойных коров в домашнем хозяйстве и заниматься огородными культурами. В итоге, хлебопашество имело ограниченный характер². По данным на 1898 г. в Баталпашинском отделе насчитывалась 21 табачная плантация, при этом все они принадлежали иногородним³. Поэтому справедливо было бы полагать, что именно они играли ведущую роль в данной отрасли полеводства. Хотя темпы роста табаководства были незначительны. В 1909 г. в отделе имелось лишь 27 плантаций (для сравнения: в Майкопском отделе – 794), давших 3242 пудов табаку⁴.

Получило в регионе развитие *садоводство*. Российский закон от 21.04.1869 г. предоставлял иногородним с оседлостью право на разведение и покупку плодовых садов и лесных рощ на территории пользующихся угодий, находящихся в войсковой собственности (ст. 9-я)⁵. Однако в среде иногородних Кубанской области садоводство развивалось слабо. Причину этого А.И. Шершенко (1906 г.) видел в своеобразии арендных отношений, установившихся в регионе. В частности, он справедливо указывал на долговременную окупаемость затрат, потраченных на разведение садов (15-20 лет), в то время как срок договоров аренды редко когда превышал 12-летний срок. Дело было в том, что, с одной стороны, быстро росли арендные тарифы (например, за первое пятилетие XX в. они выросли в 2 раза). В этих условиях владельцы земельных участков предпочитали сдавать их на короткие сроки (3-4

---

¹ Короленко П. П. Турецкие эмигранты в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1905. Т. 11. С. 38.

² Юракова О.В. Немецкие и греческие поселенцы... С. 20.

³ Извлечение из отчета... за 1898 год. С. 363.

⁴ Обзор Кубанской области... С. 101.

⁵ О поземельном устройстве станиц и войсковых запасных землях // КСК на 1891 год. Отд. II. С. 271-276.

года). А с другой стороны, сами арендаторы, «не будучи уверены в спокойном пользовании арендуемой землей» стремились не связывать себя долгосрочными обязательствами¹. Тем не менее, к концу первого десятилетия XX в. Баталпашинский отдел занял 3-е место в Кубанской области по урожаю фруктов (почти 86 тыс. пудов) и 1-е – исходя из объемов их сбыта (54,7 тыс. пудов) и полученных от их реализации денежных средств (48 тыс. руб.)². Также следует отметить, что из двух известных нам садовых питомников, находившихся в имперский период на территории Верхней Кубани – общественный (при Сентинском женском монастыре) и частный (промышленника Утякова) – оба принадлежали иногородней категории населения³.

В Баталпашинском отделе также занимались *виноградарством*. В 1898 г. урожай составил немногим более 14 тыс. пудов. Из них только 1,45 тыс. пудов собрали на войсковой территории. Таким образом, отраслью занимались *в основном иногородние*. Правда, существенным минусом в этой отрасли хозяйства было то, что выращивали преимущественно не очень качественные, нетоварные столовые сорта винограда, «не находящего себе сбыта на рынках и потребляемого самим населением»⁴. Тем не менее, впечатляет разнообразие выращиваемых в Баталпашинском отделе сортов винограда. В начале XX в. среди них упоминаются гутедель, бордо, мускат, галанка, дишкварс, лафит, пухляковский, сальфан, рислинг, шалфит, траминер и др.⁵ Причем выращивался виноград не только в северной, равнинной части отдела, но и в предгорной зоне, например в станице Усть-Джегутинской⁶. В последующие годы в Баталпашинском отделе, и так занимавшем в области последнее место по отрасли, сокращались как площади виноградников (в 1909 г. – 92 дес.), так и их урожай (5,13 тыс. пудов)⁷.

---

¹ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 57-58.

² Обзор Кубанской области... С. 99, 100.

³ Невская В.П. Пореформенный период // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 444.

⁴ Извлечение из отчета... за 1898 год. С. 365-366.

⁵ Поночовный М.О. Виноградарство в Кубанской области // КОВ. Екатеринодар, 9 января 1902. № 7. С. 3.

⁶ Поночовный М.О. Виноградарство в Кубанской области // КОВ. Екатеринодар, 10 января 1902. № 8. С. 2.

⁷ Обзор Кубанской области... С. 99, 100.

Местные исследователи начала XX в. характеризовали способы землепользования на Кубани как «хищнические», когда «от земли берётся всё, что можно, ничего не возвращая». Указывалось на отсутствие агрономической помощи населению. Постоянные и краткосрочные переделы земли наносили ущерб, приводя к истощению земли непрерывными посевами. Получалось так, что перед очередным переделом никто из пользователей не вносил в землю ни пуда навоза. Становилось очевидным, что вместо изжившего себя паевого (отрубного) землепользования следовало внедрять землепользование клиновое (чересполосное) с принудительным севооборотом. Такую возможность тогда имели только зажиточные хозяева с большими площадями, позволяющими оставлять часть земли под выгон, другую – под сенокос, третью – под пары. Отмечалось, что это внедряется в крестьянских товариществах, а также в хозяйствах частных владельцев, у которых земледелие и скотоводство было «развито не меньше, чем у пользователей казачьих угодий»¹.

По мнению некоторых исследователей, «деструктивное влияние Первой мировой войны» не привело к резкому кризису, и аграрный сектор Кубани не был «деорганизован». При этом крестьянское хозяйство «показало свою способность к саморегуляции» и обрело «внутренние резервы», сохранив, в основном, посевные площади, развивая животноводство и кооперацию². Но, на наш взгляд, трудно говорить о развитии того же скотоводства в условиях, когда обозначился резкий крен в численности поголовья скота, которая, например, в Баталпашинском отделе с предвоенного 1913 г. (1,075 млн. голов) сократилась в 1916-м почти на четверть (815,9 тыс.)³. Как представляется, в таких условиях правильнее было бы говорить даже не о стагнации, а об очевидных признаках кризиса в животноводческой отрасли. При

---

¹ Бобырь-Бухановский Л.М. Условия развития и внутренний строй сельского хозяйства на Кубани. Доклад, прочитанный на общем собрании членов ОЛИКО 6 июня 1913 г. // ИОЛИКО. Екатеринодар, 1913. Вып. 6. С. 218-219, 222-227.

² Кругов А.И. Крестьянское хозяйство России в конце XIX - первой четверти XX века (на материалах Ставрополя, Кубани, Дона). Ставрополь, 2008. С. 194.

³ Тройно Ф.П. Земельная аренда у горских народов Северного Кавказа в годы первой мировой войны // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX - начале XX вв. (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980. С. 31.

этом кризисные явления проявились и в земледелии: закрытие морских коммуникаций, по которым с Северного Кавказа на Запад экспортировался хлеб (в первую очередь, кубанский и ставропольский), ударило по зерновым хозяйствам, вызвав разорение значительной части их, а также рост безработицы, люмпенизации трудовых ресурсов.

Домашние промыслы, как правило, основанные на примитивной (кустарной) технико-технологической базе, ограничивались простым воспроизводством дохода, достаточным для прокормления семьи. Этим промыслы, собственно, и отличаются от промышленности, которая имеет индустриальное начало (машины и механизмы) и направленность на неуклонное увеличение прибыли, то есть на расширенное товарное воспроизводство.

Также следует отметить, что население рассматриваемого нами региона, включая иногородних жителей, с позапрошлого века активно осваивало *лесные ресурсы*, с которыми было связано множество профессий. Как отмечал М.И. Борчевский (1910 г.), к его времени «в горных станицах Закубанья» уже около трех десятилетий существовала прослойка мастеров *деревообрабатывающих* промыслов – «тростойбойщиков, бондарей, накольщиков, колесников, драньщиков, пильщиков»¹. При этом, среди этих мастеров казаков почти не было. Еще до революции исследователями отмечалось, что на Кубани профессиональные ремесла «прививались к казачьему населению чрезвычайно туго»², что, на наш взгляд, было связано с военно-служилым характером этого сословия. По словам современников, в нагорной полосе области «все плотники, столяры, колесники, тележники – почти исключительно иногородние», а «на долю казаков остается тяжелая и невыгодная работа по вывозу необделанных лесных материалов». У жителей верхнекубанских станиц нагорной полосы в лесном промысле было занято в среднем около 23%, причем здесь в него были вовлечены и иногородние, в руках которых находилось

---

¹ Борчевский М.И. К вопросу об улучшении быта горных станиц Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 179-207.

² Там же.

«все производство более или менее, ценных изделий из леса». Характерной чертой казачьего населения этих станиц, как отмечал Л.В. Македонов, было стремление «заниматься таким промыслом, который не требует никаких знаний и специальной подготовки». Поэтому оказалось, что в общей массе батраков, чернорабочих и поденщиков этих станиц большинство составляли казаки, а не иногородние (в регионе Верхней Кубани – 48% против 34%). По словам исследователя, батраческий труд оплачивался «смотря по возрасту» от 70 до 120 руб. в год, «на хозяйских харчах»; наибольшая оплата была у батраков, трудившихся на лесозаготовках; работа поденщиков хорошо оплачивалась лишь в сезон (полевые работы, сенокос)¹.

Основная часть продукции деревообработки, производившихся коренным населением верхнекубанских станиц, была представлена, в общем-то, примитивными изделиями, которые уже в 1890-е гг. ежегодно сотнями возов доставляли на рынок Баталпашинской². Позднее часть станичников занялась промышленным освоением лесных ресурсов. В период Первой мировой войны в станицах Верхней Кубани действовали лесопилки на водной тяге, принадлежавшие местным лесопромышленникам-казакам³; в административном центре отдела имелись лесопильные заводы, хозяевами которых были как иногородние, так и казаки⁴.

В 1880-90-е гг. иногородними активно осваиваются лесные массивы отдаленных районов – верховьев Большого Зеленчука⁵ и Большой Лабы, где были созданы круглогодичные хутора лесорубов⁶.

Большинство специалистов деревообработки было сконцентрировано в административном центре рассматриваемого региона – Баталпашинской.

---

¹ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 115, 125, 126.

² Малама. Записка по ревизии станиц и селений Кубанской области – Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов за время 3-29 августа 1893 года // КСК на 1894 год. Екатеринодар, 1894. С. 74-75, 77.

³ Лысенко А.М. Экскурсия в урочище «Старое жилище», будущий мировой курорт // Долина Зеленчука («Старое жилище» на Кубани). Новая горно-климатическая станция и дачная местность на Кавказе. Петроград, 1917. С. 41-43.

⁴ КК на 1914 год. Екатеринодар, 1914. С. 442-443.

⁵ Динник Н. Я. Верховья Большого Зеленчука... С. 17-18.

⁶ Динник Н. Я. Верховья Большой Лабы... С. 1-2, 13.

Здесь к концу 1880-х гг. работало не более сотни таких специалистов, среди которых 52 плотника, зарабатывавшие в год 100-200 руб., 14 столяров (100-400 руб.), 16 пильщиков досок (200-250 руб.), 6 бондарей (до 300 руб.), 8 тележников (200-250 руб.), 1 мастер, делавший прялки и веретена (75-100 руб.)¹. В начале 1900-х гг. средняя выручка работников деревообрабатывающих промыслов Баталпашинского отдела составляла: у бондарей и колесников – около 175, тележников – 212 руб., плотников и столяров – около 140 руб.²

По итогам личного объезда ряда населенных пунктов региона Верхней Кубани, исследователь Л. Македонов (1908 г.) отмечал занятия иногородних в казачьей среде. Он писал, что Зеленчукская от остальных станиц отличается «хорошими постройками, которые, однако, в большинстве, принадлежат иногородним». (То есть, последние привносили архитектурно-строительные инновации). Тот же автор фиксирует в станице сыроварню, мыловаренный завод и лесопильню, отметив, что «все эти промышленные заведения принадлежат иногородним». Относительно станицы Сторожевой говорится, что «с давнего времени здесь поселилось много иногородних», которые «забрали большую силу». В окрестных «горах ломают камень греки, а казаки и русские иногородние занимаются посевами, скотоводством и лесным промыслом». По словам автора, в станице Преградной (где среди первых поселенцев были не только линейные казаки, но и отставные солдаты, крестьяне из Черниговской губернии) иногородние заняты преимущественно скотоводством. В юрте станицы Красногорской «известь, алебастр и огнеупорная глина» сдавались в аренду предпринимателям, очевидно, иногородним. Отмечено, что близ границ этого юрта, «на войсковой земле» находятся заброшенные копи, где каменный уголь некогда добывался «предприимчивым французом» – графом Монжене, который «провел дорогу по склону горы для вывозки угля». Касаясь русских сел Пантелеймоновского и Ермоловского, Македонов

---

¹ Измайлов А. Баталпашинск // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 186-187.

² Расчет наш по следующим данным: Извлечение из отчета... С. 142-143.

замечает, что их жители «живут очень плохо, так как не могут приспособиться к местным условиям хозяйства»¹.

Таким образом, в верхнекубанских станицах основные занятия иногородних были связаны с промыслами. В количественном отношении данный вывод иллюстрируется данными того же автора, которые мы свели в более удобную для восприятия таблицу:

Таблица 8 – Численность иногородних, занятых промыслами и арендующих землю²

станции	иногородних	занятых промыслами		арендаторов земли	арендуемой земли (дес.)
		всего	в т.ч. отхожими		
Зеленчукская	1066	401	91	134	339,5
Красногорская	320	98	7	47	98,5
Преградная	211	49	4	7	56,5
Кардоникская	791	317	114	62	173,2
Сторожевая	781	271	80	58	115,0
всего	3169	1136	296	308	782,7

Как видим, почти 36% иногородних жителей станиц южного района Верхней Кубани было занято в сфере промыслов, в основной массе – местных. Причем, эти цифры рассчитаны относительно ко всем иногородним, включая младенцев и глубоких стариков. Очевидно, что применительно к работоспособной части населения данные показатели намного возрастут, превысив половину трудовых ресурсов. Аренду земель в данном районе вел каждый десятый иногородний из казачьих станиц, причем нетрудно заметить, что общая площадь арендуемых земель была незначительной. Поэтому говорить о развитости земледелия у местного иногороднего населения не приходится.

¹ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 97-99, 101.

² Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 210-211, 212-213, 230-231.

Следует также отметить, что в основном иногородними – владельцами, специалистами, рабочими – до революции на территории современной КЧР создавалась *промышленность*. Её зарождение изначально было связано с *горными ресурсами* региона (каменный уголь, полиметаллические руды, известняк и др.). Они осваивались местным населением издревле, но в сравнительно ограниченных масштабах. На промышленную основу их добыча перешла лишь во второй половине XIX в., благодаря вовлечению региона в общероссийский рынок.

Еще в годы Кавказской войны русскими предпринимателями активно разрабатывались *недра* региона. Как сообщала дореволюционная областная пресса, за 1849-61 гг. на каменноугольных коях у р. Хумары «частная компания добыла до одного миллиона пудов. Горный инженер Пиленко, взявший у казны в сентябре 1866 г. на десятилетнюю аренду угольные копи урочища Каракент, получил также от казны 100 десятин покосной земли, 400 десятин пастбищ и леса «на р. Большая Тоана» (Шоана – С.К.), предназначенных, видимо, для жизнеобеспечения шахтерского поселка. Казна покупала уголь у него по цене 27 коп. за каждый пуд, доставленный в гг. Ставрополь, Пятигорск и Георгиевск (для отопления казенных зданий), при условии поставки не менее 175 тыс. пудов ежегодно. В условиях дороговизны дров на Ставрополье (до 20 руб. за куб. саж.) такая поставка была выгодной: 50 пудов верхнекубанского угля, который давал «кокс спекающийся и пламя яркое», заменяло 1 куб. саж. дров¹. (Для справки: фунт первосортной говядины на Кубани тогда стоил 5½ коп.²).

Иногородние предпринимателя, в том числе гильдейские купцы из соседних регионов были разработчиками местных каменноугольных копей – *Хумаринской* (пятигорский купец 1-й гильдии Крутицкий – в 1849-60; ставропольский купец 2-й гильдии Утяков – с конца 1870-х гг., Назаров – в 1910-х гг.), *Каракентской* (Пиленко, 1866-76; затем – Утяков), *Макарьевской*

---

¹ О Кубанском каменном угле // КВВ. Екатеринодар, 15 июля 1867. № 27. С. 3.

² КВВ. Екатеринодар, 30 января 1868. № 13. С. 4.

(Утяков, с 1870-х г.), *Георгиевской* (Кулаев). Иногородними были открыты горнодобывающие предприятия региона (рудник «Эльборус», товарищество «Карачай», «Хасаутское Алебастровое Товарищество»), а также первые сыроваренные заводы (москвичи Бландов, Губарев), скипидарно-дегтярные предприятия (горный инженер А.Д. Кондратьев, барон Е.К. Фитингоф, А. Утяков, Перселенков, Бедросов, Д.Т. Калганов и др.). Залежами глауберовой соли Баталпашинских соляных озер занимались последовательно упомянутый Фитингоф (1879), французский граф Монжене (1879-84), французское акционерное «Общество для разработки каменной соли и натуральной соды в Южной России» (1884-91), а после перерыва, когда добычи не было, в 1904-1918 гг. разработку осуществляли промышленники из Ставропольской губернии, гильдейские купцы братья Малышевы, в субаренде которых здесь находилось товарищество «Кубань»¹. (Известно, что братья Малышевы (Глеб, Иван, Василий и Петр) имели стекольные заводы на Юге России – у станции Минеральные Воды, в Дербенте, Боржоми, Астрахани²). С целью освоения минеральных вод (бутылочный розлив) у станицы Красногорской армавирские промышленники Арутюнов, Авакьянц и др. в 1911 г. арендовали у общества этой станицы несколько десятин земли на правом берегу р. Кубани, одновременно намереваясь создать там же со временем и курортную структуру³.

Уже в последней четверти XIX в. в Баталпашинском уезде функционировали сотни предприятий разных профилей. Так, в 1876 г. здесь имелось одно крупное производство – винокуренный завод (83 работников), остальные – мелкие, включая 45 кожевенных (67 чел.), 338 мукомольных (мельниц) (360 чел.). Общий объем их продукции составлял 286,5 тыс. руб., то есть 10% от

---

¹ Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горного отделения Кубанского Областного Правления за 1912 год / Сост. Е.М. Юшкин и Д.Р. Бакланов. Екатеринодар, 1912. С. 119; Юшкин Е. Баталпашинские горькосолёные озера // Горные богатства Кубанской области. Екатеринодар, 1912. Вып. II. С. 67-77; СЭПКРНКЧ. С. 112-115; 137-238; 154-159; Польская Е. Теберде – 95 лет // Ленинское знамя. Черкесск, 9 августа 1968; Тебуев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. - 1917 г.). Черкесск, 1975. С. 26-50, 84, 147; Богатства Кавказа // Курортный прогресс. Кисловодск, 7 августа 1909. № 2,3,4; Лысенко А.М. Экскурсия... С. 41-43.

² История Минеральных Вод <https://www.bankgorodov.ru/place/mineralnie-vodi> (дата обращения: 27.12.2018).

³ Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горного отделения Кубанского Областного Правления за 1912 год. Екатеринодар, 1912. С. 43, 65; Горные богатства Кубанской области. Екатеринодар, 1912. Вып. II. С. 44-50.

общего объема производства предприятий всей Кубанской области¹. По данным на 1880 г. известно, что иногородним принадлежал один из кирпичных заводов станицы Баталпашинской (владелец – священник армяно-григорианской церкви) и кожевенный завод в станице Исправной (владелец купец 2-й гильдии из Майкопа)².

К 1890 г. в Баталпашинском отделе действовало 650 мелких предприятий, из которых более 39,5% составляли молотилки (в большинстве – конные) и 39% – мельницы (в основном, водяные, по числу которых Баталпашинский отдел занимал первое место в области). Функционировали также 45 маслобойных цехов, 33 – бондарных, по 8 – кирпичных, кожевенных и овчинных и т.д.³ Из 135 хозяйств Баталпашинского, остающихся за вычетом мельниц и молотилок, почти половина находилась в населенных пунктах на территории современной КЧР. Из них в Баталпашинской находилось 31 предприятие (10 овчинных, 10 бондарных, 4 кожевенных, 2 маслобойных, 2 гончарных, 3 кирпичных), а в других населенных пунктах – еще 36 промышленных структур⁴.

Численность таких производств в отделе вскоре, по статистике, уменьшилась, что было, видимо, связано с передачей в 1891 г. восьми русских населенных пунктов из Баталпашинского отдела в соседние отделы (Лабинский и Майкопский)⁵, что и повлекло за собой уменьшение количественных показателей.

По состоянию на 1908 г. из 520-ти промышленных хозяйств, имевшихся на территории Баталпашинского отдела, 51% составляли мельницы, еще 24% – другие структуры *обработки и переработки сельскохозяйственной продукции* (сыроваренные, маслобойные, кожевенные, овчинные, шерстобитные, шерстомойные и др.). Всеми ими было произведено продукции на сумму 1563 тыс. руб., что составляло почти 90% от общего объема промыш-

¹ ПККО на 1878 год. Отд. 2. С. 39, 40.

² ГА КЧР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2. Л. 4об, 5.

³ КСК на 1891 год. С. 146.

⁴ КСК на 1891 год. С. 174-81.

⁵ КСК на 1891 год. С. XV-XVII.

ленного производства Баталпашинского отдела (1742 тыс. руб.). В этих предприятиях – мелких, промысловых в своей основной массе – работало 1060 чел. иногородних, что составляло свыше 70% от общей численности рабочего класса отдела. На шерстопрядильной фабрике Мамонтова в селенье Нижне-Мансуровском, производившем продукцию на 796,7 тыс. руб. (47,7% промышленного производства отдела), трудилось в 1908 г. 249 рабочих. Следующее место занимали предприятия, связанные с *производством стройматериалов* (кирпично-черепичные, известковые, лесопильные), производившие 2,7% промышленной продукции отдела¹.

Региональная администрация пыталась приобщить население к овладению профессиональным мастерством в промышленных отраслях. Уездный начальник Кузовлев (1870-80-е гг.) ходатайствовал перед начальством «об устройстве в Карачае школы молочного хозяйства», однако положительного отклика не получил². В июле 1880 г. в Баталпашинске было открыто ремесленное отделение 4-классного городского училища, содержавшееся за счет казачества и казны. На 1887 г. столярному делу здесь обучалось около трех десятков детей, в основном русских. Уже после падения монархии, в июле 1917 г. это отделение было преобразовано в ремесленную школу с шестью отделениями, которая фактически стала функционировать лишь в начале 1919 г.³ Других учреждений профессионального технического образования на территории Верхней Кубани до советской эпохи не было.

Отраслевая специализация являлась объективным условием товарообмена между разными территориями региона, зарождения и развития рыночных отношений, в том числе в сферах *торговли и услуг*. Расширились внутрирегиональные торговые связи между населением горной зоны, где дефицит хлебных злаков был перманентным, и земледельческими хозяйствами плос-

---

¹ О состоянии области... Ведомость 16; Тебуев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии... С. 146.

² Люсин. Из Баталпашинского отдела... С. 132-137.

³ Аравин О.Ф. Техническое образование досоветской Кубани: исторический аспект. URL: <http://www.slavakubani.ru/education/cossack-history-education/detail.php?ID=3284&page=2> (Дата обращения: 23.02.2018).

кости (оттуда, например, в Карачай ввозилось $7/8$ всего потреблявшегося хлеба¹, который выменивался на скот, продукцию скотоводства).

В начале прошлого века исследователями отмечалось, что основа (более 90%) торговли в Кубанской области «находится в руках иногородних». Данный факт А.И. Шершенко объяснял тем, что «пренебрежение к труду торговца и ремесленника служит характерной чертой военных сословий всех времен и стран», в данном случае – казаков, которые «не имеют особой склонности к торговой деятельности». В расчете на душу населения, кубанские иногородние опережали казаков в количестве гостиниц, постоялых дворов, трактиров, складов, торговых точек (магазинов и лавок).²

В начале XX в., как и ранее, основная масса предпринимательских (торгово-промышленных) единиц региона была сосредоточена в станице Баталпашинской. На предреволюционный 1916 г. годовой оборот их составил 1271,3 тыс. руб., причем основная часть (около 63%) приходилась на *торговлю*, остальная – в основном, на *производственные* (25,4%) и *складские* (11%) структуры. К сфере торговли относилось большинство (65%) указанных единиц, где трудились 122 из 269, или 45% учтенных в Баталпашинской работников. Более половины торгового оборота (797,1 тыс. руб.) приходилось на торговлю мануфактурой (209 тыс. руб.) и смешанным товаром (204,1 тыс. руб.), а далее шли торговля мелочная (94 тыс. руб.), мукой (70 тыс. руб.), готовой одеждой (61 тыс. руб.), кожевенно-обувными товарами (58 тыс. руб.), аптечная торговля (48 тыс. руб.) и пр. Торговля земледельческими машинами и орудиями труда занимала сравнительно скромное место (25 тыс. руб. годового оборота). Большинство лиц, занятых в мелочной торговле имело выручку менее 1 тыс. руб. в год. В производственных единицах наибольший оборот имелся у кожевенного завода Морозова (151 тыс. руб.), соледобывающем заводе братьев Малышевых (30), типографии Кочки (25), пяти вальцевых му-

---

¹ Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. Дореформенный период. Черкесск, 1960. С. 47.

² Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 30, 40-41.

комольных мельницах (по 10 тыс. руб. на каждую). Добавим, что на кирпичных и лесопильных мини-заводах трудилось 2-4 человека. Следует отметить, что свыше 70% торгово-промышленного оборота (901 тыс. руб.) приходилось на структуры 25-ти лиц, из которых двенадцать имели выручку 20-25 тыс. руб. (А.И. Малюков, С.А. Ткаченко, И.И. Рядченко, П.М. Рябых, Е.А. Могильная, С.К. Джамалов, Е.К. Чентемирова, А.Я. Костина, Д.Ф. Болотин, В.А. Богачев, Ф.Л. Притуль, Ф.А. Калаушин), шестеро – 30-35 тыс. руб. (В.Е. Ильин, Я.М. Тер-Саркисов, Л.Я. Кочка, А.А. Потebня, Г.В. Малышев, А.П. Замятина), четверо – 40-45 тыс. руб. (Н.А. Бабич, И.Т. Чуйкин, Г.А. Морозов и Е. Башкатов). Самые крупные обороты тогда были у К.В. Хавшановой (70 тыс. руб.), А.И. Быстровой (90 тыс. руб.) и Г.А. Морозова (151 тыс. руб.)¹. В 1914 г. 100-тысячный оборот фиксируется у торговца И.И. Рядченко, 30-тысячный – у поташного завода братьев Воробевых и т.д.²

Основная масса торговцев и производителей были русскими иногородними. Благодаря им были открыта сеть магазинов по продаже галантерейных, кожевенных, технических и иных промышленных товаров, а также продукции сельского хозяйства (лес, зерно, фрукты и др.). Впервые в регионе возникла сеть социально значимых магазинов – аптечных (в данном направлении в ст. Баталпашинской в 1910-е гг. преуспели Александр и Раиса Потebня, у которых оборот достиг 42 тыс. руб.)³.

В сфере рыночной торговли региона в начале 1910-х гг. действовали такие структуры, как базары и ярмарки (в том числе в Баталпашинской, Зеленчукской, Кардоникской)⁴; все товарные биржи находились вне пределов Баталпашинского отдела (Екатеринодарская, Армавирская, Ейская)⁵.

В предпринимательской сфере региона Верхней Кубани в начале XX в. большую роль сыграли также «иногородческие» переселенцы-иногородние из

---

¹ КК на 1916 год. С. 402-404.

² КК на 19014 год. С. 441 (опечатка «Гадченко» вместо «Радченко»), 442.

³ КК на 1914 год. С. 442; КК на 1916 год. С. 403.

⁴ ГАКК. Ф. 460. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

⁵ Батаева Е.М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России: 1861-1914 гг. Автореф. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 21.

других районов Кавказа. Так, мануфактуру и смешанный товар реализовывали в станицах и аулах *горские евреи* из п. Еврейско-Джегонасского – П.А. и Я.А. Бениаминовы, М.П. Богатырев (Баталпашинская), Д.И. Кишеев (Кардоникская), А.М. Пинхасов (Усть-Джегутинская), Х.А. Пинхасов (Тебердинский), Д.С. Мардахаев (Учкулан)¹.

В торговой сфере Верхней Кубани была широко представлена и *армянская* община (Айвазовы, Бедросовы, Галаджевы, Хавшановы, Чахмаховы, А.Х. Оганов, А.О. Марзоян, С.К. Джамалов, А. Варшанов, О.И. Маркозьян, О.Г. Шалиян, Я.М. Тер-Саркисов, Тер-Меликсетьянц, М.Н. Каспаров, товарищество братьев Агзибегуян и др.). В 1916 г. на неё приходилось 20% всего торгового оборота регионального центра – станицы Баталпашинской². Отметим, что армяне вели хозяйственную деятельность не только в центре отдела, но и в нагорных станицах и аулах. Например, Бедросовы торговали мануфактурой – в Зеленчукской (Нерсес Захарович), Кардоникской (Абрам Захарович), Сторожевой (Иван Владимирович), лесом – в а. Джегутинском (Нерсес Захарович), имели мельницу в Зеленчукской (Е.В. Бедросова)³.

Бакалеей и мануфактурой торговали в регионе также переселенцы *из Грузии*, в том числе в станицах Зеленчукской и Исправной (И.М. Лобжанидзе), Усть-Джегутинской (И.Г. и З.С. Рехвиашвили, И. Гавашеашвили), аулах Учкулан (Н. и М. Рехвиашвили, И. и Г. Лобжанидзе, А.М. Лобжанидзе и К^о; братья Н.Д. и И.Д. Лобжанидзе), Хурзук (братья Рехвиашвили, И. и З. Чегелишвили), Карт-Джурт (Рехвиашвили, Чегелишвили), Тебердинский (Ш. и

---

¹ Батаева Е.М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани... С. 21; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1908 год / Книга администрации, промышленности и торговли / Под ред. Д.С.Найфельда. Ростов-на-Дону, 1901. С. 171-244.

² КК на 1916 год. С. 402-404; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год... С. 89-151; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год. Книга администрации, промышленности и торговли / Указатель торговых предприятий, фабрик и заводов. Кубанская область / Под ред.Н.С. Каллига. Ростов-на-Дону, 1912. С. 8-70.

³ Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год... С. 122, 125-126; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 64.

Г.Г. Рехвиашвили, П. Чегелишвили), Джегутинский (И.Г. и Г.Г. Рехвиашвили)¹.

В Баталпашинской в некоторой степени проявлялась и активность *российских немцев*, судя по всему – из соседних немецких колоний отдела. В их числе – С.И. Кнохенгауэр, который продавал здесь земледельческие машины и орудия труда, а также Э.Ф. Либрехт и Н.П. Эрлих, которые вели реализацию швейных машин. (Этим бизнесом здесь занималась также фирма И.А. Колосев и К^о)².

Вхождение в орбиту всероссийского рынка, связанное с налаживанием дорожных коммуникаций, влекло за собой изменения в темпах и формах эксплуатации природных ресурсов края, ценообразовании продукции. В начале XX в. в областной прессе отмечалось, что трудившиеся на лесных участках станиц бассейна Большого Зеленчука (Сторожевая, Зеленчукская, Исправная) доставляют лес к торговым пунктам Владикавказской железной дороги за двести верст. Среди промыслов этих нагорных станиц тогда упоминается изготовление по заказам разборных срубных построек (домов, амбаров, сараев и др.), для чего в лесу устраивалась временная лесопилка. «Постройка рубится на месте, в лесу, складывается, метится и затем уже в разобранном виде перевозится на место доставки». Если в середине 1890-х гг. воздров на месте стоил 20-30 коп., то к началу 1902 г. – 80-90 коп., то есть за шесть-восемь лет цены возросли в два-три раза. Еще до революции отмечались варварские, губительные для окружающей среды методы освоения ресурсов (бесконтрольное изготовление древесного угля, обдирание коры стоящих деревьев – дуба и ольхи – для реализации кожевенным предприятиям и т.д.)³. Таковы были издержки неуклонно утверждавшегося в регионе капиталистического уклада.

---

¹ Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год... С. 89-151; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1908 год / Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону: Издание А.И.Тер-Абрамиана, 1908. С. 171-244; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 8-70.

² Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1908 год... С. 244; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 33.

³ Ефременко Ф. Два слова о Закубанских лесах // КОВ. Екатеринодар, 11 января 1902. № 9. С. 1.

После окончания Кавказской войны возникают условия для *внешней торговли*. С разрешения правительства от 23.08.1865 г. для иностранных торговых судов были открыты черноморские порты Кавказа с карантинно-таможенными пунктами – Анапа, Новороссийск (в 1860-66 гг. – укр. Константиновское), станица Вельяминовская (в устье р. Туапсе), Сухум-Кале, Очемчиры, Поты, укрепление Св. Николая (южнее Поты)¹.

Развивалась и сеть *гостиничных услуг*. Постоялые дворы, гостиницы, меблированные комнаты упоминаются в Баталпашинской (хозяева: Ю.М. Радик², Самойленко и Юрченко³), селе Георгиевско-Осетинском⁴, станице Красногорской (хозяева – Ластухин, А.Ф. Редько)⁵, Сентинском монастыре⁶.

Услуги в сфере *общественного питания*. Так, в начале XX в. фиксируются духаны в Баталпашинской, Усть-Джегутинской, Кардоникской, Преградной, Исправной⁷.

До революции стала зарождаться сфера *туристских услуг*. Пятигорское «Кавказское Горное общество» с 1902 г. осваивало вершину Бермамыта в туристско-предпринимательских целях, создав здесь сезонную базу отдыха с буфетом⁸.

Кооперирование крестьян возникло в глубокой древности и, пройдя через феодальную эпоху, дожило до современности. Оно бытовало и в истории нового времени, когда данная деятельность стала впервые специально регулироваться государственными нормативными актами.

Простые формы полеводческого кооперирования при пахоте и жатве (коллективная аренда техники, наём работников) у иногородних крестьян Кубани практиковались издавна. Объединение в товарищества (артели)

---

¹ КВВ. Екатеринодар, 6 ноября 1865. № 44. С. 1.

² Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 30.

³ Смирнов В.Н. Путеводитель... С. 15; Анисимов С. Картины Кавказа... С. 98.

⁴ Анисимов С. Картины Кавказа... С. 100.

⁵ Смирнов В.Н. Путеводитель... С. 17.

⁶ Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай // ИКОИРГО. Тифлис, 1915. Т. XXIII. № 3. С. 244.

⁷ Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год... С. 89-151.

⁸ Ган К.Ф. Краткий путеводитель по Кавказу. Приложение к Кавказскому Календарю на 1913 год. Тифлис, 1913. С. 28; Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе (из истории горного туризма и отечественного альпинизма). 2-е изд-е, доп. Карачаевск, 2001. С. 151.

позволяли им, увеличивая количество рабочего скота, расширять земледельческие площади, а также проводить более глубокую осеннюю вспашку под весенний посев, позволявшую эффективнее бороться с сорняками¹.

Сельскохозяйственная кооперация была представлена в виде *крестьянских земельных товариществ* (КЗТ), которые создавались вначале на основе типового устава образца 1897 г. Последний предусматривал высокий вступительный взнос и пай крупных размеров, ставил целью содействие в приобретении необходимых для производства средств (орудий труда, семенного фонда и т.п.), в реализации сельхозпродукции, её переработке. Данный устав предоставлял право выдавать ссуды под залог. Однако, как отвечают исследователи, условия участия в КЗТ более отвечали зажиточной части крестьянства, которая, в общем-то мало нуждалась в такой кооперации. Поэтому в ту пору такие товарищества не получили широкого распространения. Лишь утверждение типового устава 1908 г. изменило ситуацию. Сохраняя те же цели, он установил не пай, а небольшие ежегодные взносы, ориентированные на основную массу малообеспеченных крестьян. Членами такого товарищества могли быть целые сельские общества. По данному уставу КЗТ был лишен права выдавать ссуды².

Первые из КЗТ в регионе Верхней Кубани стали возникать в конце XIX в. Из 14-ти известных нам таких структур рассматриваемого края до Первой русской революции 1905-1907 гг. появилось пять КЗТ (Погореловское, 1892; Кузьминское, 1899; Шмелевское, 1902; Гандрабуровское, 1903; Соколовское 2-е, 1904). Все остальные возникли в последующее время. Среди них были Краморовское, Январское (1905), Кудерское (1906), Кучеровское (1908), Горанское (1909), Аджиевское 2-е, Жураковское (1911), Любимовское (на земле КЗТ Кучеровского, 1912), Муратовское 2-е (1913).

---

¹ Бобырь-Бухановский Л.М. Условия развития... С. 224. 242-243.

² Моисеева О.В.. Нормативное регулирование деятельности кооперативных организаций в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2011. №4-1 (72). С.150-151;

Таблица 9 – Статистические данные по КЗТ на 1916 г.¹

Крестьянские земельные то- варищества	Площадь угодий				Население	
	пашни	сенокосы	выгоны	другие	дворов	жителей
<i>юрт ст. Баталпаинской</i>						
Гандрабуровское	80	80	80	10	9	57/3
Краморовское	75	13	11	16	18	132/9
Кудерское	51	8	20,5	11	5	21/5
Погореловское	71	20	50	9	4	37/3
2-е Соколовское	115	15	40	10	9	70/5
<i>юрт ст. Бекешевской</i>						
Кучеровское	50	-	50	-	14	91/0
Любимовское	50	-	50	-	те же, что и в КЗТ Кучеровское	
2-е Муратовское	50	25	25	-	6	50/0
<i>юрт с. Иван-Сусановского (быв. Марухского)</i>						
Горанское	15	75	-	112	5	40/0
<i>юрт а. Шахгиреевского</i>						
Казьминское /Кузьминское/	120	-	23	7	15	118/0
Шмелевское	60	-	34	6	12	93/0
<i>юрт а. Эрсаконского</i>						
Жураковское	140	-	20	5	14	82/0
Январское	80	-	20	-	6	56/0
<i>юрт а. Дударуковского</i>						
2-е Аджиевское	200	50	20	15,5	16	94/0
<i>Итого</i>	<i>1157</i>	<i>286</i>	<i>443,5</i>	<i>201,5</i>	<i>133</i>	<i>941/25</i>

Как видим, за исключением одного КЗТ (Горанского), все располагались в северной, плоскостной зоне рассматриваемого региона, наиболее при-

¹ Кубанский календарь на 1916 год. С. 433-434, 576, 585-586, 596, 599, 604.

годной для земледелия. На профилирование указывает и то, что 55,4% (1157. из 2088 дес.) площади угодий всех КЗТ относится к пашням. Свыше 38% (800,5 дес.) земель КЗТ находились в границах юртов горских селений.

Отметим, что важнейшую роль в развитии системы КЗТ на Юге России сыграл созданный правительством *Крестьянский Поземельный Банк* (КПБ). Он стал разворачивать деятельность на Северном Кавказе с 1897 г., вначале – через свое Донское отделение (с конторой в Новочеркасске), а с февраля 1903 г. – через Кавказское отделение (г. Екатеринодар). Банк выдавал ссуды на покупку земель клиентам, в качестве которых выступали не только крестьянские товарищества, но и домохозяева и сельские общества. Кроме того, КПБ имел право «покупать земли за свой счет и продавать их крестьянам», тем самым вытесняя посредников-перекупщиков, спекулировавших на земельных операциях.¹ Угодья, купленные Крестьянским Поземельным Банком, проходили процесс землеустройства, проводившегося государственной земельной комиссией, и включавший разбивку на участки, межевание, реализация или передача в аренду².

Начиная с 1908 г. Баталпашинский отдел последовательно занимал *последнее* место на Кубани по уровню средней покупной цены 1 десятины (в рублях) по банковским сделкам (См. таблицу 10).

Таблица 10 – Стоимость десятины земли в отделах Кубанской области³

отделы	годы			
	1908	1909	1910	1911
Екатеринодарский	212	218	266	600
Ейский	187	-	279	-
Кавказский	212	212	274	-
Майкопский	210	256	250	363
Таманский		208	222	208
Лабинский		198	204	239
Баталпашинский	166	162	175	251

¹ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия... С. 401-427.

² Мушегян С.В. Особенности землеустройства на Кубани // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. М., 2008. № 2. С. 373-374.

³ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия... С. 435-437, 443.

Данное обстоятельство, на наш взгляд, объясняется несколькими факторами, игравшими не в пользу Баталпашинского отдела по сравнению с другими регионами Кубанской области: небольшой численностью населения, а, следовательно, и наименьшим потенциалом трудовых ресурсов, низким уровнем развития коммуникаций, наибольшей долей горных, неудобных для земледелия территорий в общей площади.

Сделки по линии КПБ осуществлялись в Баталпашинской (большинство), селе Марухском, аулах Дударуковском, Шахгиреевском, Эрсаконском. Во всех них клиентами банка выступали товарищества, в которых к 1911 г. при содействии КПБ было, таким образом, обустроено 95 дворов с 626 чел. на площади 1639 дес.¹ Отметим, что все эти товарищества, в том числе в пределах территорий аулов, были созданы русскими крестьянами. Следует учесть, что «горские и плоскостные туземные племена» Кубанской области получили доступ к КПБ лишь с 25.01.1907 г., но вплоть до 1911 г. включительно не фиксируется ни одной банковской сделки с «туземцами»².

К категории *промышленных* артелей на рассматриваемой территории относились товарищества «Кубань» (завод глауберовой соли), братьев Воробьевых (поташный завод), а *торговых* – товарищества братьев Агзибезгян (торговля обувью), Морозова и Башкатова (кожевенно-обувная торговля)³.

В рассматриваемом регионе развивались структуры *потребительской* кооперации. Они основывались на вступительных взносах (1 руб.) и паевых взносах, максимальный размер которых устанавливался в сумме 10 руб., а на практике варьировал от 5 до 10 руб. Кроме того, источником формирования собственных средств и неделимого общественного капитала кооператива выступали отчисления от его доходов. Некоторые потребительские кооперативы Верхней Кубани в целях пополнения оборотного капитала привлекали финансовые средства посторонних лиц. В этом направлении с самого начала

---

¹ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия... С. 494.

² Там же. С. 444.

³ КК на 1914 год. С. 442; КК на 1916 год. С. 404.

своей деятельности работали общества потребителей, привлекавшие займы (общество «Бережливость» в Преградной, одноименное потребительское общество – в Сторожевой) или вклады (в Зеленчукской и Сторожевой). По мере роста, они расширяли круг хозяйственных занятий. Например, общество станицы Зеленчукской взялось за поставки сортового железа; за снабжение школ и станичных администраций письменными принадлежностями (открыв канцелярское отделение); за продажу русских виноградных вин (с разрешения акцизного управления). В 1917 г. все эти структуры объединились в Баталпашинский союзы потребительских обществ¹.

Сфера *кредитной* кооперации возникла в реформенный период. Первое среди невойскового населения Верхней Кубани ссудо-сберегательное товарищество было создано при содействии иногороднего специалиста А.А. Кирша в селенье Джегутинском². Устав «Джегутинского-Карачаевского ссудо-сберегательного товарищества», утвержденный Минфином 29.10.1881 г., был опубликован в областной прессе. Он определял, что оно учреждается в ауле Джегутинском, а членами товарищества могут быть вне зависимости от пола, веры и национальности жители любого карачаевского аула, достигшие 21-летнего возраста и имеющие право распоряжаться своим имуществом, а также юридические лица («товарищества и артели, учрежденные в той же местности» на законном основании)³. В 1895 г. было утверждено *Положение об учреждениях мелкого кредита*, которое определило три вида таких учреждений: *ссудно-сберегательные товарищества (ССТ) и кредитные товарищества (КТ)*, сельские волостные (станичные) банки. Если ССТ основывались на базе паевых взносов учредителей, то КТ – на основе льготных ссуд, которые предоставлял Государственный банк (основной капитал в 1-3 тыс. руб. под 5-6% в год, а также оборотные средства). ССТ и КТ входили в Кубан-

---

¹ Сидоренко Т.Н. Возникновение и развитие кооперации на Кубани, вторая половина XIX - 1920 г. URL: <http://www.business-kuban.ru/istoriya-kubani/kooperatsiya-na-kubani> (Дата обращения: 22.12.2018); Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 145.

² Гутерц А.В. Николай Верцагин. На благо Отечества. Вологда, 2011. С. 153.

³ КОВ. Екатеринодар, 12 декабря 1881. № 49. С. 1.

ский центральный союз учреждений мелкого кредита (основан в 1912 г.)¹. В начале второго десятилетия XX в. в Баталпашинской действовали структуры мелкого кредитования – *Кредитное Товарищество, Товарищество Взаимного Кредита*², *Баталпашинское общество взаимного кредита* (председатель – П.П. Колодий)³ и др. К началу 1914 г. в Баталпашинском отделе имелось три десятка кредитных кооперативов: 3 ссудно-сберегательных и 27 кредитных товариществ⁴.

Добавим, что в Баталпашинском отделе действовал неформальный уровень частного микрокредитования в виде денежных или натуральных ссуд (кредитов). В этом плане на Кубани отмечалась зависимость от торговой прослойки («торгово-промышленной группы»), в которую попадала часть казачества⁵.

Кооперативы Кубани проводили сельскохозяйственные курсы и чтения, оказывали устные и письменные консультации, создавали образцовые участки и поля, помогали товариществам в устройстве и организации зерноочистительных и прокатных пунктов, участвовали в сельскохозяйственных выставках⁶.

Большую роль в хозяйственной истории края сыграла иногородняя *аграрная олигархия* в основном, *крестьянского* происхождения. Её фигуранты из числа местных иногородних предпринимателей и пришлых с Крыма скотопромышленников («тавричан») последовательно приобретали крупные участки земель на берегах Кубани, а также по верхним её притокам, в доли-

---

¹ Моисеева О.В. Нормативное регулирование... С. 150-151; Ратушняк В.Н., Сидоренко Т.Н. Роль кооперации в развитии аграрного сектора экономики на Северном Кавказе в начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2013. № 1(17). С. 25-30; Панарин А.А. Зарождение и развитие кооперации на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 1 (23). С. 40-41.

² КК на 1911 год. С. 277.

³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д.3920. Л. 7; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 19.

⁴ ГАКК. Ф. 460. Оп. 2. Д. 4. Л. 9; Сидоренко Т.Н. Возникновение и развитие кооперации на Кубани, вторая половина XIX - 1920 г. URL: <http://www.business-kuban.ru/istoriya-kubani/kooperatsiya-na-kubani> (Дата обращения: 22.12.2018).

⁵ Мельников Л.М. Иногородние... С. 100.

⁶ Сидоренко Т.Н. Агрономическая помощь кооперативов населению Кубани в начале XX в. // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа / Материалы межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 1999. С. 146-147.

нах «рек Зеленчука, Урупа, Лабы»¹. Сформировавшая за несколько десятилетий прослойка магнатов (вышедших из крестьян и влившихся в купеческое сословие), сыграла немаловажную роль в экономической истории Юга России, включая и рассматриваемый нами регион. Они создавали на Кубани так называемые *экономии*, как тогда назывались крупные хозяйства с использованием наемного труда и сельхозтехники.

К таковым, например, относились зажиточные жители Таврической губернии *Мазаевы*, которые в 1867 г. переселились на Кубань. Они прославились тем, что вывели породу тонкорунных «мазаевских» овец, получивших известность за пределами России и приобретаемых предпринимателями из Англии, Франции, Италии и др. Эти овцы были весьма крупными (вес достигал более 50 кг), а шерсть, имевшая длину свыше 10 см, по своим качествам соответствовала высоким требованиям промышленной переработки. К началу прошлого столетия «мазаевские» овцы разводились практически на всей территории Северного Кавказа, а также на юге Украины. Они приносили доход, превосходивший «почти вдвое доход, приносимый другими типами мериносовых овец». Благодаря Мазаевым, тонкорунное овцеводство получило распространение и в Баталпашинском отделе, где Иван Гаврилович Мазаев (ум. 1897 г.), его сыновья Дей (1855-1922), Гавриил (1858-1944), Иван, Василий приобрели обширные земельные угодья. В 1886 г. глава клана разделил своё овцеводческое поголовье между сыновьями, каждый из которых получил по 5 тыс. голов. Семья Мазаевых (принадлежавшая в основном к секте молокан, за исключением ставших баптистами Дея и Гавриила) получила известность своими благотворительными делами². В 1910-е гг. один из Мазае-

---

¹ Жданова Л.А. Купеческая усадьба... С. 107.

² Жданова Л.А., Фролов Б.Е. Коллекция благотворителей Мазаевых в фондах краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицина // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2016. № 4. С. 94-97; Хуранов Ш.Ш. Развитие торгового тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в пореформенный период // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная культура). Черкесск, 1983. Вып. 2. С. 182; Бойко И.К. Поместье крестьян Мазаевых <https://selgazeta.ru/slovo-k-chitatelju/pomeste-krestyan-mazaevyih.html> (Дата обращения: 03.03.2018)

вых владел большим участком (около 2,5 тыс. дес.) в районе черкесского аула Эрсаконский на берегах Большого Зеленчука¹.

В 1868 г. на Кубань переселилась семья Акима Семеновича *Николенко*, который приобрел участки, создав животноводческие хозяйства по разведению овец, в том числе мазаевского типа, крупного рогатого скота и лошадей. Его дело унаследовали на правах совместного владения сыновья Фома, Терентий и Лев, которые расширяли земельные угодья и хозяйственную деятельность. На том же поприще трудились и внуки Акима Семеновича. Не чужда семье была и благотворительность в деле поддержки школьного образования и храмостроительства². В октябре 1868 г. фиксируется покупка А.С. Николенко у генерал-лейтенанта и князя И.Д. Тархан-Моуравова за 27 тыс. руб. серебром крупного участка в Урупском округе (3 тыс. дес. удобной и свыше 25-ти дес. неудобной земли)³. Исследователями отмечается, что клан Николенко, обладал свыше 32 тыс. дес. земли, часть которой находилась в Баталпашинском отделе. Помимо сельскохозяйственной деятельности, Николенко занимались и промышленной переработкой аграрной продукции (маслобойные, мукомольные и др. предприятия), продажей кукурузы и пшеницы, сдачей своих земель в аренду. Под переработку они создали АО «Фома Николенко» (1906), продукция которой была реализована в 1914 г. на сумму свыше 3 млн. руб. В том же году Я.Ф. Николенко выступил перед правительством с заявкой на проект постройки 2-х ГЭС на рр. Кубани и Малой Лабе⁴. Он также планировал построить две большие ГЭС у впадения в Кубань её притоков (Теберды и Индыша), получил от наместника Кавказа разрешения на предварительные изыскания по рр. Кубани, Теберде, Зеленчукам, Большой и Малой Лабе. Эти изыскания были завершены к 1914 г., однако,

---

¹ Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии... С. 187.

² Жданова Л. А., Мелоян Э. С. «Не выпустить из рода Николенкова»: неизвестные страницы биографии купцов-благотворителей Николенко // Молодой ученый. Казань, 2015. № 23(103). С. 813-817.

³ КВВ. Екатеринодар, 23 ноября 1868. № 46.

⁴ Ратушняк, В.Н. Экономическое освоение Кубани // По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки. Краснодар, 1993. С. 105-116.

начавшаяся война прервала реализацию проекта¹. Фома и Леонтий Акимовичи, Яков Фомич Николенко совместно владели 7 тыс. дес. в районе станицы Кардоникской². Тот же клан приобрел большой земельный участок в долине р. Теберды, где на летний сезон стал размещать отары мериносов. Но попытка разводить таких овец в горной зоне окончилась неудачей³.

Вкратце упоминавшийся выше купеческий клан *Тарасовых* основал на Кубани (с. Армавир) представитель общины северокавказских армян (черкесогаев) Аслан Торос (ум.1857 г.). Его дело преумножили сыновья – Иван, Михаил, Александр (1843-1916), Лазарь, Гавриил (ум. 1911). Они создали «Товарищество мануфактур братьев Тарасовых» (1900), основали свои производственные и торговые структуры в Армавире, Ставрополе, Симферополе, Астрахани, Екатеринодаре, Москве, стали банкирами, вошли в купеческое сословие (1879), стали купцами 1-й гильдии. Тарасовы получили известность своей благотворительностью (учреждение стипендий для гимназистов, взнос для постройки приюта беспризорных и др.). Совладельцем земельных угодий на севере верхне-кубанского края стал Николай Лазаревич (1882-1910) – спонсор Художественного театра (будущего МХАТа), один из основателей первого московского кабаре «Летучая мышь»⁴. На 1910 г. он и его дядья (Александр, Гавриил, Михаил Аслановичи) обладали 1288 дес. в ногайском ауле Тохтамшевский, а его отец и те же дядья – 2162,7 дес. в абазинском ауле Клычевский. Кроме того, Тарасовы имели большие угодья в Лабинском отделе⁵.

---

¹ Невская В.П. Период реакции и нового революционного подъема // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 508-509.

² Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии... С. 187.

³ Невская В.П. Карачай в XIX веке... С. 345-346.

⁴ Жданова Л.А. Купцы Тарасовы: дорога из провинции в столицу // Молодой ученый. Казань, 2015. № 13. С. 545-548. URL <https://moluch.ru/archive/93/20530/> (дата обращения: 14.09.2019); Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. С. 457; Опарин Д. Особняк армянских купцов Тарасовых. URL: <http://yerkramas.org/ru/article/25727/osobnyak-armyanskix-kupcov-tarasovux> (дата обращения: 14.05.2017); От сухарей из черного хлеба до палатки на Спиридоновке: история Товарищества мануфактур братьев Тарасовых http://trojza.blogspot.com/2012/04/blog-post_13.html (дата обращения: 13.05.2018).

⁵ Кубано-Черноморский землевладельческий сборник / Сост. В.С. Сазоновым. Екатеринодар, 1910. С. 189, 191.

В регионе Верхней Кубани располагались имения и крупные угодья купцов *Меснянкиных*¹. Эти ставропольские магнаты вели свой род от калужского крестьянина Семена Даниловича Меснянкина, переселившегося на Кавказ в 1810-е гг. и позднее принятого в купеческую гильдию. Он занимался торговлей скотом. Его потомки (сыновья Иван и Дмитрии, внуки Михаил, Петр, Николай (1826-1909) и Прокофий Ивановичи, Гавриил Дмитриевич) имели особняки в Ставрополе, Ростове-на-Дону, Армавире, создали «Торговый дом Прокофий Меснянкин с сыновьями», торговали скотом, шерстью, лесом, кожевенными, мануфактурными изделиями и др., владели сыроваренными и кирпично-черепичными предприятиями, сетью гостиниц, магазинов, складов и т.п. Они разводили так называемый «меснянкинский скот» и реализовывали его на ярмарках. Имели обширные угодья и на Кубани (в Баталпашинском, Лабинском, Кавказском отделах). Их род известен и благотворительностью (создание приюта для бедных, постройка ремесленного училища, театра, кинозала и др., пожертвования на постройку, благоустройство храмов и монастырей)². В рассматриваемом регионе они стали приобретать земельную недвижимость ещё в реформенный период. Так, на 1876 г. «купеческие сыновья Мясникины» владели на левобережье р. Кубани между станицами Баталпашинской и Усть-Джегутинской участком в 558 дес. 562 кв. саж., который продал им абазинский князь полковник Магомет-Гирей Лоов³. Кроме того, клан приобретал земельные угодья и к северу от Баталпашинской. Например, к началу прошлого столетия экономия Меснянкиных находилась в административно-территориальном составе ногайского аула Ураковский. По

---

¹ Жданова Л.А. Сельские купеческие усадьбы Кубанской области: количество и пространственная локализация (1875–1914 годы) // Культура и время перемен. Электронный журнал Краснодарского гос. ин-та культуры. Краснодар, 2015. №2(9).

² Акопьян А.П. Меснянкины, они же Костянины... URL: https://1777.ru/stavropol/one_lenta.php?id_one=666&id=14 (Дата обращения: 16.09.2018); Доходный дом купцов братьев Меснянкиных (1911-1913 гг.; 1953 г.). URL: <https://arch-heritage.livejournal.com/2235882.html> (Дата обращения: 12.04.2017); Андреевские (Андриевские), Георгий Меснянкин. URL: <https://forum.vgd.ru/?t=35272> (Дата обращения: 4.03.2017); Гангур Н.А., Гангур Д.И. Кубанское имение «Венцы» Ставропольских купцов Меснянкиных // Культура и время перемен. Электронный журнал Краснодарского гос. ин-та культуры. Краснодар, 2017. № 2(17); Егорова Е. Б., Кузьменко Т. Н. День открытия театра «Пассаж» в Ставрополе // Ставропольский хронограф на 2000 год. Ставрополь, 2000. С. 111-115.

³ Памятная книжка Кубанской области на 1876 г. Отдел 2. С. 115.

соображениям логистики, с 17.04.1902 г., по приказу атамана Баталпашинского отдела, экономия Прокофия Ивановича (в 16 верстах от Ураковского) была в административном отношении причислена к близлежащему (1 верста) русскому селу Ивановскому, а экономия детей Михаила Меснянкина (в 9 верстах от Ураковского) – к абазинскому аулу Шах-Гиреевскому, находившемуся в 2-х верстах¹. На 1910 г. экономии четырех братьев Меснянкиных (Иван, Андрей, Александр, Дмитрий Михайловичи) продолжала оставаться в том административном подчинении, имея в своем владении 2090,6 дес.²

Среди магнатов-скотоводов на территории современной КЧР к предреволюционному времени значились и *Макеевы*³, которые, как и другие предпринимательские династии, владели десятками тысяч голов тонкорунных овец⁴.

У скотопромышленников-иностранцев на территории Баталпашинского отдела не только развивалось тонкорунное овцеводство и высокопородистый КРС, но и создавались конские заводы, где разводились лошади донской, рысистой и других пород⁵. Кстати, администрация старалась стимулировать активность в данной отрасли. В 1903 г. власти Кубанской области ввели льготные тарифы на аренду пастбищ (50 копеек за десятину) для поставщиков на нужды ККВ лошадей улучшенной породы «по уменьшенным ценам»⁶. Хотя решением центральных властей для частных коневодов были выделены лесные поляны нагорной полосы Баталпашинского отдела (1903 г.)⁷, потребность в пастбищах оставалась довольно острой. Это обстоятельство в те годы признавалось и областным начальником⁸.

---

¹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8140. Л. 32об.-33.

² Кубано-Черноморский землевладельческий сборник / Сост. В.С. Сазонов. Екатеринодар, 1910. С. 182-190.

³ Величко Е.М. Аграрные преобразования в Карачаево-Черкесии в 1920 г. // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа / Материалы межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 1999. С. 49.

⁴ Ратушняк, В.Н. Экономическое освоение Кубани... С. 105-116.

⁵ Невская В.П. Порепорформенный период // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 440.

⁶ Кубанский календарь на 1905 год. Издание Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1904. С. 24.

⁷ Кубанский календарь на 1908 год... С. 135.

⁸ Кубанский календарь на 1908 год... С. 138-139.

В регионе Верхней Кубани действовали представители купеческого сословия более мелкого «калибра», но в масштабах данного региона – весьма состоятельные. В их числе были предприниматели станицы Баталпашинской начала XX в., чей ежегодный торговый оборот достигал солидных для того времени показателей, например, Хавшановы – свыше 70 тыс. руб., Илья Рядченко – 100 тыс. руб., Григорий Морозов – более 150 тыс. руб.

Противоречия между казачеством и иногородними, проявлявшиеся в плане борьбы за правовой статус, в определенной степени нивелировались взаимной заинтересованностью в сфере хозяйственной деятельности. Это, в частности, проявлялось в частой практике получения иногородними строительных подрядов (с торгов) от станичных обществ региона. Например, на основе такого подряда купец Третьяков в 1890-х гг. строил Баталпашинскую войсковую больницу, а также участвовал в торгах на постройку Баталпашинского собора, предлагая возвести её за 93 тыс. руб. (правда, выиграл некий Демьянов, проект которого был дороже на три тысячи рублей)¹.

Непреходящее значение в экономике региона имела роль *иногородних-специалистов* промышленных отраслей, в том числе по переработке продукции сельскохозяйственного производства. Например, молокоперерабатывающая промышленность Верхней Кубани своим появлением неразрывно связана с именами таких крупных специалистов, как Н. Верещагин, который лично посещал Кавказ, и его профессиональное окружение.

Ученик и помощник Верещагина – Адольф Кирш с двумя мастерами Едимоновской школы с 1880 г. по просьбе учителя работал на Северном Кавказе. По приглашению уездного начальника (Ф.А. Кузовлева) он прибыл в исследуемый нами регион, где создал «среди горского населения уезда несколько сыроварен – в Кувинском и Джегутинском аулах». С согласия горских обществ у населения скупалось молоко (по 40 коп. за пуд), из которого в а. Кувинском производили сыр честер, а в а. Джегутинском – швейцарский

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1061. Л. 40, 59.

сыр. Сеть сыроварен появилась и в казачьей среде – в станицах Преградной, Зеленчукской, Сторожевой, Исправной¹.

Осенью 1881 г. первая партия сыра сорта честер, изготовленная на сыроварне а. Кувинского, была направлена в Британию, откуда был получен «хвалебный отзыв» и аванс за вторую партию. А швейцарский сыр джегутинского производства «вышел очень хорошего качества, без брака, и был продан в Москве и Петербурге по самой высокой цене среди русских заводов». Основанный на практическом производственном опыте в регионе Верхней Кубани доклад Адольфа Кирша «Развитие сыроварения у казаков и горцев Северного Кавказа» был удостоен медали Императорского Вольного Экономического Общества (1883 г.)².

Другой помощник и соратник Верещагина, В. Бландов вместе с братом создал собственный торговый дом, сеть сыроваренных заводов и магазинов молочных продуктов в нескольких губерниях. В начале XX в. они поселились в Кисловодске. В окрестностях города на территории современной КЧР – в урочище Элькуш-Башы (в 12 км от Кисловодска) и у истоков р. Эшкакона (плато Бичесын) ими были открыты два маслосырзавода. Сыроваренный завод на плато Гошаях-Сырты открыл ещё один московский промышленник – Губарев; на предприятии трудились специалисты из Германии, русские и карачаевские рабочие³.

Н. Динник (1884 г.), указывая, что сыроваренные заводы в Баталпащинском уезде создавались по инициативе Кузовлева и были устроены «по системе Верещагина», в то же время отмечал, что на сыр этих заводов «получались заказы из Англии, а на Кавказе он почти неизвестен в продаже»⁴.

---

¹ Люсин. Из Баталпащинского отдела... С. 132-137; Бесленев А.Д. Скотоводство горцев Кубанской области (1868-1900) // Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Черкесск, 1971. С. 14; Шаманов И.М. К истории домашних промыслов // Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Черкесск, 1971. С. 67.

² Гутерц А.В. Николай Верещагин. На благо Отечества... С. 150, 152-157, 158, 160.

³ Гутерц А.В. Николай Верещагин. На благо Отечества... С. 85-109; Верещагин Н.В. Дело жизни /Сост., коммент. и предисл. А.В. Гутерца. Вологда, 2017. С. 47-49, 77-78; Тебуев, Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии... С. 143-144.

⁴ Динник Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области... С. 329.

Обучавшийся в верещагинской школе промышленник А.А. Чичкин также открыл в Верхней Кубани сеть сыроварен. Они по признанию современников, сильно стимулировали разведение местным населением молочного скота, продукция которого охотно поставлялась на указанные предприятия¹.

Мастер от верещагинской школы масло-сыроделия и молочного скотоводства (в с. Единоново Тверской области) в 1890-е гг. непосредственно работал в Теберде по организации и функционированию маслосырзавода князя-просветителя И. Крымшамхалова².

Нетрудно заметить, что многие фигуранты «верещагинского круга», получив основательную теоретическую подготовку и практические навыки, вырастали от уровня способных специалистов до самостоятельных хозяйственников, представлявших, как сказали бы в наши дни, мелкий и средний бизнес. Они, как показало время, проявляли свои предпринимательские качества не только в близких для них по культурной комфортности русских губерниях, но и успешно адаптировались к многосложным реалиям более отсталых, многонациональных окраин Юга империи. Вне зависимости от мотивации этого предпринимательского класса, он, помимо, культуртрегерской миссии, выполнял функцию «приводного ремня» (говоря словами В.И. Ленина), делая окраину естественной частью экономического пространства России.

Официальный «Обзор Кубанской области на 1886 г.» к числу факторов, сделавших этот регион «чисто земледельческой страной», отнес и «большой наплыв иногородних поселенцев», благодаря которым область «обогатилась громадным количеством усовершенствованных земледельческих орудий». Бывший председатель Екатеринодарского окружного суда А. Стрельбицкий (1895 г.) прямо указывал, что именно благодаря труду иногородних земледельцев здесь «до того развилось», что Кубань «сделалась важнейшей частью

---

¹ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 106.

² СЭПКРНКЧ. С. 185.

империи» в поставках хлеба за рубеж. На протяжении «каких-нибудь 18 лет» стоимость земли возросла здесь «с 10 до 100 и более рублей за десятину», а её аренда – «с копеек возвысилась до 5-6 рублей за десятину»; помимо доходности земли, рос прилив инвестиций, развивались сельскохозяйственные промыслы¹.

Иногородние внесли большой вклад в развитие в регионе Верхней Кубани плодоводства, виноградарства, табаководства, пчеловодства, промышленного скотоводства, в том числе связанного с производством масла и сыра. Об этих заслугах данной группы населения прямо писал сам Кавказский наместник граф Воронцов-Дашков в начале XX в.²

Выше нами отмечалась развитость ремесленных – в том числе и сложных – промыслов у иногородних (в особенности, в деревообработке). В данном плане регион Верхней Кубани отличался от некоторых соседних регионов, в частности, от Ставрополя, где, по словам Т.А. Невской и С.А. Чекменева, «ремесленных промыслов у крестьянского населения... практически не было»³. Возможно, это объясняется, с одной стороны, большей природно-сырьевой базой (лесной, горнорудной и пр.) ремесленных промыслов в регионе Верхней Кубани, а с другой – большей вовлеченностью крестьянского населения Ставрополя в земледельческий труд, в том числе и наёмный.

К началу XX в. иногородние занимали важное место в структуре трудовых ресурсов Кубани, где казачье население объективно нуждалось в них. Здесь можно согласиться с мнением Л.М. Мельникова, который напоминал о том, что после Кавказской войны усложнилась казачья служба, возникли новые требования относительно обмундирования, вооружения, состояния боевого коня и т.п., требовавшие дополнительных расходов, появились дополнительные общественные повинности. Служба отнимала у казака-домохозяина семейные трудовые ресурсы – всех взрослых сыновей, которые подлежали

---

¹ Мельников Л.М. Иногородние... С. 88, 97.

² Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Тифлис, 1907. С. 76-77.

³ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне... С. 57.

призыву на военную службу, а также возлагала на него крупные расходы на содержание их¹. В таких условиях казаку трудно было своими силами вести успешное семейное хозяйство без привлечения наёмного труда, а при невозможности это сделать – без сдачи в аренду семейной земли.

Следует подчеркнуть, что иногороднее население казачьих областей Юга России, можно сказать, никогда не было социально однородной массой. В нем изначально имелись как привилегированная прослойка (в лице неказачьего дворянства и неказачьего офицерства, старшего чиновничества и старшего духовенства (региональных архиереев РПЦ, мусульманских законовевдов и пр.) и т.п.), так и обездоленная масса, вынужденная рассчитывать исключительно на свой личный труд.

На протяжении всего рассматриваемого периода динамика общественной стратификации на пространстве Юга России не прерывалась. В частности, до революции продолжался процесс дальнейшего разрыва в социальном и правовом положении между двумя крупными группами иногородних – жителями станиц и жителями иногороднических поселений, в том числе самостоятельных хуторов. Если у первых ощущалась нехватка скота (12,5% иногородних скота не имело вообще, а почти 37% не имело рабочего скота), то у хуторских – поголовье скота было «весьма значительно», причем в пересчете на душу населения оно часто превышало «казачьи нормы»². Имеются все основания полагать, что к моменту падения монархии села иногородних по уровню своего культурного, социального и экономического развития, по сути, мало чем отличались от казачьих станиц, и превосходили многие горские поселения.

---

¹ Мельников Л.М. Иногородние... С. 99-100.

² Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 110-111.

2.3. Региональное крестьянство в системе земельных отношений: формы собственности, землепользование, управление землересурсами

Очевидно, что в прошлые эпохи не только эволюция аграрного сектора, но и социально-экономическое развитие народов и стран в целом объективно зависели от степени доступа к земельным ресурсам, от их площадей, характера, качества, а также степени контроля над ними. Под *земельными отношениями* мы, вслед за другими исследователями, подразумеваем общественные отношения по поводу права собственности, включающего такие компоненты как право владения (условного, безусловного), право пользования и право распоряжения (купля-продажа, раздел по завещанию, сдача в аренду и т.д.) землей. Соответственно определяются формы собственности на землю (частная, общинная и пр.), виды землепользования (аренда, ипотека и т.п.) и управления земельными ресурсами, способы и методы регуляции земельных отношений¹.

До вхождения региона в общероссийское правовое пространство все земельные отношения у коренного горского населения регулировались традиционными нормами (обычным правом) и отчасти шариатом. Как отмечалось еще дореволюционными авторами, «всё, что обычаем в этой области требовалось, заключалось в приобретении земли» у владельца «одним из предусмотренных обычаем способов». Один из таких способов – словесное соглашение в присутствии лиц (родственников, соседей), «имевших, по обычаю право на преимущественную покупку»².

Добавим, что нормы обычного права в земельных отношениях бытовавшие как у горцев, так и у кубанского казачества, частично были узаконены в нормативных актах органов власти (тем самым обретя статус писаного

---

¹ Барсукова Г.Н., Юрченко К.А., Радчевский Н.М. История земельных отношений и землеустройства. Изд. 2-е. Краснодар, 2014. С. 12-13.

² Кубанский сборник. Ектеринодар, 1910. Т. 15. С. 250.

права), а частично сохранялись вплоть до окончательного утверждения советской власти.

Царское правительство фактически сохраняло статус-кво в отношении земель, находившихся на момент присоединения региона к России в собственности семей коренного населения на основе таких норм. В материалах созданной на Кавказе аграрной (так называемой Абрамовской) комиссии мы видим указание на решение Сената от 17.11.1894 за №12.307. В этом акте сказано: «если во вновь присоединенной (к Российской империи) области... земля, хотя бы на основании лишь обычая, находилась в неограниченном владении частных лиц, то администрация... обязана охранять существующее положение вещей» до решения судебной или законодательной власти¹. Поскольку власть право такой собственности, по сути, никогда и не оспаривала, то эти земли сравнительно беспрепятственно передавались из рук в руки, входили в производственный и товарный оборот.

Законодательство дореволюционной России определяло несколько правовых форм собственности на землю. Земельные участки могли быть государственными (включали крупные дороги, водные ресурсы и др.; в ведении Министерства государственных имуществ), удельными (для содержания императорской семьи; в ведении главного управления уделов Министерства императорского двора); «общественными» (городов, сел, земских учреждений и дворянских обществ); «различных установлений», то есть учреждений (религиозных, образовательных, богоугодных, государственных кредитных), включая войсковые капиталы казачьих войск; частными и «сословий лиц» (компаний, товариществ и др.)².

Формы *землевладения*, бытовавшие в регионе Верхней Кубани, для удобства мы решили изложить в следующем порядке (с учетом, что удельных земель в регионе не было) так: государственное, общественное (поселенческое, войсковое и др.), корпоративное (организаций, учреждений, това-

---

¹ Кубанский сборник. Ектеринодар, 1910. Т. 15. С. 277.

² Свод законов Российской империи (Далее СЗРИ). СПб., 1914. Т. X. Ч. 1. С. 33-37 (ст. 406, 413-415).

риществ, компаний и др. юридических лиц), частное. Из них до присоединения региона к России в правовой культуре коренного населения не были известны государственное и корпоративное землевладение.

На землях Верхней Кубани *государственную* собственность составляли в основном угодья *казенных лесничеств* (Баталпашинского, Загеданского и части Предгорного). Они находились в ведении Лесного департамента Управления земледелия и государственных имуществ Кубанской области и Черноморского округа (УЗГИ), которое было территориальным органом имперского Министерства государственных имуществ. В начале XX в. площадь верхнекубанских лесов составляла 425488,8 дес.¹ или 4637,8 кв. км, то есть почти треть (32,5%) территории современной КЧР. Лесные угодья сдавались участками (делянками) на освоение частным лицам и артелям под установленные правительством расценки.

Помимо собственно леса, на территории казенных лесничеств имелись обширные пространства нагорных летних пастбищ, значительная часть которых сдавалась в аренду горскому населению и иногородним.

Общественное землевладение было представлено в регионе *общенародными* угодьями, *войсковыми* и *поселенными* (юртовыми) землями. К категории первых относились, например, общественные леса карачаевского народа (Карачаевские леса) площадью 100 000 дес.²; 1090 кв. км. *Войсковые земли* находилось в общей собственности ККВ. К ним относились, в частности, войсковые запасные земли, которых в Баталпашинском отделе в начале XX в. было сравнительно немного 8339 дес.³, то есть около 91 кв. км. Общей собственностью ККВ являлись и земли войсковых лесничеств. Из них на территории современной КЧР располагались угодья Прикубанского (бывшего Баталпашинского) войскового лесничества площадью почти 7501 дес. (около 82 кв. км), а также Кардоникского войскового участка и Псеменской

---

¹ Извлечение из отчета начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1903 год // КК на 1905 год. Екатеринодар, 1905. С. 42.

² Извлечение из отчета... за 1903 год... С. 28.

³ Там же. С. 23.

войсковой дачи¹, которая, располагаясь между рр. Большой Лабой и Урупом, имела площадь 12,8 тыс. дес. и предназначалась «в надел станицам»².

В результате проведения масштабных межевых работ пореформенного времени были определены *земельные наделы (юрты) поселений (станци, сел, аулов)* Баталпашинского отдела. Из них на территории Верхней Кубани в 1876 г. площадь земель всех 8-ми станиц Верхней Кубани составляла около 231,2 тыс. дес., а 4-х иногородних поселений (Джегонас, Маруха, Хасаут, Шоанинский (позднее, Георгиево-Осетинский)) – 1089 дес.³

В последующие десятилетия число поселений иногородних увеличилось более чем вдвое. В начале 1910-х гг., по данным Б. Городецкого, положение с землевладением в них (не считая п. Джегонаско-Еврейского) выглядело следующим образом (см. таблицу 11).

Таблица 11 – Количество жителей и земельных угодий⁴

поселки	дворов	коренных жителей	земли /десятин/		
			всей	удобной	на 1 двор
<i>русские</i>					
Пантелеймоновский	238	1315	5720	5404	24,0
Ермоловский	131	783	4103	3168	31,3
Кольцовский (Муравьевский)	12	66	357	322	29,8
Марухский	354	2166	6306	6161	17,8
<i>национальные</i>					
Георгиево-Осетинское	351	2452	9974	9442	28,4
Хасаут-Греческий	90	617	2951	3048	33,8
Марухо-Эстонский	37	209	481	456	30,0
Хусы-Кардоник	46	231	878	848	18,9
Всего	1259	7839	30867	28752	

¹ Извлечение из отчета... за 1903 год... С. 26, 27.

² Статистические данные о пространстве, составе населения, формах землевладения, размерах запасов, урожае, количестве скота и др. в поселениях, расположенных в районе, ограниченном средним и нижним течением рек Урупа и Белой и верхним течением реки Кубани // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. 6. С. 240-241.

³ ПККО на 1877 год... С. 125-131, 133.

⁴ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия... С. 493.

Нетрудно заметить, что площадь земель в иногородческих поселениях по сравнению с серединой 1870-х гг. увеличилась в 28 раз.

По другим справочным данным общая структура угодий населенных пунктов Верхней Кубани в предреволюционный год выглядела следующим образом (в десятинах):

Таблица 12 - Общая структура угодий населенных пунктов Верхней Кубани на 1916 г.¹

	станции	села	аулы	всего
- пашен	51163	2496	25262	78921
- сенокосов	50336,8	5221	37051	92608,8
- выпасов (выгонов)	42405,9	5214	79175,8	126795,7
- леса	35364	8916,8	8582	52862,8
- плавней, болот	3156	160	110	3426
- иных угодий	30562,2	1812	7073,8	39448
Всего	212 987,9 (54%)	23 819,8 (6%)	157 254,6 (40%)	394062,3 (4295,3 км ²)

Как видим, земли поселений составляли 30,1% всей территории современной КЧР, уступая по площади казенным землям.

Нетрудно заметить, что основная доля важнейших природных ресурсов (почти 67% лесов, 65% пашен и свыше 54% сенокосов), отведенных населенным пунктам, получили станции, где тогда проживало меньшинство населения данного региона (см. подробнее ниже). Такая диспропорция обуславливала напряженность, которая в условиях аграрных волнений начала XX в. и предреволюционной ситуации получала идеологическое оформление. В то же время наблюдалось уменьшение станичных земель на более чем 18 тыс. дес. по сравнению с 1876 г.

¹ Составлена нами по статистическим данным: КК на 1916 год. Отд. 2. С. 535-569 (Алфавитный список населенных мест Кубанской области).

На наш взгляд, эти сведения из «Кубанского Календаря» применительно к площади земель поселений иногородних, уступают по достоверности данным Городецкого, который специально занимался аграрной тематикой.

Добавим, что коллизии по земельным вопросам возникали также в отношениях между государством и поселениями. Так в 1897 г. фиксируется спор между селом иногородних Марухским и Управлением государственных имуществ о том, что казна захватила часть наделов селения из-за чего площадь юрта составляла лишь 31 тыс. дес. вместо положенных 61 тыс. дес.¹

Станичный надел считался «общим достоянием населяющего его казачества», которое в лице своего станичного общества устанавливало и регулировало порядок пользования этими землями. То же можно сказать о сельском и аульном общинном наделе².

Как отмечали дореволюционные исследователи Кубани, царское правительство «дало землю вообще войску, сказать яснее – обществу», но у казачьей элиты с самого начала наблюдалась тенденция к частному владению. Войсковое положение 1842 г., идя навстречу этим устремлениям, формально сохраняя общественный принцип владения войсковой землей, утвердило норму пожизненного владения жалованными наделами, а новым положением от 1870 г. вводилось потомственное владение на такие наделы. Эти частные казачьи земли, как отмечал Ф.А. Щербина (1883 г.), переходили «в руки других владельцев неказаков, свивших на этих когда-то войсковых землях прочное гнездо кулачества»³. Речь идет о переходе казачьей земли в руки оборотистых иногородних крестьян и купцов.

«Положение о заселении предгорий...» (1862 г.) предусматривало, что «войсковые земли, оставшиеся свободными за наделом станиц и за удовлетворением общественных надобностей», выставляются «для продажи в част-

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1061 Л. 45-45об.

² Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия на Северном Кавказе в связи с деятельностью крестьянского поземельного банка. Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 458, 482.

³ Щербина Ф.А. История земельной собственности у казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 103, 107-108.

ную собственность и для отдачи в оброчное содержание» (в аренду). Хотя приоритет закреплялся за казаками, но предусматривалась – «в случае недостатка их» – реализация этих земель представителям «*всех других сословий*». По определению Щербины, данная норма давала новый импульс к вытеснению войсковой собственности общинным (юртовым) и частным землевладением¹.

В пореформенный период получило развитие *корпоративное* землевладение. Здесь особую категорию составляли угодья, находившиеся в собственности *крестьянских земельных товариществ* (КЗТ). В конце XIX в. в регионе появилось *монастырское* землевладение. Так, в собственность Свято-Александро-Невской Зеленчукской пустыни было отведено 180 дес., а, позднее, его земельная площадь была увеличена до 557 десятин². Другой участок был передан Спасо-Преображенскому женскому монастырю.

Определенную эволюцию в ходе реформ претерпело *частное* землевладение. Процесс его появления на территории Верхней Кубани начался, в основном, после окончания Кавказской войны. Изначально *помещичье* землевладение (в первую очередь – дворянское) формировалось за счет пожалований за заслуги перед правительством и предоставления земельных участков офицерам и чиновникам казачьих войск вместо денежных пенсий. Процесс оформления таких «пенсионных» участков ускорился с принятием «Положения об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск земельными участками в потомственную собственность» от 23.04.1870 г.³ Реально оно стало претворяться в жизнь с 24.09.1874 г. с утверждением первого проекта распределения земель ККВ на наделы. В 1876 г. на Кубани русским дворянам было пожаловано 213,9 тыс. дес.; в том же году был составлен и список 28 «почет-

---

¹ Щербина Ф.А. История земельной собственности у казаков... С. 115-116.

² Плотников В., Логвиненко Л. Александро-Невский Зеленчукский монастырь... С. 14-15, 22, 24, 33, 34-37, 43.

³ КСК на 1891 год. Отд. 2. С. 279-280.

ных туземцев» области, то есть представителей горской знати, которым пожаловали 55,9 тыс. дес.¹

В 1869-70 гг. в итоге землеустроительных работ в Баталпашинском отделе шесть крупных сановников получили 23,7 тыс. дес. земли, причем «величина надела земли зависела от социального происхождения и занимаемой должности»; также были пожалованы угодья горской элите, получившей около 70 тыс. дес. земли². Большая часть последней находилась в пределах территории современной КЧР. Из них к концу 1875 г. на пространстве Верхней Кубани от р. Эрсакона на севере до р. Хумары на юге был отмежеван 101 участок площадью *около 41 тыс. десятин*, пожалованных князьям, офицерам и чиновникам «туземцев» (абазин, карачаевцев, ногайцев, черкесов). В их числе упоминаются участки: на левобережье р. Эрсакона – 8 (2561,8 д.); на правобережье Большого Зеленчука у а. Мансуровского – 13 (3995,7 д.); на правобережье Большого Зеленчука между аулами Мансуровским и Атажукинским – 14 (11528,8 д.); на левобережье Кубани, напротив аулов Мансуровского и Тохтамышевского – 6 (2650,6 д.); на левобережье Кубани между станицами Баталпашинской и Усть-Джегутинской – 5 (8639,2 д.); около горы Джангур – 3 (1033,5 д.); на правобережье р. Марухи (выше с. Эстонского) – 11 (2222,7 д.); на левобережье р. Эльтаркач – 6 (2194,6 д.); на правобережье «Махичалы» – 6 (1173,7 д.); левобережье р. Терс-Аккана и Кумы – 6 (1665,2); в верховьях рр. Эльтаркач, «Махучу» и Джаганас – 10 (1043 д.); в верховьях рр. Хумары и Шубшурука (при водораздельном хребте между верховьями этих речек от рр. Джегуты и Тамчы) – 13 (2210 д.)³.

---

¹ Чикаева К.С. Дворянское землевладение на Северном Кавказе в 1861-1917 гг. // Научный журнал КубГАУ. Сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2013. № 93(09). С. 2-3, 13. URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/58.pdf> (дата обращения: 11.04.2017).

² Щербухова Ф.Х. Земельный вопрос и земельные отношения у северо-западных адыгов после окончания Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 708.

³ Памятная книжка Кубанской области на 1876 г. Отд. 2. С. 112-115.

Лучшие пастбищные угодья в Тебердинской долине (около 8 тыс. дес.), а также земли на Урупке (3 тыс. дес.) получили князь Андроников и его наследники¹.

Однако служилое дворянство, как военное, так и гражданское, объективно было ограничено в возможностях заниматься полноценной хозяйственной деятельностью, в особенности – предпринимательством. С отменой крепостного права, лишившей дворян трудовых рук, положение их дел в этом плане резко ухудшилось. Поэтому значительная часть земельных жалований их владельцами (в особенности теми, которые проживали вне Кавказа) активно распродавалась. В свое время Б.М. Городецкий обращал внимание на то, что главным объектом купли-продажи земель на Северном Кавказе являлись «так называемые офицерские участки, то есть отведенные взамен пенсии по положению 1870 г. офицерам и чиновникам казачьих войск»².

Как отмечала северокавказская пресса в августе 1889 г., только за предшествующие три-четыре года на Кубани было продано *свыше 100 тыс. дес.* частных земель, причем около трети из них «перешли в руки не земледельцев». На продажу выставлялось немало угодий, заложенных банкам под кредиты и ссуды. В числе таких неисправных заёмщиков государственного Дворянского земельного банка оказались владельцы из Баталпашинского отдела, чьи заложенные земли были выставлены на продажу в апреле 1898 г. В качестве таких должников оказались С.А. Колобова (более 15,5 тыс. дес.), Полежаевы, Краморенко, Вужбецкая (свыше 300 дес.). Новый импульс к продаже имений дали кризисные явления периода Первой мировой войны – падение поголовья рабочего скота, сокращение производства и поставок сельхозтехники, нехватка трудовых ресурсов вследствие мобилизации, призыв на фронт самих землевладельцев-офицеров и т.д.³

---

¹ Невская В.П. Реформы 60-70-х годов XIX в. // Очерки истории Карачаево-Черкессии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 411.

² Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия... С. 437.

³ Чикаева К.С. Дворянское землевладение на Северном Кавказе в 1861-1917 гг. // Научный журнал КубГАУ. Сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. №93(09), 2013. С.4-8, 13-14. URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/58.pdf> (дата обращения: 11.04.2017).

Исследователями неоднократно отмечалось, что продававшиеся таким образом участки покупали крестьяне и крестьянские товарищества (обращавшиеся к Крестьянскому банку), мещане, купцы и другие категории *иностранного* населения. Случалось, что иногородние приобретали даже те частные казачьи земли, которые не имели права официально приобретать¹.

В своем докладе перед членами Общества любителей истории Кубанской области (1913 г.) Л.М. Бобырь-Бухановский отмечал «поразительную дифференциацию» у хозяйств иностранного населения, которой (в силу уравнительного принципа) не было у казаков. Он обозначал два периода заметного перераспределения земельной собственности в Кубанской области. Первый – в XIX в., когда имели место редкие случаи продаж земли «разорившимися казачьими магнатами», причем участки *«почти целиком переходили в одни руки – чаще в руки крестьянина с тугой мошной»*. Второй период – «с 1900 г. и особенно после 1905 г.», когда земля покупалась, в основном, *крестьянскими товариществами* при содействии Крестьянского Банка².

Крестьянское землевладение, включавшее угодья крестьянских населенных пунктов (сел, поселков, хуторов), товариществ, частных лиц, по словам Городецкого, тогда составляло большую часть (50,9%) площади земель Баталпашинского отдела. Оно включало и формировалось тремя путями:

- 1) наделение государством земель поселений из казенных и войсковых земельных фондов;
- 2) покупка при содействии Крестьянского Поземельного Банка земель крестьянскими товариществами и частными лицами;
- 3) самостоятельное (без участия государства и банка) приобретение земли «на наличные деньги»³.

Следует отметить, что многие представители горской элиты (князья, дворяне, офицеры, чиновники и др.), получившие от правительства земель-

---

¹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 3018. Л. 17-18.

² Бобырь-Бухановский Л.М. Условия развития... С. 239.

³ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия на Северном Кавказе... С. 486, 495.

ные пожалования, также постепенно избавлялись от угодий. Это было, в основном, связано со всё той же отменой крепостного права, а также со слабой адаптацией старой элиты к динамичным реалиям капиталистического общества. Так, купец Саламатин скупил у горских владельцев по Большому Зеленчуку 2,5 тыс. дес.¹; из упоминавшихся выше угодий на р. Марухе горские владельцы распродали около 37% упомянутых угодий, а князья Дударуковы, имевшие 1932 дес. (1875 г.), остались лишь с 106 дес. (1910)², то есть уменьшили свои землевладения в 18 раз.

Бизнес, как известно, определяет приоритетом неуклонное увеличение прибыли, действуя в этом направлении в любом доступном месте без этнических и религиозных предубеждений. Поэтому, в начале XX в. никого не удивлял тот факт, что, например, на территории 12-ти *мусульманских* селений мы видим земельные владения представителей свыше трех десятков фамилий землевладельцев *христианского* исповедания, в основном – русских и украинцев иногороднего происхождения. По состоянию на 1910 г. в руках последних находилось около 26,7 тыс. дес. удобной земли, из которых 67% (около 17,9 тыс. дес.) располагалось в границах аулов *плоскостной зоны*. В них отмечены участки следующих лиц (в скобках указана площадь в десятинах):

а) ногайские аулы: *Ураковский* – Ф.К. Евсеев (500), П.В. Литвинов (559,5); *Мансуровский* – Мамонтовы Е.Т., И.В., Т.В. (1512,7); *Тохтамышевский* – А.А. Назаров (26), Тарасовы Александр, Гавриил, Михаил Аслановичи и Николай Лазаревич (1288), Шиян Михаил, Федор, Яков Петровичи (645,1);

б) абазинские аулы: *Дударуковский* – Н.Н. Барабаш (3308,5), Д.И. Синеоков (2170,25); *Кувинский* – Е.П. Шевцова (191); *Шахгиреевский* – В.А. и М.А. Саломатины (2800), Меснянкины – Иван, Андрей, Александр, Дмитрий Михайловичи (2090,6);

---

¹ Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии... С. 192.

² Памятная книжка Кубанской области на 1876 г. Отд. 2. С. 112-115; Кубано-Черноморский землевладельческий сборник / Сост. В.С. Сазонов. Екатеринодар, 1910. С. 182, 189.

в) черкесский аул *Эрсаконский* – И.А. Баранов (168,75), В.Т. Мазаев (2474,25), В.И. Марцинкевич (15), Ф.Я. Савранский (315,5), А.Ф. Макеев (30).

Остальные частные угодья находились в юртах горских селений, располагавшихся по берегам рек в предгорной зоне: аулы *Бибердовский* – А. Шульц (700); *Лоовско-Кубанский* – А.М. Наумов (200); *Кумско-Лоовский* – К.К. и А.А. Акимовы и Э. Грузиненко (200), Н.И. Джумайло (100), Е.Х. Каракашев (200), И.М. Каракуркчи (1450), К.В. Хавшанова (630), С.Д. Шахназаров (155), А.П. Ивкова (270), Н.А. Даркин (100), А.В. Кириллов (301,5), П.П. Колодий (301); *Клычевский* – Тарасовы Александр, Лазарь, Гавриил, Михаил Аслановичи (2162,75), А.Н. Стоялов (1484); *Джегутинский* – И.З. Тарабанов (60), З.Е. Тарабанов (212)¹. Все эти аулы, кроме последнего (карачаевского) абазинские.

Нетрудно заметить, что почти 80% указанных площадей находилось в собственности 9-ти фамилий, каждая из которых имела здесь от 1,4 до 3,3 тыс. дес. Здесь мы имеем дело, в основном, с *купеческими латифундиями*. Большинство этих хозяев принадлежало к числу иногородних (купеческих, крестьянских по происхождению) кланов. Некоторые относились к кругу крупнейших аграрных магнатов Юга России – Мазаевы, Николенко, Тарасовы, Меснянкины и др.

По определению современных исследователей, к числу *кулацких* на равнинах Северного Кавказа (в частности, в Ставрополье) до революции относились семьи, сосредоточившие в своих руках крупные участки земель – до 150-200 десятин². Для Верхней Кубани с её дефицитом годных для земледелия угодий, эти критерии, на наш взгляд, нужно корректировать, уменьшив площадь в 3-4 раза. Поэтому не будет большой ошибкой полагать, что почти все перечисленные выше землевладельцы являлись кулаками, а наиболее крупные из них – типичными латифундистами. В целом, к моменту падения монархии на территории региона сохранялось немало представителей оли-

¹ Кубано-Черноморский землевладельческий сборник. Сост. В.С. Сазонов. Екатеринодар, 1910. С. 182-190.

² Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне... С. 28.

гархии, которые приумножали свои владения и расширяли свое экономическое могущество. При этом бедная часть иногородних оставалась самой обездоленной в земельном вопросе. Средний надел крестьянских поселенцев, даже имевших оседлость, редко превышал 0,1 десятины земли на семью¹.

Землепользование включает в себя ряд аспектов, в том числе *социальный* (обработка земли личным трудом, наёмным работником, батраком лично зависимым лицом – рабом, крепостным), *правовой* (пользование частное (неограниченное), арендное, срочное/бессрочное, безвозмездное и т.д.), *хозяйственный* (использование земли под полеводство, садоводство, скотоводство и т.д.), *технический* (обработка земли ручная/машинная, индивидуальная/групповая, эпизодическая/систематическая, весенняя/осенняя и др.; пользование сплошное/чересполосное).

В практике хозяйственно-правовых взаимоотношений на Кубани бытовали разные формы *аренды* земельных угодий – *единоличная* (в основном, состоятельные крестьяне) и *коллективная*, она же – артельная, «компанейская» (преимущественно, середняки и бедняки). При этом, арендная плата могла иметь как *денежную*, так и *натуральную* (часть урожая) формы².

Кубанская администрация понимала необходимость поддержки невоинских категорий населения для нужд развития регионального животноводства, поэтому обращалась к вышестоящим инстанциям с ходатайствами о допуске местного населения к государственным земельным ресурсам. Согласно правилам пользования казенными землями Кубанской области, утвержденным наместником на Кавказе 11.03.1867 г., устанавливался следующий ежегодный тариф за право пастыбы скоты и сенокосения на этих землях:

- *Зеленчукского, Лабинского и Урупского округов*: за голову КРС – 15 коп., мелкого скота – 4;

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 747. Л. 7-47.

² Савельев В.А. О поземельных отношениях крестьянства и казачества на Дону и Кубани в начале XX в. // Вопросы истории Поурупья / Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища как памятника средневековой археологии и церковной архитектуры. Армавир-Отрадная, 2012. Вып. I. С. 177-181.

- *Эльборусского* округа: а) на летних пастбищах: за голову КРС – 5 коп., мелкого скота – 1; б) на местах зимовки: за голову КРС – 10 коп., мелкого скота – 2.

Такие же расценки устанавливались для земель на пространстве *между казачьими станицами и Главным Кавказским хребтом* (ГКХ).

Размер платы за сенокос составлял: за один стог – от 2 до 3 руб. («смотря по урожаю трав») или от 3 до 5 руб. «от косца, смотря по урожаю». За распашку на землях указанных округов арендаторы уплачивали за десятину: целины – 3 руб., второй посев – 1,5 руб., третий и последующие – 75 коп. В два раза меньше этих сумм уплачивалось на казенных землях между казачьими станицами и ГКХ. Такая аренда предусматривала получение «билетов за право пользования землею», которые выдавались в административных центрах округов – Эльборусского (ст. Верхне-Николаевская), Зеленчукского («на р. Малый Зеленчук против ст. Баталпашинской»), Урупского (Армавир), Лабинского (ст. Лабинская).

Самовольное пользование казенными землями влекло за собой штраф в двойном от суммы аренды (помимо взыскания самой платы). Недобросовестные плательщики подлежали санкциям согласно Своду законов Российской империи (статьи 286, 289, 427 и 485 ч. II т. XII)¹.

Один из самых талантливых руководителей Кубани – генерал-лейтенант Малама, отмечая упадок коневодства в области, указывал на его причину – нехватка пастбищных угодий под коневодческие хозяйства. Для преодоления этого в 1890-е гг. он просил Главное управление казачьих войск сдавать свободные казенные земли Кубани частным коневодам на условиях льготной аренды. Но в ответ начальство разъяснило, что на такие земли не следует рассчитывать ни иногородним, ни горцам².

---

¹ Правила о размере платы за пользование казенными землями Кубанской области // КВВ. Екатеринодар, 13 мая 1867. № 18. С. 2.

² Цит. по: Бесленев А.Д. Скотоводство горцев Кубанской области... С. 6-7.

Действовавшие до революции законы империи ограничивали право приобретения земель в частную собственность на территориях казачьих войск лишь кругом лиц войскового сословия. *«Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России»*, утвержденное решением Александра II от 10.05.1862 г. затрагивало земельный аспект отношений казаков и иногородних. Документ запрещал отчуждать частную землю «лицам, не принадлежащим к войсковому сословию», то есть иногородним (§72-77), но – для экономического развития – разрешал некоторым из них («купцам, фабрикантам и другим промышленникам») получать в арендное пользование казачьи земли для постройки торговых и промышленных сооружений. Данное право реализовывалось с дозволения войскового правления и при условии внесения пользователем арендной, так называемой посаженной, платы за землю под постройками /§84/¹.

Такое право за иногородними было расширено законом *«О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск»* от 29.04.1868 г. Все иногородние (не только промышленники) получали право, не спрашивая согласия казачьих властей, приобретать в собственность «дома и всякого рода строения», стоящие на казачьих – войсковых, станичных, городских – землях. Иногородний имел право возводить и новые постройки на взятой в пользование казачьей земле: на частной – с разрешения частного землевладельца (п. 4), на войсковой – с согласия соответствующих казачьих властей (войсковой, станичной и др.). В последнем случае земля под такими постройками оставалась в собственности казачества (войска, станицы и т.п.) и поступала лишь в бессрочное пользование приобретателя, который обязан был ежегодно вносить в казачью казну посаженную плату (п.1). От такой платы освобождались лишь священники «не войскового происхождения», их вдовы и «сироты их

---

¹ Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. СПб., 1862. С. 1-63.

до совершеннолетия» (п. 7). Предельный размер посаженной платы устанавливался в 5 копеек с квадратной сажени (120 руб. с одной десятины). Но при этом допускалось, что для отдельных местностей, имеющих в плане особой выгоды исключительное положение «в торговом или промышленном отношении» особым выгодам, такая сумма может быть увеличена, правда, обязательно «в законодательном порядке, по предварительном рассмотрении дела в Военном Совете» (п. 6). Данный акт определил, что в отношении посаженной платы «все местности в казачьих войсках» проходят разбивку на разряды, «сообразно с развитием местной торговли и промышленности». Сумма такой платы, утверждалась на 5-летний срок решением Военного Совета по представлению атаманов казачьих войск. В канун истечения такого срока в военное министерство вносился новый проект «на следующее пятилетие» (п. 5). Иногородним, имевшим оседлость, для пастьбы собственного домашнего скота предоставлялось право пользования общим (станичным) выгоном (п. 2)¹.

Уместно заметить, что ещё в августе 1870 г. Александром II было сделано исключение, согласно которому иногородние одного из казачьих районов Кубани, приобретшие земли покупкой или наследованием, получали их «в полную потомственную собственность», а не в пользование.² Этот удачный опыт, возможно, мог быть позднее географически расширен, однако в ходе контрреформ (1883 г.) и это исключение было отменено «высочайшим» решением нового царя³.

В ходе контрреформ власть пошла на ужесточение положения иногородних. Если по закону 1868 г. (п. 1) посаженная плата взималась лишь за земельные участки «под строениями», то по новой трактовке, данной разъяснением ГУКВ и приказами начальника Кубанской области (от 30.04.1892 за №2 и от 22.03.1893 за №32) иногородним предписывалось уплачивать по-

---

¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLIII. Отделение 1. СПб., 1868. С. 473-474.

² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLIII. Отделение 2. СПб., 1874. С. 192.

³ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1884. Т. XIX. С. 171-172.

саженную плату за «всю площадь земли, занятую жилыми и другими постройками, двором, огородом и садом, т.е. [за] всю землю которая составляет плановое место»¹. Характер этого давления хорошо иллюстрируется следующими данными по росту тарифов такой платы (в расчете на 1 кв. сажень) (см. таблицу 13).

Таблица 13 – Стоимость посаженной платы²

	1878	1889
1 разряд	3 коп.	5 коп.
2 разряд	2 коп.	4 коп.
3 разряд	1 коп.	3 коп.

Эти безобидные на первый взгляд «копеечные суммы» влекли за собой, можно сказать, поистине грабительские ставки: даже при расчете 1 коп. с кв. сажени иногородний должен был за 1 десятину ежегодно платить 24 рубля, то есть. *стоимость 1 дойной коровы или 5-ти «хороших рослых баранов»* согласно северокавказским ценам 1890-х гг.³.

Ещё тогдашними исследователями отмечалось, что такая плата превышала любую, даже самую высокую ставку арендных тарифов на огородные земли последней трети XIX в. По сути, в период реакции посаженная плата (не имевшая по своим размерам аналогов «по всей России») становилась «как бы замаскированным средством лишить уже оседлых иногородних прав владения, заставить их поскорее уйти» под угрозой разорения⁴.

В период реакции Александра III имели место также правовые притеснения иногородних, касавшиеся их возможностей пользования станичными землями. Так, если Положение 1862 г. (§113) давало иногородним бесплатно пользоваться общим выгоном для собственного скота до 15 голов крупного и

¹ КСК на 1894 год. Отд. II. С. 113.

² Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. 6. С. 80, 112; Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 38, 42-43.

³ Леонтьев И. Поездка к Баксанскому леднику // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 140.

⁴ Мельников Л.М. Иногородние... С. 112, 113-114.

до 30 мелкого скота включительно¹, то предписанием Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе от 9.06.1886 (за №5599) это количество было уменьшено многократно – до 4-х голов крупного и 6-ти голов мелкого скота. Добавим, что, согласно приказу начальника Кубанской области от 28.04.1892 г., право на такой выпас иногородние, не имевшие оседлости, могли получить лишь с согласия станичной общины².

Согласно «высочайше» утвержденным 13.05.1883 г. дополнениям к упомянутому закону 1868 г., иногородние не могли безвозмездно пользоваться сенокосными угодьями тех станиц, в которых имеют оседлость. Они могли приобретать такое право (а также пользоваться «станичными пастбищными местами с промышленной целью») лишь за плату – и то, при согласии станичной общины³.

Основываясь на том, что бедные казаки на Кубани «делаются батраками у казаков-мироедов и у кулаков иногородних» (как видим, понятие *кулак* – дореволюционного происхождения), с июля 1888 г. было запрещено делить станичные юрты на пай для сдачи в аренду неказакам. В приказе по Кавказским казачьим войскам от 11.08.1889 за №255 прямо говорилось, что службе казаков, якобы, приносит ущерб то, что они сдают в аренду свои земли «большой частью кулакам-иногородним»; во избежание «обезземеливания и нищеты» казачества предписывалось сенокосные и пахотные земли не сдавать «в долгосрочную аренду иногородним»⁴. Таким образом, принимались все меры к тому, чтобы казачьи угодья не поступали в рыночный оборот и продолжали находиться на правах общинного пользования.

Своим циркуляром от 5.03.1889 г. (№ 5746) начальник области предписал взыскивать с иногородних задолженности: по уплате за выпас (на ста-

---

¹ Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. СПб., 1862. С. 1-63.

² КСК на 1894 год. Отд. II. С. 111-112.

³ КСК на 1891 год. Отд. II. С. 287.

⁴ КСК на 1891 год. Отд. II. С. 283-285.

ничных выгонах скота сверх установленного лимита поголовья) в *судебном* порядке, а по посаженной плате – в *административном* порядке¹.

Как подметил Л.М. Мельников, применение стеснительных для иногородних норм на Кубани «было в значительной мере смягчено на практике». Например, в плане посаженной платы казачество на местах «проявило чрезвычайно большую снисходительность, подолгу не определяя и не взыскивая её»; на лугах казачьих станиц поначалу пасли свой скот даже иногородние, не имевшие здесь оседлости². Это объяснялось тем, что в казачьей среде была велика потребность в массе иногородних. Казакам, которые были «сплошь и рядом лишены возможности обрабатывать свою землю» из-за нагрузок по выполнению воинской повинности, было выгодно сдавать эту землю в аренду иногородним, чем оставлять её пустопорожней³.

Правовые ограничения и фискальные нагрузки мотивировали у иногородних Кубани *увеличение площади арендуемых земель*, позволявшее, за вычетом поборов, получать доход, достаточный «для удовлетворения хотя бы главных потребностей семьи»⁴.

Согласно изменениям положения от 3.06.1891 г., казаки имели право сдавать свои земельные паи в аренду иногородним на срок не более 1 года. Однако фактически реальный срок аренды доходил до 8 лет, причем арендаторы круглогодично проживали на этих землях хуторами. Областное начальство увидело опасность в своеволии казаков, заявляя, что хуторяне-арендаторы живут «вне всякого контроля со стороны местных станичных властей», якобы «укрывая у себя коно- и скотокрадов и передерживая уворованное». Своим циркуляром от 30.06.1900 г. за № 26624 начальник Кубанской области запретил иногородним жить на арендованных наделах свыше времени летних полевых работ, а также потребовал выполнять старый запрет казакам отдавать иногородним в аренду свои паевые наделы на срок более 1

---

¹ КСК на 1894 год. Отд. II. С. 289-290.

² Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области... С. 81, 82.

³ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение... С. 47-48.

⁴ Там же. С. 38, 42-43.

года¹. В 1897 г. начальник Кубанской области распространил правило, согласно которому участки могли сдаваться в аренду иногородним только на один год, и на собственников из среды горцев².

Порядок арендных отношений между казаками и иногородними регулировался позднее и нормами «Положения об отдаче в аренду земельных оброчных статей Кубанского казачьего войска под распашку, сенокосение и покос» от 16.06.1906 г. Данный акт устанавливал, что войсковые земли могли предоставляться в аренду сельским обществам, товариществам и частным лицам не войскового сословия (п. 10) с условием двухразовой оплаты в год (п. 19). В случае изъятия этих земель под войсковые и прочие нужды, арендатор получал возмещение (п. 28)³.

Для иногородних одним из больших препятствий к долгосрочному планированию хозяйственной деятельности на земле, арендованной у отдельных казаков и станиц, было то, что аренда ограничивалась небольшими сроками: 1 год – казачьи паевые земли, 6 лет – юртовые угодья станиц⁴.

Правда, *запасные* войсковые земли можно было сдавать под гораздо большее время. По закону от 21.04.1869 г. устанавливалось, что войсковые запасные земли могли быть сдаваемы в аренду частным лицам, в том числе: полевые угодья – до 12-ти лет, а участки под огороды, сады, каменоломни, пчеловодство и т.п. – не более 21 года. Лишь с разрешения царя позволялось сдавать на срок до 99-ти лет земельные участки под промышленные предприятия фабрики, заводы и т.д. (ст. 21-я)⁵. Однако площадь запасных земель как в Баталпашинском, так и в других отделах была ограничена.

Прецедент покупки войсковой земли иногородними фиксируется в Кубанской области в период столыпинских реформ. Он был связан с тем, что часть нагорной полосы между реками Малая Лаба и Афипс царским указом от 28.12.1889 г. была пожалована «в вечную собственность» ККВ, но не учи-

¹ КК на 1901 год. С. 281-282.

² ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 943. Л. 34.

³ Кубанский календарь на 1908 год. Приложение № 1. С. 1-5.

⁴ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних... С. 27-28.

⁵ О поземельном устройстве станиц и войсковых запасных землях // КСК на 1891 год. Отд. II. С. 271-276.

тывала права проживавших там с 1860-70-х гг. «иногородних поселенцев». Для разрешения данной коллизии, имперский Совет министров предложил Николаю II разрешить иногородним покупку у ККВ той земли, на которых они проживают (при ссудном содействии Крестьянского банка). Царь одобрил предложение 16 мая 1909 г., что отражено в записи особого журнала Совмина «О землеустройстве иногородних поселенцев Нагорной полосы Кубанской области и о вознаграждении Кубанского казачьего войска за отводимые им земли»¹.

Важным компонентом земельных отношений выступала организация использования земли – *землеустройство*, включающее ряд аспектов. В числе последних – *правовой* аспект, связанный с закреплением границ участков и прав на них, установлением режима (в том числе охранного) пользования участками и контролем за ним, ведением учета земельных фондов и т.д. *Социально-экономический* аспект мог включать такие мероприятия как, например, наделение землей малоимущих категорий населения, стимулирование освоения окраинных территорий через выделение участков и льготы при хозяйствовании на них и т.д. *Технологический* аспект включал такие элементы как геодезическая съемка, межевание, нарезка участков на местах и т.д.²

В ходе столыпинских реформ законом регулировались два вида землеустройства – групповое и единоличное. К первому относился выдел группы землевладельцев в поселок, ко второму – выдел отдельного домохозяина из общины в хутор или отруб³. Поясним, что при образовании хутора усадьба переносится из деревни на обособленный участок, а при создании отруба – остаётся в деревне.

Следует отметить, что сразу после Кавказской войны на Кубани стало разрастаться число *хуторских хозяйств*, что было связано с естественным

¹ Особый журнал совета министров. 14 Апреля 1909 года. О землеустройстве иногородних поселенцев Нагорной полосы Кубанской области и о вознаграждении Кубанского казачьего войска за отводимые им земли <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/25114-osobyi-zhurnal-soveta-ministrov-14-aprelya-1909-goda-o-zemleustroystve-inogorodnih-poselentsev-nagornoj-polosy-kubanskoj-oblasti-i-o-voznagrazhdenii-kubanskogo-kazachiego-voyska-za-otvodimye-im-zemli#mode/inspect> (дата обращения: 14.08.2018).

² Барсукова Г.Н., Юрченко К.А., Радчевский Н.М. История... С. 16-19.

³ Там же. С. 212-213.

стремлением к индивидуализации собственности. Однако наказный атаман ККВ генерал Сумароков-Эльстон, обеспокоенный расширением хуторского движения в казачьей среде, издал приказ от 1507.1868 г. за №2019, которым, «находя вредным... самовольное размножение хуторов», запретил казакам выселяться в хутора «без особого на то разрешения Окружных Сыскных начальств и Полковых Правлений»¹.

Данный запрет не касался иногороднего населения, которое в 1870-80-е гг. стало создавать хутора, например, в низовьях Большого Зеленчука (Дубянский, Киево-Жураковский, Лезагубовский и др.²). Вскоре к выделению в собственные хутора вернулось и местное казачество, запрет с которого был снят. Так, в 1882 г. на *общинных (юртовых) землях* станицы Баталпашинской фиксируется несколько десятков мелких хуторков, в основной массе – с казачьим населением. Но здесь же фиксируются и хутора *с иногородним* населением:

- на правом берегу Кубани: коллежского регистратора Рязанцева и хорунжего Фисенкова (по 1 дому, по 3 чел. и по 1 водяной мукомольной мельнице в каждом);

- на левобережье р. Абазинки, правого притока р. Кубани: хутора генерал-майора Никитина (1 дом, 6 чел.) и некоего Попова (1 дом и 2 чел.);

- у Соляных озёр: барона Фитингофа (2 дома, 9 чел.).

На землях юрта станицы Усть-Джегутинской также имелся хутор с иногородними, находившийся на участке церковного причта на правом берегу р. Джалги (4 дома, 22 чел., малороссы). В пределах общинных земель аула Хумара, на правом берегу Кубани располагался хутор губернского секретаря Утякова, руками рабочих-иногородних разрабатывавшего каменно-угольные копи (16 домов, 36 чел.).

На землях *частного владения* мы видим также 15 иногородних хуторов и 3 – смешанных (казачье-иногородних). Они располагались:

---

¹ КВВ. Екатеринодар, 27 июля 1868. № 29. С. 1.

² Михайлов И.В. Населенные пункты... С. 50, 52, 59, 75, 81, 114, 139, 146, 153, 164.

- по р. Абазинке: хорунжего Таранова (5 домов, 68 чел., малороссы), жены сотника Жукова (3 дома, 13 чел., малороссы), жены хорунжего Ларионова (4 дома, 7 чел., турки; табачная плантация), сотника Штаньки по (6 домов, 33 чел., малороссы);

- по р. Овечке: сотника Морозова (7 домов, 59 чел.), коллежского регистратора Подсвинова (3 дома, 14 чел.), жены сотника Фостикова (6 домов, 33 чел.), войскового старшины Фисенкова (3 дома, 22 чел.), хорунжего Фисенкова (1 дом, 3 чел.), генерал-майора Фисенкова (1 дом, 5 чел.), войскового старшины Крамарова (10 домов, 39 чел.); хорунжего Косякина (9 домов, 43 чел.), есаула Косякина (10 домов, 56 чел.) жены сотника Косякина (6 домов, 39 чел.), есаула Соколова (9 домов, 36 чел.), жены есаула Соколова (8 домов, 32 чел.).

Смешанные хутора с полным преобладанием иногородних располагались:

- по р. Абазинке: войсковых старшин Валуйского (1 дом, 13 чел., в том числе 3 казака; малороссы) и Даркина (3 дома, 15 чел., в том числе 13 иногородних);

- на р. Овечке: генерал-майора Кравцова (3 дома, 4 казака, 36 иногородних);

- по р. Кефару: хорунжего Бруснева (1 дом., 5 чел., в том числе 3 иногородних)¹.

Хутора иногородних создавались и на частных землях лиц невойскового сословия, в том числе горцев, на участках, часть которых приобреталась покупкой:

- смежных с юртом а. Дударуковского: по правобережью р. М. Зеленчука – на земле поручика Кечева (7 домов, 73 чел., из них 68 малороссов), по левобережью р. Кубани – на землях прапорщика Абаева (3 дома, 19 чел., из них 14 иногородних), поручика Дударукова (2 дома, 16 чел.), корнета Кагова (1 дом, 5 чел., малороссы);

---

¹ Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года / Сост. Е.Д. Фелицын // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1885. Т. VIII. № 5391-5805.

- смежных с юртом а. Ураковского: на земле капитана Евсева, купленной у Султана Алхас Гирея Жирикова на левобережье р. Кубани (6 домов, 22 чел., немцы-лютеране);

- смежных с юртом а. Тохтамышевского: на земле жены есаула Тамбо-та Темирова на правобережье М. Зеленчука (13 домов, 61 чел., малороссы);

- смежных с юртом а. Мансуровского: на земле Э. Марчанукова (6 домов, 39 чел.);

- смежных с юртом а. Эрсаконского: на земле братьев Джанибековых по правобережью Б. Зеленчука (2 дома, 13 чел., малороссы и немцы);

- смежных с юртом а. Шахгиреевского: по правобережью Б. Зеленчука - на земле купца Саламатина (4 дома, 23 чел.), жены полковника Дубяги (1 дом, 4 чел.)¹.

Как видим в 1882 г. в регионе Верхней Кубани фиксируется 37 иногородних хуторов, в которых насчитывалось 153 домов и проживало 920 чел. Общая численность их уступала числу жителей любой из 8-ми станиц рассматриваемого региона. В то же время, в самих этих станицах тогда проживало 3702 иногородних, в основной массе – имеющих оседлость.

Из приведенных данных видно, что некоторые прежние датировки (например, времени создания хуторов Краморовский и Косякинский из числа крестьян Воронежской губернии в 1908-1911 гг., а хутора капитана Евсева – в 1896 г.²) ошибочны и требуют корректировки.

Добавим, что хуторские поселения в картографии того времени отражались весьма слабо. Так, на одной из карт конца 1880-х гг. мы видим на территории станичного юрта Баталпашинской лишь 4 хутора (Погорелова, Церковный, Офицеров, Соленоозёрский) (см. рис.).

---

¹ Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года / Сост. Е.Д. Фелицын // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1885. Т. VIII. № 5391-5805.

² Михайлов И.В. Населенные пункты... С. 50-81, 114, 139-164.

В нагорной части региона известны и русские хутора долины Большого Зеленчука (х. Богословка, х. Латы)¹, но какими-либо полными сведениями и статистическими данными по ним мы пока не располагаем.

Рисунок 1 - Хутора в юрте ст. Баталпашиинской в 1889 г.²

Согласно официальному списку населенных пунктов Баталпашиинского отдела, по данным переписи 1917 г., на тот момент – как и в 1880-е гг. – наибольшее количество хуторов имелось на юртовой земле станицы *Баталпашиинской*, среди которых выделялись (в скобках указано количество хозяйств в каждом хуторе): Валуйский (28), Ларионова (1), Краморовский (18), Кудерский (7), Даркина (13), Жукова (15), Булавинова (16), Погореловский (13), М.Погорелова (2), Причтовый (6), Чернышева (17), Исаева (2).

На угодьях станицы *Исправной* располагалось 4 хутора – Немобова (2), Николенко (6), Агибалова (21), Школьный (16), а *Усть-Джегутинской* – три: Некрасовский (10), Пужаевский (4), Бочаровский (15).

Судя по тем же данным, под хутора по-прежнему сдавали свои земли и горские поселения, включая: а. *Абатовский (Эрсаконский)* – хутора Киевский (16) и Кайтуковский (7); а. *Кувинский* – хутора Бибердовский (35), Грушка (17), Школьный (11), а. *Ураковский* – хутор Евсеевский (8)³. Основная масса жителей этих поселений принадлежала к иногородним (например,

¹ Михайлов И.В. Населенные пункты... С. 26-34, 96- 98, 110, 115.

² Архангельский П.В. Карта Ставропольской епархии 1889 г. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/karty/0-189> (дата обращения: 03.03.2019).

³ Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области, по данным переписи 1917 года. Баталпашиинский отдел. <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/0-5> (Дата обращения: 22.05.2018).

на хуторе поручика Кячева, что близ а. Дударуковского, проживало лишь 5 коренных, а подавляющее большинство – 68 чел. – были иногородними, включая абазин и украинцев¹).

В то же время, список 1917 г. упускает из внимания целый ряд хуторов, которые мы попытались отразить на приводимой ниже карте-схеме.

Рисунок 2 - Хутора на 1917 год в северной части территории современной КЧР²

К моменту установления советской власти и несколько десятилетий после её утверждения в окрестностях Баталпашинской, по берегам рр. Кубани, Овечки, Абазинки имелось свыше 35-ти хуторов³.

Очевидная насыщенность данного района хуторами, на наш взгляд, легко объяснима. Они создавались в выгодной близости к административному, хозяйственному, финансовому и культурному центру Баталпашинского отдела, к тому же – крупнейшему населенному пункту Верхней Кубани. Здесь приобретали необходимые для жизнеобеспечения товары, технические средства, пополняли и обновляли семенной фонд своих хозяйств, на больших базарах сбывали собственную продукцию, обучали детей и т.д.

¹ Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии... С. 196.

² Рисунок составлен автором.

³ ГА КЧР. Ф. 347 Оп. 1 Д. 279. Л. 10-12, 124-125; Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1925. С. 486; Список населенных мест Армавирского округа Северо-Кавказского края / По предварительным итогам всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года. Армавир, 1927. С. 14-17.

Нетрудно также заметить и расположенность хуторов вдоль водных потоков, без которых, конечно, трудно представить успешную сельскохозяйственную деятельность – как в скотоводстве, так и в земледелии. Основная масса этих плоскостных хуторов арендовала и приобретала земельные угодья в целях развития полеводческих хозяйств.

Примечательно, что «старорежимные» наименования абсолютного большинства указанных на схеме хуторов сохранились до середины 1950-х гг.¹

В своё время Н.П. Огановский отмечал, что необходимыми условиями существования хуторских хозяйств является обязательный доступ к водным ресурсам, дорожные коммуникации и естественные кормовые угодья для содержания домашнего скота. Исследователь к виду землеустройства относил так называемую *коммасацію*, то есть переход от дробных, узких участков на широкие полосы (которые обретают прямоугольную форму, а «сеть полевых дорог открывает наиболее удобный и кратчайший доступ к каждой полосе»)².

Порядок отвода земель селеньям, выселкам и отрубам, разработки проектов землеустройства, разграничения земель, формирования состава, полномочий и деятельности землеустроительных комиссии и другие аспекты подробно регулировались нормами «Положения о землеустройстве» от 1911 г. с приложениями³.

Следует отметить, что значительная часть основных законодательных актов, принятых в рамках столыпинских реформ, в плане реализации тормозилась об особенности правового регулирования земельных отношений в казачьих областях Северного Кавказа. То же можно сказать и о политических реформах, начатых еще при Александре II и возобновленных в годы Первой Русской революции. Речь идет о равноправии имперских подданных, которое так не затронуло огромную массу в лице иногородних, о земских преобразо-

---

¹ ГА КЧР. Ф. 347. Оп. 1. Д. 279. Л. 124-125.

² Огановский Н.П. Очерки по экономической географии СССР (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам). Изд. 2-е. М., 1924. С. 123, 125.

³ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. СПб., 1914. С. 366-383.

ваниях, которые в своей основе не распространялись на Кубань и другие области с казачьим управлением, и т.д. Иначе говоря, Кубанская область была обойдена общими процессами зарождения гражданского общества; аграрный вопрос оставался здесь нерешенным, а в период Первой Мировой войны обострился из масштабного кризиса во всех его проявлениях – социальном и хозяйственном, правовом и политическом. Как представляется, именно данными факторами обуславливалось то, что русское и украинское крестьянство региона Верхней Кубани до революции таки и не смогло реализовать свой экономический потенциал.

2.4. Взаимосвязи иногородних с горским и казачьим населением

В процессе переселения на территорию современной Карачаево-Черкесии иногородние, естественным образом, расселялось по соседству с местным горским (адыгским, абазинским, карачаевским и ногайским) и казачьим населением. Как мы уже отметили выше, процесс взаимодействия между ними складывался далеко не просто. В силу ущемленного правового статуса, особенностей казачьего мировосприятия, расселения значительной части иногородних в станицах и других причин особенно не просто выстраивались взаимоотношения между ними и казаками. Тем не менее, иногороднее население не только сыграло свою роль в социально-экономическом развитии региона, но и в ходе интенсивных контактов с местным населением оказало на него определенное воздействие в экономическом, этнокультурном плане, одновременно само испытывая влияние горской и казачьей культур. Отметим, что данная тема, на наш взгляд, требует дополнительного серьезного исследования, в том числе по причине того, что, зачастую, межэтнические контакты русского и горского населения на территории современной

Карачаево-Черкесии, затрагивавшиеся в ряде работ, не вычленили собственно казаков и иногородних. Таким образом, в данном разделе нашей работы мы не претендуем на всесотроннее освещение данной темы, а лишь обозначим контуры данной проблематики.

Отметим, что иногородние после переселения в регион перенимали многие черты казачьего и горского быта, сложившийся уклад межкультурной коммуникации. В их домах, естественным образом, появлялась казачья и горская утварь, изделия из шерсти. Они были вовлечены в распространенный в регионе обычай куначества.

Однако в торгово-хозяйственной сфере иногородняя категория населения, зачастую, выступала в роли новатора.

Практически все исследователи интересующего нас периода второй половины XIX – начала XX в. и его современники единодушны в том, что иногородние заняли ведущие позиции в торговле региона. Это было связано во многом с тем, что и горцы, и казаки в описываемое время не рассматривали это занятие в качестве претижного и даже относились к нему с некоторым пренебрежением. Кроме того, значительная часть казаков не могла профессионально заниматься торговлей в силу занятости в хозяйстве и на военной службе. Однако торговые отношения выступали важной составляющей жизни общества, тем более в условиях наступления новой эпохи товарно-денежных отношений. Естественно, что в складывавшихся обстоятельствах эта сфера оказалась практически полностью в руках иногородних, зачастую, выступавших своеобразными посредниками в торгово-экономическом общении различных групп местного населения.

Можно отметить, что довольно активно в плане торговли проявляла себя еврейская община Верхней Кубани. Жителей поселка Джегонас можно было увидеть в то время практически во всех горских и казачьих селениях. Они не только приезжали время от времени на базары, ярмарки и т.п., но и открывали в населенных пунктах постоянные магазины (лавки). Например,

как, как отмечал Г. Чурсин в начале XX в., старики в Карачае «до сих поры считают это занятие (торговлю – С.К.) унизительным для мужчин», поэтому здесь «торговля в руках горских евреев Джегутинского поселка»¹.

Также традиционно большую активность в торговой сфере проявляли армяне. Они торговали мануфактурой практически во всех верхнекубанских станицах, некоторые из них имели в них мельницы. Н.З. Бедросов играл ведущую роль в торговле лесом в карачаевском ауле Джегутинском².

Как уже отмечалось выше, различными товарами, в том числе бакалеей и мануфактурой торговали в регионе также переселенцы из Грузии, находившиеся в статусе иногородних жителей. (Почти все они были уроженцами горного региона Рача). Среди них были Лобжанидзе (в Зеленчукской Исправной, Учкулане), Рехвиашвили, Гавашеашвили, Чегелишвили (в станице Усть-Джегутинской, аулах Учкулане, Хурзуке, Карт-Джурте, Тебердинском и Джегутинском)³.

Среди иногородних, особенно не обладавших большими земельными угодьями, стало широко распространяться отходничество. Они часто работали в горских аулах и казачьих станицах, при этом привнося в них некоторые новации.

Среди распространенной формы сезонного отходничества было сенокосение. По словам современников, в начале XX в. иногородние отходники зарабатывали «недурно» в качестве косарей, например, в Карачае, где их наём доходил до 100 руб. за покосный сезон. Здесь, помимо денежной оплаты, косари-поденщики получали и натуральное обеспечение – зерно, муку, мясо (из расчета: один баран на питание 1 косаря в течение 10-ти дней)⁴.

В среде иногородних сложилась целая прослойка мастеров деревообрабатывающих промыслов – «тростойбойщиков, бондарей, накольщиков, ко-

¹ Ч-ин. Г. Экономическая жизнь Карачая // Кавказ. Тифлис, 05 декабря 1900. № 322.

² Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год... С. 122, 125-126; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 64.

³ Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год... С. 89-151; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1908 год / Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону: Издание А.И.Тер-Абрамиана, 1908. С. 171-244; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год... С. 8-70.

⁴ Шаманов И.М. Развитие скотоводства в Карачае... С. 96.

лесников, драньщиков, пильщиков»¹. Эта сфера была во многом монополизирована ими. Среди казаков специалистов в этом деле практически не было, что, скорее всего, можно связать с военно-служилым характером этого сословия. Вследствие этого профессиональная деревообработка в станицах и аулах по большей части осуществлялась представителями иногородних. Как отмечал М.И. Борчевский в начале XX в., в регионе Верхней Кубани «все плотники, столяры, колесники, тележники – почти исключительно иногородние», а «на долю казаков остается тяжелая и невыгодная работа по вывозу необделанных лесных материалов»².

Данное обстоятельство естественным образом вело к тому, что мастера-деревообработчики стали оказывать влияние на архитектуру казачьих и горских домов и хозяйственных построек, их отделку и украшения. Как отмечал Л. Македонов, станица Зеленчукская от остальных станиц отличается «хорошими постройками, которые, однако, в большинстве, принадлежат иногородним»³. То есть, последние приносили архитектурно-строительные новации. От них они перенимались уже казачьим населением станиц.

Схожие процессы происходили и в горских районах. По имеющимся данным уроженец Камышенского уезда Саратовской губернии, колонист Конрат Крафт находился в Карачае в 1866 г. (то есть, практически сразу же после окончания Кавказской войны), где занимался плотницкой работой⁴. Как известно, русские мастера обучили горское население изготавливать кровельную дрань. При этом «производство кровельной драни в Карачае приобрело сразу товарный характер» благодаря большой сырьевой базе, её также широко использовали при строительстве высокогорных кошей и изготовлении ульев⁵. Представители русского населения, как иногородних, так и казаков, в конце XIX – начале XX в. также активно участвовали в строительстве

---

¹ Борчевский М.И. К вопросу об улучшении быта горных станиц Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 179-207.

² Там же.

³ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 97-99.

⁴ ГА КЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

⁵ Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С. 209-210.

домов нового, европейского типа в горских селениях. Такие постройки сооружались как в русском стиле, так и по заказам горцев, когда при строительстве вводились определенные новации, но сохранялись и традиционные, привычные элементы дома. Этот вид отходничества среди русского населения был в определенной степени популярен по причине не только хороших заработков (платили иногда даже больше, чем договаривались), но и потому, что «никто не помнил», чтобы, например, карачаевцы «когда-либо не заплатили за работу или в чем-либо обманули мастера»¹. Помимо самих домов нового типа у горцев в них стали появляться и печи (вместо традиционного очага), которые также, особенно на первом этапе, строили славянские мастера².

Довольно неожиданным, на наш взгляд, является факт позитивного влияния иногородних на скотоводческую отрасль казаков и горцев. И это несмотря на то, что последние, безусловно, обладали многовековыми, продуктивными традициями и навыками в этой сфере.

Основные процессы в животноводческой отрасли Верхней Кубани в период после окончания Кавказской войны были связаны с качественными изменениями в структуре породности регионального поголовья крупного и мелкого скота. В предгорной и степной частях региона скотоводческие хозяйства русского населения первыми перешли на наиболее продуктивные породы, ввозимые из регионов европейской части России и зарубежья. Их примеру вскоре последовали и скотоводы близлежащих плоскостных аулов, закупавшие в станицах и селах образцы ввозимых пород. В отличие от овцеводства, поголовье крупного рогатого скота (КРС) в нагорной зоне находилось в очевидном упадке вплоть до революции. С 1870-х гг. карачаевское население стало понемногу приобретать у русских крупный рогатый скот серой степной (черноморской) породы, которая оказалась менее восприимчива «к чуме рогатого скота» и более устойчива «в борьбе с этой болезнью»,

---

¹ Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С. 200-201.

² Там же. С. 207.

нежели местная горная порода¹. Она имела гораздо больший живой вес и давала больше молока, чем горский скот. Приобреталась она как отдельными хозяевами, так и аульными обществами и была популярна как в Черкесии, так и в Карачае, где к моменту падения монархии почти вытеснила местную породу скота². Но, в то же время, относительно разведения серо-степной породы высказывались и активные возражения. Князь Ислам Крымшамхалов, создававший в Теберде образцовую ферму и сырзавод, полагал, что этот скот, уступающий по жирности местной породе – 4,2% против 4,8%, для нагорья не годится. Он считал черноморскую породу «малоценной», в особенности – как молочный скот³. Начальник Кубанской области разделял такое мнение, отмечая в начале XX в., что по многим причинам, в том числе из-за «малой молочности и нескороспелости», по области идет сокращение поголовья этой породы⁴. По ряду обстоятельств часть скотоводческих хозяйств Карачая выбрала путь скрещивания соединяя лучшие качества – высокую удойность и силу «черноморцев» (*черномор кёкле*) с выносливостью и жирностью молока местной горной породы⁵.

Дореволюционный автор публикаций по животноводству Баталпашинского отдела ученый-ветеринар А.А. Атманских отмечал, что для развития продуктивного, высокомолочного хозяйства в Карачае местный скот не подходит, так как он «поздноспел, мелок, малопродуктивен и малоценен». Однако исследователь находил альтернативу как местной, так и серо-степной породе. Учитывая «топографические и климатические условия местности» нагорья, он полагал оптимальным разведение здесь швицкой горной породы⁶.

---

¹ Атманских А.А. Скотоводство в Карачае Кубанской области в связи с молочным хозяйством. СПб., 1910. С. 7-8.

² Шаманов И.М. Развитие скотоводства в Карачае в 19 - начале 20 вв. // Проблемы археологии и исторической этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 96; Невская В.П. Пореформенный период // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 438-445.

³ СЭПКРНКЧ. С. 183-186.

⁴ Кубанский календарь на 1905 год. С. 126.

⁵ Шаманов, И.М. Развитие скотоводства... С. 96; Невская В.П. Пореформенный период... С. 341.

⁶ Атманских А.А. Скотоводство в Карачае... С. 2-8.

Того же мнения придерживалось и кубанское начальство. В начале XX в. через систему областной ветеринарии верхнекубанские станицы Нагорной полосы активно снабжались «лучшими производителями, по преимуществу, швицкой породы». Отмечалось, что эта порода «легче переносить местный корм» и, по отзывам жителей станиц Кардоникской и Преградной, «где особенно» развивалось такое скотоводство, могло «культивироваться в горной полосе». Промышленник Мазнев из Преградной говорил, что «швицкий скот вообще хорош и на мясо, и на молоко; быки хороши к работе, нужно только запрягать не ранее, как по четвертому году, и давать отдых почаще»¹.

Как уже отмечалось, иногородние (36% населения Баталпашинского отдела), несмотря на объективные экономические сложности рубежа XIX-XX вв., имели в собственности половину поголовья тонкорунного овцеводства в рассматриваемом регионе. Для них эта сфера хозяйствования оставалась приоритетной. Хотя факты разведения тонкорунных («шпанских») овец отмечены и некоторых станицах региона (Кардоникской, Сторожевой и др.), эти сведения не должны вводить в заблуждение. Как отмечал современник, большинство их также принадлежало иногородним².

Межэтническая и хозяйственная коммуникация в регионе привела к росту влияния русско-украинских хозяйственных традиций и навыков на скотоводческий уклад местных казаков и горцев. Это, например, как уже отмечалось, начало проявляться в ходе качественного изменения породности скота, принадлежавшего горцам. Подчеркнем, что важная – если не решающая – роль в селекции, проводившейся горцами (в том числе карачаевцами), принадлежала скотоводческим магнатам из среды иногородних (Николенко, Макеевы, Мазаевы и др.). Например, нам известно, что карачаевский предприниматель, известный торговец скотом из аула Хурзук Ч. Тоторкулов, путем метисации горской породы со скотом «макай» (разводившимся в хозяйстве Макеевых), получил новую подгруппу коров «конгур къаишхала». Другой

---

¹ Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 103.

² Македонов Л.В. В горах Кубанского края... С. 106.

карачаевский скотопромышленник Т. Бостанов разводил и улучшал породу скота из хозяйств Николенко; определенную популярность у горцев приобрела и породная группа Калантара (*Калантарны агъачы*)¹. Известно, что помещики Калантаровы (армянского происхождения) были крупными ставропольскими скотопромышленниками и занимались специальным разведением скота².

Горские коневоды Верхней Кубани улучшали породность своих табунов через скрещивание с лошадьми русских аграрных магнатов-иногородних – тех же Николенко, а также Пеховских, Карпушиных³.

Влияние иногородних в вопросах животноводческих новаций было заметным и в других сферах (помимо селекции). Так, вслед за русскими коннозаводчиками горцы стали переходить от табунного способа содержания и разведения лошадей к заводскому коневодству; заимствовали у русских магнатов тонкорунное овцеводство, которое получило развитие преимущественно в ногайских аулах (Мансуровский, Тохтамышевский и др.); переняли практику ведения пчеловодческого хозяйства в ульях⁴.

Определенное влияние иногородних на соседние народы прослеживалось и в сфере растениеводства. Именно от них в горской среде начал распространяться картофель. Кроме того, горцы начали возделывать новые для них зерновые культуры, в частности гречиху, которая была распространена в хозяйстве иногороднего населения. Также активно заимствовались фабричные орудия сельскохозяйственного производства, различная техника – серпы, косы, сенокосилки, сеялки, веялки, конные грабли, жатвенные машины, усовершенствованные плуги, металлические бороны и т.д.⁵

---

¹ Шаманов И.М. Животноводство в Карачае. Черкесск, 2003. С. 24, 25.

² Чекменев С.А. Из истории освоения Ставрополя в конце XVIII - первой половины XIX в. // Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института (Сборник трудов КЧГПИ). Нальчик, 1959. Вып. 2. С. 61.

³ Шаманов И.М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. V. С. 71.

⁴ Невская В.П. Пореформенный период... С. 438-445.

⁵ Там же. С. 438-445.

Как уже упоминалось, именно среди иногородних на территории современной Карачаево-Черкесии стала распространяться трудовая кооперация при обработке земли. Они создавали супряги (товарищества), в которых объединялись, прежде всего, быки и плуги нескольких хозяев. Такая же практика (создание супряг (товариществ) по совместной обработке земли) стала постепенно распространяться и в равнинных горских поселениях, где в артели могли объединить до 50-60 пар волов и не менее 10 плугов¹.

В начале XX в. сам наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков признавал прогрессивную роль иногородних на Кубани и Тереке. Он прямо указывал, что именно они «способствовали распространению среди казачьего населения ценных культур плодоводства, виноградарства и табаководства, а равно развитию промышленного пчеловодства и скотоводства, – в связи с маслоделием и сыроварением»². Данный тезис напрямую относится не только к казачеству, но и к горскому населению.

Таким образом, иногородние не только внесли заметный вклад в экономическое развитие региона Верхней Кубани, но и оказали определенное воздействие на быт, хозяйство, культуру местного казачьего и горского населения. Именно они часто выступали зачинщиками многих хозяйственных, торговых и культурных новаций.

---

¹ Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии... С. 204.

² Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Тифлис, 1907. С. 76-77.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, начиная со второй половины XIX в. на территории Верхней Кубани начинает формироваться так называемая иногородняя группа населения. К началу XX в. она стала наряду с казаками и горцами одной из самых многочисленных социокультурных групп региона. Она обладала определенной спецификой в экономическом, правовом, социальном статусе. При этом в рассматриваемом регионе она была полиэтничной. В процессе своего расселения иногородние расселялись как в горских и казачьих поселениях, так и стали создавать собственные села и хутора. В итоге, иногороднее население активно включилось в местные общественные и социально-экономические процессы, оказав существенное влияние на развитие хозяйства интересующего нас региона и хозяйственные навыки местного населения.

Следует, на наш взгляд, отметить, что весь ход социально-экономического и общественного развития населения региона Верхней Кубани, начиная с последней трети XIX в., находился в русле масштабных процессов, охвативших Российскую империю в целом. Своеобразным локомотивом коренных изменений выступали закономерности рыночной экономики капиталистического формата, обусловившие постепенное отмирание патриархального уклада в экономике даже отсталых окраин империи (к числу которых относился и рассматриваемый регион), доминирование товарного начала практически во всех хозяйственных отраслях.

На наш взгляд, более-менее широкое развитие рыночного товарообмена в регионе Верхней Кубани началось с внутрирегиональных торговых связей между её полеводческим севером и скотоводческим югом.

Ресурсные факторы Верхней Кубани создавали условия для роста аграрного сектора, промышленности, сферы торговли и услуг, но, в то же время, оставались не преодоленными важные препятствия к их серьезному ро-

сту. Регион так и остался, образно говоря, дорожно-транспортным «аппендиксом»: из всех отделов Кубанской области только Баталпашинский отдел до советской власти не имел железнодорожной связи своего административного центра с Ростовско-Владикавказской магистралью, то есть с остальными городами страны.

Следствием такого положения было торможение процесса развития средних и крупных промышленных предприятий, продукция которых объективно ориентировалась именно на потребителей в крупных городских рынках России. (Этим объясняется, например, почти 20-летний перерыв в работе работы серебро-свинцово-цинкового рудника «Эльбрус»; упадок сети масло-сыроваренных предприятий; ограниченность структур по переработке шерсти и т.д.).

В свою очередь, неразвитость крупной промышленной переработки ограничивало спрос на земледельческую и животноводческую продукцию, то есть препятствовало реализации потенциала регионального крестьянства. Практически весь рассматриваемый период крестьянское (аграрное) производство носило экстенсивный характер.

Государство использовало некоторые собственные ресурсы для поддержки аграрного сектора (например, через Крестьянский Поземельный Банк), однако отказывалось от применения протекционистского инструментария, столь необходимого на начальном этапе вхождения России в мировой рынок. В результате этого сельское хозяйство страны понесло ощутимые убытки (бесконтрольный импорт с Западной Европы более конкурентоспособной аграрной продукции, упадок тонкорунного овцеводства и т.д.). Соответственно, удар пришелся на сельское, то есть основное население России, в том числе и её южных областей.

Подытоживая приведенный материал, развивая промежуточные обобщения, сделанные по ходу изложения основной темы, на наш взгляд, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, имелась ощутимая разница в трудовой деятельности и социальном уровне двух категорий иногородних Верхней Кубани: жители поселений иногородних (крестьянских сел и хуторов) в основе своей были заняты в аграрной сфере, а иногородние, жившие в станицах, – преимущественно в промысловой сфере. Первые были в целом состоятельнее вторых.

Во-вторых, крестьянские хутора создавались преимущественно в северной, плоскостной части Верхней Кубани, а крестьянские села располагались в так называемой нагорной полосе (между Скалистым и Главным Кавказским хребтами). В то же время, и хуторские, и сельские поселения базировались, в основном, на полеводстве.

В-третьих, иногороднее крестьянство раньше и активнее, чем казачье и горское население Верхней Кубани, начинало использовать современные экономические инструменты (банковское кредитование, торговые биржи, торговые дома и т.д.) и передовые формы кооперации (производственной, финансовой, торговой и др.).

В-четвертых, ремесленные промыслы (в том числе наиболее сложные) более всего развивались в среде иногороднего крестьянства, что и ускорило в нем процесс разделения труда, в ходе которого возникла прослойка работников производственных и торговых предприятий.

В-пятых, иногородние крестьяне составили основу трудовых ресурсов зарождающейся индустрии в виде мелкотоварного производства (прежде всего – по освоению природных ресурсов края и переработке сельскохозяйственной продукции) и основу торговой сферы региона; они составили прослойку выделившихся из иногороднего крестьянства предпринимателей, среди которых были и купцы..

В-шестых, внутренняя социальная дифференциация и социальные противоречия в иногородней среде выступали больше и резче, нежели в казачестве и даже в горской среде, где сказывались последствия многовекового крепостничества. Это четко проявилось в ходе революции 1905-1907 гг., ко-

гда наиболее резонансные волнения затронули, в основном, экономии иногородних магнатов на севере Баталпашинского отдела.

В-седьмых, иногородние являлись наиболее культурно развитым сегментом населения региона Верхней Кубани. Под их влиянием у казачьего и горского населения зародились школы профессионального обучения, прививались ценные полеводческие культуры, качественно улучшалась породность скота.

Как нам представляется, центральная государственная власть Российской империи в начале XX в. в целом выработала верный курс на эволюционный демонтаж многовековой системы политико-правовых привилегий сословных страт. Власти ориентировались на возникновение социальных групп, чьи статусы различались бы не сословными правами, а ролью, местом, значимостью в системе производства – общественного или духовного (культурного). Поэтому стратегическим направлением столыпинских реформ было стимулирование формирования фермерства как профессионального класса, которое должно было прийти на смену крестьянству как сословию. Кроме того, эти реформы призваны были произвести смену общинных структур на хозяйственные объединения (артели).

Особо следует отметить живучесть в общественном сознании социальных предубеждений, сохраняющихся и после исчезновения вызвавших их реальных причин. Зародившиеся в XIX в. антагонистические противоречия между иногородними и казаками оставались неизменными целые десятилетия, пережив три революции и гражданскую войну. Инерция бывшего конфликта на данной территории отчасти проявлялась также в 1920-30-е гг. в ходе расказачивания и раскулачивания. Антагонизмы стали сглаживаться лишь со второй половины 1930-х гг., когда казачество получило реабилитацию (сняты ограничения на службу казаков в Красной Армии, где воссоздавались казачьи части и казачья форма), а крестьянство фактически исчезло в его классическом виде класса-сословия. Его место на селе заняла профессиональная

прослойка, занятая трудом в практически полностью огосударствленном земледелии. (Разумеется, этот процесс является объектом отдельного исследования, выходящего за хронологические и тематические рамки настоящей работы).

Представленная работа, на наш взгляд, является лишь первой попыткой научной разработки сложной исследовательской проблемы, обозначенной в теме диссертации. Поэтому она, естественно, далека от того, чтобы претендовать на безупречность и полную завершенность освещения истории иногородней группы населения в полиэтничных регионах Юга России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

законодательные и нормативно-правовые акты

1. Волков, Н.Т. Сборник положений о сельском состоянии / Н.Т. Волков. – 2-е изд., значит. доп. – М.: тип. А. П. Поплавского, 1910. – XVI, 1635 с.
1. Крестьянская реформа в России 1861 года / Сборник законодательных актов / Сост. и авт. предисл. К.А. Софроненко. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. – 500 с.
2. Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в. Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 225 с.
3. Общее положение о крестьянах (изд. 1902 года и по Прод. 1912 и 1913 г.г.) / Сост. И.М. Тютрюмов. – 3-е изд., испр. и доп. – Петроград: Изд. юрид. кн. магазина И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1915. – 1248 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 54. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1881. – 562 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIII. Отделение 1. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. – 941 с.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIX. Отделение второе. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. – 783 с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. III. 1883. – СПб.: Гос. типография, 1886. – 998 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. VIII. 1888. – СПб.: Гос. типография, 1890. – 1165 с.

9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XVIII. Отд. 1. – СПб.: Гос. типография, 1898. – 1195 с.

10. Полное собрание законов Российской Империи. Третье собрание. Т. XXIX. – СПб.: Гос. типография, 1912. – 1052 с.

11. Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. – СПб.: Тип. Управления Иррегулярных войск, 1862. – 122 с.

12. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов со всеми позднейшими изменениями и дополнениями. – Харьков: А.В. Скалон, 1869. – 82 с.

13. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. – Новочеркасск: Обл. войска Донского типография, 1891. – 51 с.

14. Правила о размере платы за пользование казенными землями Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 13 мая 1867. № 18.

15. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. – СПб.: Изд. Главного управления казачьих войск, 1884. – Т. XIX. Ч. 1. – 194 с.

16. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. За 1901 год. – СПб.: Изд. Главного управления казачьих войск, 1902. – Т. XXXVII. – 428 с.

17. Свод законов Российской империи. – СПб, 1914. - Т. X. Ч. 1-я. – 584 с.

18. Устав врачебный // Свод законов Российской империи. В пяти книгах / Под. ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Книга пятая. Т. XIII-XVI. СПб.: Русское кн. тов-во «Деятель», 1912. С. 176-313.

делопроизводственные документы

19. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. 7. 1011 с.

20. Архив Карачаевского научно-исследовательского института им. А.И. Батчаева (Архив КНИИ)

Фонд 9 «Населенные пункты» (Оп. 1. Д. 11, 17, 19, 25, 31)

21. Бесленей – мост Черкесии: вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII-XIX вв. Сборник документов и материалов / Составитель С.Х. Хотко. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 407 с.

22. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – Тифлис: Гос. типогр., 1907. – 162 с.

23. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Фонд 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска» (Оп. 1. Д. 8140).

Фонд 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска» (Оп. 2. Д. 747, 943, 1061, 3920).

Фонд 460 «Кубанский областной статистический комитет» (Оп. 1. Д. 188; Оп. 2. Д. 2, 4).

Фонд 470 «Дирекция народных училищ Кубанской области Министерства народного просвещения» (Оп. 2. Д. 266а, 1273).

Фонд 574 «Кубанская областная чертежная» (Оп. 1. Д. 3018, 4154).

Фонд 774 «Канцелярия Помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами» (Оп. 1. Д. 147).

24. Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР)

Фонд 4 «Баталпашинское станичное правление» (Оп. 1. Д. 2, 49, 61).

Фонд 5 «Управление начальника Баталпашинского уезда Кубанской области» (Оп. 1. Д. 2).

Фонд 7 «Учкуланское аульное правление» (Оп. 1. Д. 1, 147).

Фонд 8 «Коллекция копий документов по истории народов Кубанской и Терской области» (Оп. 1. Д. 30).

Фонд р-4 «Управление Баталпашинской отдельской рабоче-крестьянской милиции Кубано-Черноморской области» (Оп. 2. Д. 14).

Фонд 347 «Центр Документации новейшей истории» (Оп. 1 Д. 279).

25. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

Фонд 101 «Канцелярия Ставропольского губернатора» (Оп. 4. Д. 3310).

26. Записка по ревизии станиц и селений Кубанской области. – Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов за время 3-29 августа 1893 года // Кубанская справочная книжка на 1894 год. – Екатеринодар, 1894. – С. 1-113.

27. Извлечение из отчета начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1903 год // Кубанский Календарь на 1905 год. – Екатеринодар, 1905. – С. 1-150.

28. Извлечение из отчета начальника Кубанской области наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год // Кубанский Календарь на 1900 год / Отд. 2. – Екатеринодар, 1900. – С. 308-395.

29. Извлечение из отчета начальника Кубанской области наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1906 год // Кубанский Календарь на 1908 год / Отд. 2. – Екатеринодар, 1908. – С. 1-149.

30. Карачай – страна на вершине Кавказа. Очерки истории и культуры Карачая / Составление, вступительная статья и комментарии С.Х. Хотко. – Майкоп: ОАО «ПолиграфЮГ», 2011. – 448 с.

31. Обзор Кубанской области: По поручению Наказного Атамана Кубанского казачьего войска ген.-лейт. Бабыча / Под ред. И.И. Кияшко, сост. П. Орлов. – Екатеринодар: Тип. «Рекорд», 1911. – 215 с.

32. О состоянии области и войска за 1908 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска / Под ред. Д.М. Мартыненко // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1910. – Т. 1. – С. 1-178.

33. Особый журнал совета министров. 14 Апреля 1909 года. О землеустройстве иногородних поселенцев Нагорной полосы Кубанской области и о вознаграждении Кубанского казачьего войска за отводимые им земли [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/25114-osobyu-zhurnal-soveta-ministrov-14-aprelya-1909-goda-o-zemleustroystve-inogorodnih-poselentsev-nagornoy-polosy-kubanskoy-oblasti-i-o-voznagrazhdenii-kubanskogo-kazachiego-voyska-za-otvodimye-im-zemli#mode/inspect>(дата обращения: 14.08.2018).

34. Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горного отделения Кубанского Областного Правления за 1912 год. – Екатеринодар: Издание Кубанского обл. правления, 1912. – 122 с.

35. Отчет по главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Его Императорским Высочеством великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 - 6 декабря 1872. – Тифлис: Типогр. Главного управления наместника Кавказского, 1873. – 414 с.

36. П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. (Посвящается 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина) / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2011. – Т. 1. – 763 с.

37. П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. (Посвящается 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина) / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2011. – Т. 2. – 798 с.

38. Революционное движение на Кубани в 1905-1907 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Г. Т. Чучмай. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во 1956. – 375 с.

39. Самоуправление крестьянского сельского и волостного общества. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1905. – 143 с.

40. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. (1790-1917). Сб. док. / Сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1985. – 228 с.

41. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1910. – Т. 15. – С. 281-354.

42. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСОА)

Ф. 262 «Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» (Оп. 1. Д. 71).

Статистические и справочные издания

43. Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области, по данным переписи 1917 года. Баталпашинский отдел. [Электронный ресурс]. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/0-5>. (Дата обращения: 22.05.2018).

44. Алфавитный список населенных мест Кубанской области // Кубанский календарь на 1916 год / Под ред. Л.Т. Соколова. – Екатеринодар, 1916. – С. 436-569.

45. Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год / Книга администрации, промышленности и торговли / Под ред. Д.С. Найфельда. – Ростов-на-Дону: Издание А.И. Тер-Абрамиана, 1901. – 711 с.

46. Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1908 год. Книга администрации, промышленности и торговли. – Ростов-на-Дону: Издание А.И. Тер-Абрамиана, 1908. – 555 с.

47. Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1912 год / Книга администрации, промышленности и торговли / Под ред. Н.С. Каллига. – Ростов-на-Дону: Издание А.И. Тер-Абрамиана, 1912. – 687 с.

48. Живило, К.Т. Сельскохозяйственный и промышленный сборник Кубанской области / К.Т. Живило // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1910. – Т. 1. – С. 505-512.
49. Кавказский календарь на 1891 год / Под. Ред. Е. Кондратенко. – Тифлис, 1890. – 642 с.
50. Кавказский календарь на 1895 год / Под. ред. Е. Кондратенко. – Тифлис, 1894. – 508 с.
51. Кавказский календарь на 1905 год / Под ред. Е. Кондратенко. – Тифлис, 1904. – 752 с.
52. Кавказский календарь на 1910 год / Под ред. В.В. Стратонова. – Тифлис, 1909. – Ч. 1. – 890 с.
53. Кавказский календарь на 1917 год / Под ред. Н.П. Стельмашука. – Тифлис, 1916. – 1604 с.
54. Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года / Сост. Е.Д.Фелицыным // Сборник сведений о Кавказе. Т.VIII / Под. ред. Н. Зейдлица. – Тифлис, 1885. - №№ 5391-5805.
55. Кубанская справочная книжка на 1883 год / Сост. Е.Д. Фелицин. – Екатеринодар: Типогр. Кубанского областного правления, 1883. – 286 с.
56. Кубанская справочная книжка на 1891 год / Сост. Е.Д. Фелицин. – Екатеринодар: Типогр. А.П. Сташевского, 1891. – 501 с.
57. Кубанская справочная книжка на 1894 год / Сост. В.А. Щербины. – Екатеринодар: Типогр. Кубан. обл. правления; типогр. А.П. Сташевского, 1894. – 626 с.
58. Кубанский календарь на 1898 г. – Екатеринодар: Кубан. обл. стат. Ком, 1898. – 8, 171, 98, XXIV с.
59. Кубанский календарь на 1900 год / Под ред. С.В. Руденко. – Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком, 1899. – 431 с.
60. Кубанский календарь на 1901 год / Под ред. С.В. Руденко. – Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком, 1901. – 269 с.

61. Кубанский календарь на 1905 год / Под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком, 1904. – 241 с.
62. Кубанский календарь на 1908 год / Под ред. И.З. Садило. – Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком, 1908. – 246 с.
63. Кубанский календарь на 1911 год / Под ред. Л.Т. Соколова. – Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком, 1911. – 522 с.
64. Кубанский календарь на 1914 год / Под ред. Л.Т. Соколова. – Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком, 1914. – 805 с.
65. Кубанский календарь на 1915 год / Под ред. Л.Т. Соколова. – Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком, 1915. – 755 с.
66. Кубанский календарь на 1916 год / Под ред. Л.Т. Соколова. – Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком, 1916. – 299 с.
67. Народное хозяйство Ставропольского края. (Статистический сборник) / Под ред. Н.В. Цогоева. – Краснодар: Госстатиздат, 1959. – 312 с.
68. О поземельном устройстве станиц и войсковых запасных землях // Кубанская справочная книжка на 1891 год. Отд. II. – Екатеринодар, 1891. – С. 271-276.
69. Памятная книжка Кубанской области на 1875 год. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1875. 124, XXXVI с.
70. Памятная книжка Кубанской области на 1876 г. / Под ред. Е.Д. Фелицина. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1876. – 222 с.
71. Памятная книжка Кубанской области на 1877 г. / Сост. Е.Д. Фелицин. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1877. – 488 с.
72. Памятная книжка Кубанской области на 1878 г. / Сост. Е.Д. Фелицин. – Екатеринодар: Типогр. Кубан. обл. правления, 1878. – 177 с.
73. Памятная книжка Кубанской области на 1879 г. / Сост. Е.Д. Фелицин. – Екатеринодар: Типогр. Кубан. обл. правления, 1879. – 522 с.

74. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.65: Кубанская область. – СПб: Изд. Центр. стат. комитета МВД, 1902. – 279 с.
75. Развитие народного хозяйства Карачаево-Черкесии за годы советской власти. (Статистический сборник) / Отв. за вып. Я.А.Тернов. – Черкесск: Управление статистики КЧАО, 1987. – 46 с.
76. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. – СПб.: Изд. Главного управления казачьих войск, 1884. – Т. XIX. – 194 с.
77. Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии по данным уездных (окружных) по раскладке поземельных сборов При-сутствий // Кубано-Черноморский землевладельческий сборник / Сост. В.С. Сазонов. – Екатеринодар, 1910. – С. 181-358.
78. Список населенных мест Армавирского округа Северо-Кавказского края. По предварительным итогам всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года / Под ред. А. Кравченко. – Армавир: Армавирский окружной статистический отдел, 1927. – 112 с.
79. Список населённых мест Северо-Кавказского края. – Ростов-на-Дону, 1925. – 318 с.
80. Список населенных мест Терской области (по данным к 1-му июля 1914 г.). Приложение к «Терскому календарю» на 1915 г. / Под ред. С.П. Гортинского. – Владикавказ: Терский обл. стат. комитет, 1915. – 459 с.
81. Список почтово-телеграфных учреждений в Кавказском крае // Кавказский календарь на 1917 год / Под. ред. Н.П. Стемальщука. – Тифлис, 1916. – Отдел справочный. – С. 21-66.
82. Статистические данные о пространстве, составе населения, формах землевладения, размерах запашек, урожае, количестве скота и др. в поселениях, расположенных в районе, ограниченном средним и нижним течением рек Урупа и Белой и верхним течением реки Кубани // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1900. – Т. 6. – С.141-241

83. Статистические таблицы населенных мест Терской области / Под ред. Е. Максимова. – Владикавказ: Изд. Терского стат. комитета, 1890. – Т. I. – Вып. III: Пятигорский отдел. – 80 с.

84. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1897. – Т. XXIIa. – 500 с.

85. Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до октября 1917 г. / Ред. Б.А. Трехбратов. – Краснодар: Реклам.-изд. фирма «Эдви», 1997. – 557 с.

периодические издания

86. Багдасарова Б. Виновных уж нет / Б. Багдасарова // День республики. Черкесск, 14 мая 2015.

87. Баклыков, Л. Друг прокаженных / Л. Баклыков // Медицинская газета. – М., 04 июля 2007. № 48.

88. Богатства Кавказа // Курортный прогресс. Кисловодск, 7 августа 1909. № 2,3,4.

89. Егорова Е. Б., Кузьменко Т. Н. День открытия театра «Пассаж» в Ставрополе / Е. Б. Егорова // Ставропольский хронограф на 2000 год. Ставрополь, 2000. С. 111-115.

90. Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 15 июля 1867. № 27; 23 ноября 1868. № 46; 27 июля 1868. № 29; 6 ноября 1865. № 44; 25 сентября 1865. № 38; 27 ноября 1865. № 47; 30 января 1868. № 13; 13 марта 1865. № 11; 27 февраля 1865. № 9; 6 марта 1865. № 10;

91. Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 12 декабря 1881. № 49; 13 января 1905. № 9; 17 января 1902. № 14; 19 января 1902. № 16; 04 февраля 1905. № 27; 12 марта 1905. № 56; 30 апреля 1905. № 93; 1 мая 1905. № 94; 19 мая 1905. № 106; 3 июня 1905. № 117; 21 июня 1905. № 131; 29 ноября 1905. № 252; 3 декабря 1905. № 256; 6 декабря 1905. № 258; 18 декабря 1905. № 268; 22 декабря 1905. № 270.

92. Михайлова, О. День реформации в КЧР / О. Михайлова // День Республики. – Черкесск, 15 ноября 2018.

93. Польская, Е. Теберде – 95 лет / Е. Польская // Ленинское знамя. – Черкесск, 9 августа 1968.

94. Чурсин Г. Новый курорт на Кавказе / Г. Чурсин // Кавказ. – Тифлис, 1900. № 299.

материалы личного происхождения

95. Алейников. Бедствия зимы / Алейников // Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1880. – № 2. – С. 3.

96. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона / Г.И. Филипсон // Русский архив. – М., 1884. – Вып. 2. – С. 368-371.

97. Ган, К.Ф. В верховьях Кубани и Теберды / К.Ф. Ган // Кавказ. Тифлис, 17 декабря 1893. № 334.

98. Ган, К.Ф. Краткий путеводитель по Кавказу. Приложение к Кавказскому Календарю на 1913 год / К.Ф. Ган. – Тифлис: Издание канцелярии наместника Е.И.В. на Кавказе, 1913. – 62 с.

99. Грове. Холодный Кавказ / Грове. – СПб.: Изд. редакции журнала «Природа и люди», 1879. – 224 с.

100. Ефременко, Ф. Два слова о Закубанских лесах / Ф. Ефременко // Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1902. №9.

101. Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе // Русский архив. Вып.1-4. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1904. – Вып. 4. – С. 664-682.

102. Новицкий, В.Ф. В горах Кавказа. Три поездки в окрестностях Эльбруса летом 1896 г. и восхождение на эту гору / В.Ф. Новицкий // ИИРГО. – Т. XXXIX. Вып. 2. – СПб., 1903. – С. 89-153.

103. Смирнов, В.Н. Путеводитель по волшебной Теберде / В.Н. Смирнов. – Ростов-на-Дону: Тов-во «Наука и жизнь», 1913. – 79 с.

научные труды

104. Аталиков, В.М. Наша старина. (Обзор литературы XIII-XVIII вв., содержащей сведения о народах Северного Кавказа) / В.М. Аталиков. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 286 с.

105. Бернардацци, И. Христианские древности за Кубанью / И. Бернардацци // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб: Тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1830. – Ч. 3. Кн. 4. – С. 186-191.

106. Бларамберг, И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / И. Бларамберг. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 407 с.

107. Буш, Н.А. Предварительный отчет о путешествии по Северо-Западному Кавказу в 1896 году с целью исследования ледников и флоры / Н.А. Буш // Известия императорского Русского географического общества (ИИРГО). – СПб., 1897. – Т. XXXIII. – С. 1-33.

108. Дельпоццо, И.П. Записки о Большой и Малой Кабарде / И.П. Дельпоццо // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: «Эль-Фа», 2001. – Т. 1. С. 21-41.

109. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – Т. 1. – 323 с.

110. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – Т. 2. – 386 с.

Интернет-ресурсы

111. Андреевские (Андриевские), Георгий Меснянкин [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.vgd.ru/?t=35272> (Дата обращения: 4.03.2017).

112. Доходный дом купцов братьев Меснянкиных (1911-1913 гг.; 1953 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://arch-heritage.livejournal.com/2235882.html> (Дата обращения: 12.04.2017).

113. Имяславие. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (последнее обращение - 25.12.2018).

114. История Минеральных Вод. URL: <https://www.bankgorodov.ru/place/mineralnie-vodi> (последнее обращение - 27.12.2018).

115. От сухарей из черного хлеба до палаццо на Спиридоновке: история Товарищества мануфактур братьев Тарасовых [Электронный ресурс]. URL: http://trojza.blogspot.com/2012/04/blog-post_13.html (дата обращения: 13.05.2018).

116. Старинная открытка и новые подробности от потомка Н. Карпушина [Электронный ресурс]. URL: <https://obrazok.livejournal.com/29663.html> (дата обращения: 02.03.2017).

117. Столетие армянской диаспоры в Карачаево-Черкесии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nia-rf.ru/news/society/31423>. (дата обращения - 03.01.2018).

2. Литература

монографии

118. Анисимов, И.Ш. Кавказские еврей-горцы. Из «Сборника материалов по этнографии», изданного при Дашковском этнографическом музее / И.Ш. Анисимов. – М.: тип. Е.Г. Потапова, 1888. – 152 с.

119. Анисимов, С. Картины Кавказа / С. Анисимов. – М., 1915. – 165 с.

120. Атманских, А.А. Скотоводство в Карачае Кубанской области в связи с молочным хозяйством / А.А. Атманских. – СПб: Типография Т-ва п. ф. «Электро-Типография Н.Я. Стойковой», 1910. – 8 с.

121. Барсукова, Г.Н., Юрченко, К.А., Радчевский, Н.М. История земельных отношений и землеустройства. Учеб. пособие / Г.Н. Барсукова, К.А. Юрченко, Н.М. Радчевский. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Краснодар: КубГАУ, 2014. – 456 с.

122. Бураев, Р.А. Экономико-географический очерк Карачаево-Черкесии / Р.А. Бураев. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1961. – 104 с.
123. Верещагин, А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат. Доклад на общем собрании императорского Вольного экономического общества 17 января 1885 года / А.В. Верещагин. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1885. – 36 с.
124. Верещагин, А.В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. Живой вопрос наших окраин / А.В. Верещагин. – СПб.: тип. В.Ф. Пуцыковича, 1878. – 52 с.
125. Верещагин, Н.В. Дело жизни / Н.В. Верещагин / Сост., коммент. и предисл. А.В. Гутерца. – Вологда: М-Арт, 2017. – 127 с.
126. Виноградов, В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи : Формирование традиционного населения): Книга историко-культурных регионоведческих очерков / В.Б. Виноградов. – Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 1995. – 149 с.
127. Гольдентул, И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк / И. Гольдентул. – Ростов-на-Дону-Краснодар: Буревестник, 1924. – 196 с.
128. Горные богатства Кубанской области. – Екатеринодар: Издание Куб. обл. правления, 1912. – Вып. II. – 95 с.
129. Гутерц, А.В. Николай Верещагин. На благо Отечества / А.В. Гутерц. – Вологда: Изд. дом «Вологжанин», 2011. – 376 с.
130. Демьянов, Г.С. Баталпашинские минеральные грязи / Г.С. Демьянов. – Баталпашинск, 1915. – 16 с.
131. Динник, Н.Я. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба / Н.Я. Динник. – Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1899. – 39 с.
132. Динник, Н.Я. Верховья Большой Лабы и перевал Цагеркер / Н.Я. Динник. – Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1905. – 32 с.
133. Ерижев, К.А. Горные сенокосы и пастбища России / К.А. Ерижев. – М.: ИК «Родник», ж-л «Аграрная наука», 1998. – 319 с.

134. Зажаев, П. Прошлое и настоящее Кубанской школы / П. Зажаев. – Екатеринодар: Тип. «Основа», 1907. – 32 с.
135. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 659 с.
136. Коншин, А. Исследование Баталпашинских горькосоляных озер горного инженера А. Коншина. С приложением одной таблицы чертежей / А. Коншин. – Тифлис: Типография И. Мартиросианца, 1888. - 40, [2] с., табл.
137. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / Отв. ред. А. М. Анфимов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1990. – 256 с.
138. Кругов, А.И. Крестьянское хозяйство России в конце XIX - первой четверти XX века (на материалах Ставрополья, Кубани, Дона) / А. И. Кругов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 399 с.
139. Куценко, И.Я. Кубанское казачество / И.Я. Куценко. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993. – 583 с.
140. Лайпанова, З.К. Просветители Карачая и Черкесии / З.К. Лайпанова. – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж, 2008. – 120 с.
141. Лукомец, М.И. Землевладение и землепользование на Кубани (1792–1925). / М.И. Лукомец. – Краснодар: Советская Кубань, 1992. – 315 с.
142. Любавский, М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / М.К. Любавский / Отв. ред. А.Я. Дегтярева. М.: Изд-во МГУ, 1996. – 688 с.
143. Ляйстер, А.Ф., Чурсин, Г.Ф. География Кавказа. Природа и население. / А.Ф. Ляйстер, Г.Ф. Чурсин. – Тифлис: Изд. Закавказского коммунист. ун-та им. 26-ти Бакинских комиссаров, 1924. – 352 с.
144. Македонов, Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области / Л.В. Македонов. – Воронеж: Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцов и К^О», 1908. – 106 с.

145. Малигонов, А.А. Краткий географический очерк сельского хозяйства на Кубани в связи с его эволюцией / А.А. Малигонов. – Краснодар, 1923. – 106 с.
146. Малукало, А.Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус / А.Н. Малукало. – Краснодар: Кубанькино, 2003. – 216 с.
147. Махлевич, Я.Л. Мезонин у Нарзана / Я.Л. Махлевич. – Ставрополь: Ставропольское, 1983. – 192 с.
148. Милютин, Д. А. Краткий очерк Кавказского края в военном отношении / Д.А. Милютин. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 176 с.
149. Михайлов, И.В. Населенные пункты Карачаево-Черкесской республики / И.В. Михайлов. – Черкесск, 2001. – 190 с.
150. Музеи Карачаево-Черкесии / Составители Ш.М. Батчаев, И.Х. Заубидова, Р.Т. Хатуев, Р.Н. Чотчаева, М.В. Шаповалова. – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – 100 с.
151. Народы Карачаево-Черкесии: история и культура / Под ред. В.Ш. Нахушева. – Черкесск, 1998. – 542 с.
152. Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографические очерки). / Под ред. П.И. Балтина и М.М. Сакиева. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1957. – 154 с.
153. Невская Т.А., Чекменев, С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта / Т.А. Невская, С.А. Чекменев. – Ставрополь: ТОО «Кинт», 1994. – 164 с.
154. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период / В.П. Невская. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1964. – 224 с.
155. Невская, В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. Дореформенный период / В.П. Невская. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-е Ставропольского кн. изд-ва, 1960. – 156 с.

156. Овчинников, А.М. Сельское хозяйство Ставропольской губернии в прошлом и настоящем (исторический очерк с 1875 по 1921 г.) / А.М. Овчинников. – Ставрополь: Губэкономсовещ, 1922. – 48 с.
157. Огановский, Н.П. Очерки по экономической географии СССР (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам) / Н.П. Огановский. – Изд. 2-е, перераб. и обновлен. – М.: Новая деревня, 1924. – 319 с.
158. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. В.П. Невская. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1967. – 600 с.
159. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общей ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. – 656 с.
160. Плотников, В., Логвиненко, Л. Александро-Невский Зеленчукский монастырь / В. Плотников, Л. Логвиненко. – Изд.2-е – Нижний Архыз: Изд.центр «CUGNUS», 2001. – 93 с.
161. Потто, В.А. Кавказская война в 5-ти томах. – Т. 2: Ермоловское время / В.А. Потто. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 688 с.
162. Прокуратура Краснодарского края / Ред. и сост.: Василевская Т.А. – Краснодар: Центр информ. и экон. развития печати, телевидения и радио Краснодарского края, 2005. – 271 с.
163. Радченко, П.П. На заре. Книга первая / П.П. Радченко. - Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1954. [Электронный ресурс]. URL: http://sovklub.narod.ru/nazare_1.htm (дата обращения 12.06.2017).
164. Ратушняк, В.Н. Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX вв.: Учебное пособие / В.Н. Ратушняк. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1982. – 84 с.
165. Ратушняк, В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX - начале XX века. (К проблеме развития аграрного капи-

тализма) / В.Н. Ратушняк. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – 251 с.

166. Сидоренко, Т.Н. Возникновение и развитие кооперации на Кубани, вторая половина XIX - 1920 г. / Т.Н. Сидоренко. – Краснодар: Традиция, 2008. – 173 с.

167. Теберда, климатическая станция Кубанской области. Курорты Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Издание Управления Владикавказской железной дороги, 1911. – 39 с.

168. Тебуев, Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. 1917 г.) / Р.С. Тебуев. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1975. – 168 с.

169. Тебуев, Р.С., Хатуев, Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев / Р.С. Тебуев, Р.Т. Хатуев. – М.: Илекса – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

170. Текеев, К.М. Карачаевцы и балкарцы: традиционная система жизнеобеспечения / К.М. Текеев. – М.: Наука, 1989. – 448 с.

171. Тепцов, В.Я. По истокам Кубани и Терека / В.Я. Тепцов. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – 124 с.

172. Титоренко, М.Ф. Из истории народного образования на Кубани / М.Ф. Титоренко [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/education/education/cossack-history-education/iz-istorii-narodnogo-obrazovaniya-na-kubani/> (дата обращения: 12.06.2017).

173. Хапаев, С.А. Очерки природы Карачаево-Черкесии / С.А. Хапаев. – Черкесск: Кар.-Черк. отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1981. – 317 с.

174. Шаманов, И.М. Животноводство в Карачае / И.М. Шаманов. – Черкесск: РИО КЧГТА, 2003. – 38 с.

175. Щербина, Ф.А. История Кубанского казачьего войска / Ф.А. Щербина. – Краснодар: «Советская Кубань», 1992. – Т. II. – 856 с.

176. Щербина, Ф.А. Колонизация Кубанской области / Ф.А. Щербина // Киевская старина. – Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. – Т. 7. - № 2. – С. 529-545.

177. Щербина, Ф.А. Общий очерк экономических торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги / Ф.А. Щербина. – СПб.: Правление общества Владикавказской ж.д., 1893. – Т. 2. – 81 с.

178. Юшкин, Е.М., Бакланов, Д.Р. Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горного отделения Кубанского Областного Правления за 1912 год / Е.М. Юшкин, Д.Р. Бакланов. – Екатеринодар: Издание Кубанского обл. правления, 1912. – 122 с.

статьи

179. Акопьян А.П. Меснянкины, они же Костянины... [Электронный ресурс]. URL: https://1777.ru/stavropol/one_lenta.php?id_one=666&id=14. (Дата обращения: 16.09.2018).

180. Анучин, Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии / Д.Г. Анучин // Военный сборник. – СПб.: Типограф. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1860. – № 1. – С. 286-289.

181. Апостолов, Л.Я. Географический очерк Кубанской области / Л.Я. Апостолов // Сборник для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). – Тифлис: Управление Кавказского учебного округа, 1897. – Вып. 23. – 305 с.

182. Аравин, О.Ф. Техническое образование досоветской Кубани: исторический аспект / О.Ф. Аравин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/education/cossack-history-education/detail.php?ID=3284&page=2> (Дата обращения: 23.02.2018).

183. Бабич, А. Учреждения народного образования на Кубани в период с середины XIX в. до установления советской власти в 1920 году (по документам фондов ГКУ «Государственный архив Краснодарского края») / А. Ба-

бич [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2016/10/20/1159>. (Дата обращения: 12.06.2017).

184. Беликова, Н.Ю. К вопросу о причинах развития протестантизма на Юге России (конец XIX - начало XX вв.) / Н.Ю. Беликова // Научный журнал КубГАУ. Политематический сетевой электронный журнал. – Краснодар, 2016. - № 118(04). – С. 1-10. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/16564065/f/1.png. (Дата обращения: 16.03.2019).

185. Бентковский, И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта / И.В. Бентковский // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1. – С. 1-78.

186. Бермамыт – великая твердыня // Современный Кавказ. Журнал Ин-та региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. – Пятигорск, 2009. - № 10. – С. 125-130.

187. Бесленев, А.Д. Скотоводство горцев Кубанской области (1868-1900) / А.Д. Бесленев // Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. – Черкесск: Кар.-Черк. отделение Ставропольск. кн. изд-ва, 1971. – 68 с.

188. Бойко И.К. Поместье крестьян Мазаевых / И.К. Бойко [Электронный ресурс]. URL: <https://selgazeta.ru/slovo-k-chitatelyu/pomeste-krestyan-mazaevyih.html>. (Дата обращения: 03.03.2018).

189. Блюдов, Н.Ф. Начальное народное образование в Кубанской области / Н.Ф. Блюдов // Кубанский сборник. – Ектеринодар, 1883. – Т. 1. – С. 733-828.

190. Бобырь-Бухановский, Л.М. Условия развития и внутренний строй сельского хозяйства на Кубани: Доклад, прочитанный на общем собрании членов ОЛИКО 6 июня 1913 г. / Л.М. Бобырь-Бухановский // Известия Об-

щества любителей изучения Кубанской области (ИОЛИКО) / Под. ред. Б.М. Городецкого. – Екатеринодар, 1913. – Вып.6. – С. 217-253.

191. Борчевский, М.И. К вопросу об улучшении быта горных станиц Кубанской области / М.И. Борчевский // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1910. – Т. 1. – С. 179-207.

192. Бурькина, Л.В. Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е – 50-е гг. XIX в. / Л.В. Бурькина // Кавказская война: уроки истории и современность / Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.Ю. Чирг, А.С. Хунагова и др. – Майкоп: АРИГИ им. Т.М. Керашева, 2006. – С. 39-46.

193. Ваганов, С.В. Значение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем, в связи с условиями животноводства в нагорной полосе / С.В. Ваганов // ИОЛИКО. – Екатеринодар, 1899. – Вып.1. – С. 13-51.

194. Варивода, Н.В. Русская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XVIII – начале XX в. / Н.В. Варивода // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов, 2007. - № 16(2). – С. 139-141.

195. Варивода, Н.В. Гражданская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XIX в. / Н.В. Варивода // Социально-гуманитарные знания. – М., 2019. - № 3. – С. 275-282.

196. Величко, Е.М. Аграрные преобразования в Карачаево-Черкесии 1920 г. / Е.М. Величко // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа / Материалы межрегиональной научной конференции / Под ред. Н.Д. Судацева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 48-50.

197. Венюков, М.И. К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 гг. / М.И. Венюков // Русская старина. – СПб., 1878. - № 6. – С. 252-253.

198. Гангур, Н.А., Гангур, Д.И. Кубанское имение «Венцы» Ставропольских купцов Меснякиных // Культура и время перемен. Электронный

журнал Краснодарского гос. ин-та культуры / Н.А. Гангур, Д.И. Гангур. – Краснодар, 2017. - № 2(17). [Электронный ресурс]. URL: [http://timekguki.esrae.ru/pdf/2017/2\(17\)/255.pdf](http://timekguki.esrae.ru/pdf/2017/2(17)/255.pdf) (дата обращения: 30.11.2017).

199. Гангур, Н.А., Гангур, Д.И. «Старая» и «Новая» экономии дворян Пеховских на Кубани: историко-культурный экскурс / Н.А. Гангур, Д.И. Гангур // Культурная жизнь Юга России. Научный журнал. – Краснодар: КГИК, 2016. - №4(63). – С. 33-40.

200. Годовова, Е.В. Влияние иногородних на повседневную жизнь казачьих станиц / Е.В. Годовова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – Самара, 2016. - № 3-1. – С. 19-25.

201. Городецкий, Б.М. Очерки по кубановедению / Б.М. Городецкий // Кубанская школа. – Екатеринодар, 1915. - № 5. – С. 298-307.

202. Городецкий, Б.М. Развитие крестьянского земледелия на Северном Кавказе в связи с деятельностью крестьянского поземельного банка. Статистико-экономический очерк / Б.М. Городецкий // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1913. – Т. 18. – С. 397-524.

203. Давитлидзе, Г.Г. Учебные заведения Кубанской области в начале XX века / Г.Г. Давитлидзе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2007. - № 5. – С. 35-40.

204. Динник, Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области / Н.Я. Динник // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества (ЗКОИРГО). – Кн.13. – Вып. 1. – Тифлис, 1884. – С. 307-363.

205. Дьячков-Тарасов, А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах / А.Н. Дьячков-Тарасов // СМОМПК. – Тифлис, 1898. – Вып. 25. – Отд. II. – С. 71-91.

206. Ефремова, Н.Е. Реформирование волостных судов в России о Закону от земских участковых начальниках от 12 июля 1989 года / Н.Е. Ефремова // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – Нижний Новгород, 2014. - №1(25). – С. 201-207.

207. Жданова, Л.А. Купцы Тарасовы: дорога из провинции в столицу / Л.А. Жданова // Молодой ученый. – Казань, 2015. - № 13. – С. 545-548. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/93/20530/> (дата обращения: 14.09.2018).

208. Жданова, Л.А. Сельские купеческие усадьбы Кубанской области: количество и пространственная локализация (1875– 1914 годы) / Л.А. Жданова // Культура и время перемен. Электронный журнал Краснодарского гос. ин-та культуры. – Краснодар, 2015. - № 2(9). [Электронный ресурс]. URL: timekguki.esrae.ru/25-114 (дата обращения: 01.04.2017).

209. Жданова, Л. А., Мелоян, Э. С. «Не выпустить из рода Николенкова»: неизвестные страницы биографии купцов-благотворителей Николенко / Л.А. Жданова, Э.С. Мелоян // Молодой ученый. – Казань, 2015. - №23. – С. 813-817.

210. Жданова, Л.А., Фролов, Б.Е. Коллекция благотворителей Мазаевых в фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им.Е.Д. Фелицина / Л.А. Жданова, Б.Е. Фролов // Общество: философия, история, культура. – Краснодар, 2016. - № 4. – С. 94-97.

211. Зозуля, И.В. Низшие судебные инстанции в жизни сельского населения на Северном Кавказе во второй половине XIX в. / И.В. Зозуля // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа / Материалы межрегиональной научной конференции / Под ред. Н.Д. Судавцева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 61-64.

212. Иваненко, Н.С. Землевладельцы Кубанской области и разделы земель / Н.С. Иваненко // ИОЛИКО. – Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1902. – Вып. 3. – С. 117-133.

213. Измайлов, А. Баталпашинск / А. Измайлов // СМОМПК. – Тифлис, 1889. – Вып. 8. – С.186-187.

214. Кириллов, П.К истории колонизации Закубанского края / П.К. Кириллов // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1903. – Т. 9. – С. 73-113.

215. Колесников, В.П. Нужды Карачая / В.П. Колесников // Известия Карачаевского научно-исследовательского института (Известия КНИИ). – Черкесск: Аланский Эрмитаж, 2013. – Вып. IX. – С. 124-131.
216. Колесов, В.И., Сень, Д.В. Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа / В.И. Колесов, Д.В. Сень // Диаспоры. Независимый научный журнал. – М., 2000. - № 3. – С. 198-210.
217. Короленко, П.П. Турецкие эмигранты в Кубанской области / П.П. Короленко // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типогр. Кубанского областного правления, 1905. – Т. 11. – С. 35-40.
218. Крикунов, В.П. К изучению истории иногороднего населения на Северном Кавказе в пореформенный период / В.П. Крикунов // Ученые записки Кабардинского педагогического института. – Нальчик, 1953. – Вып. 5. – С. 183-187.
219. Крикунов, В.П. Некоторые вопросы изучения хозяйства горцев, крестьян и казаков: по данным военно-конских переписей (1891-1903 годов) / В.П. Крикунов // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1976. - № 3. – С. 93-96.
220. Кузнецов, Н.И. Геоботаническое исследование северного склона Кавказа / Н.И. Кузнецов // Известия императорского Русского географического общества (ИИРГО). – СПб., 1890.- Т. XXVI. – С. 55-73.
221. Лайпанов, К.Т. Карачай и Черкесия в период Первой мировой войны / К.Т. Лайпанов // Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В.П. Невской и В.А. Романовского. – Ставрополь: Ставропольское кн.изд-вл, 1967. – Т. 1. – С. 528-549.
222. Леонтьев, И. Поездка к Баксанскому леднику / И.Леонтьев // СМОМПК. – Тифлис, 1897. – Вып. 22. – С. 119-162.
223. Лысенко, А.М. Экскурсия в урочище «Старое жилище, будущий мировой курорт / А.М. Лысенко // Долина Зеленчука («Старое жилище» на

Кубани). Новая горно-климатическая станция и дачная местность на Кавказе. – Петроград, 1917. – С. 41-43.

224. Люсин. Из Баталпашинского отдела. Карачай (1888 г.) / Люсин // Известия Карачаевского научно-исследовательского института (Известия КНИИ). – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж, 2013. - № 9. – С. 132-137.

225. Мазеин, В.А. Неземледельческие занятия сельского населения Кубани в конце XIX - начале XX вв. / В.А. Мазеин // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. научных трудов. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1987. – С. 63-73.

226. Матющенко, П.П. Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терека в период контрреформ в России / П.П. Матющенко // Теория и практика общественного развития. Международный научный журнал. – М., 2014. - № 21. – С. 183-186.

227. Матющенко, П.П. Аграрная политика царизма по отношению к иногороднему крестьянству Кубани и Терека (вторая половина XIX-начало XX в.) / П.П. Матющенко // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. научных трудов. – Краснодар: Кубан. гос. университет, 1987. – С. 73-85.

228. Матющенко, П.П. Казачий вопрос в аграрной политике царизма / П.П. Матющенко // Проблемы истории казачества. Сб. научных трудов. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1995. – С. 259-281.

229. Матющенко, П.П. Некоторые вопросы земельной политики царизма в казачьих областях Северного Кавказа в пореформенный период (1861-1914 гг.) / П.П. Матющенко // Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. научных трудов. – Краснодар, 1985. – С. 42-51.

230. Матющенко, П.П. Переселения крестьян в казачьи области Северного Кавказа в политике царизма конца XIX в. / П.П. Матющенко // Теория и

практика общественного развития / Исторические науки. – Краснодар: ИД ХОРС, 2013. - №12/2. – С. 23-26.

231. Медведев, А. Столетний юбилей церкви ЕХБ в г. Черкесске / А. Медведев. [Электронный ресурс]. URL: <https://baptist.org.ru/read/article/1403611> (дата обращения: 12.04.2017).

232. Мельников, Л.М. Иногородние в Кубанской области / Л.М. Мельников // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1900. – Т. 6. – С. 73-140.

233. Моисеева, О.В. Нормативное регулирование деятельности кооперативных организаций в России во второй половине XIX – начале XX в. / О.В. Моисеева // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2011. - № 4-1(72). – С. 148-153.

234. Мошкович, Г.Г. Вопросы развития крестьянского землевладения на Кубани в трудах Б.М. Городецкого (конец XIX - начало XX в.) / Г.Г. Мошкович // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. научных трудов. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1987. – С. 128-139.

235. Мужев, И.Ф. Карачай и Черкесия в период буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. / И.Ф. Мужев // Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В.П. Невской и В.А. Романовского. – Ставрополь: Ставропольское кн.изд-во, 1967. – Т. 1. – С. 476-492.

236. Мушегян, С.В. Особенности землеустройства на Кубани / С.В. Мушегян // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – М., 2008. - № 2. – С. 373-374.

237. Невская, В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии / В.П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института (Труды КЧНИИ) / Отв. ред. Э.А. Джанибеков. – Черкесск: Кар.-Черк. кн. изд-во, 1959. – Вып. IV. Серия историческая – С. 84-207.

238. Невская, В.П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX века / В.П. Невская // Труды КЧНИИ / Отв. ред. Э.А. Джанибеков. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1964. – Вып. VIII. Серия историческая. – С. 76-137.

239. Невская, В.П. Карачай в XIX веке / В.П. Невская // Ас-Алан. – М.: Изд. Центр «Мир дому твоему», 2002. - №1(6). – С. 130-474.

240. Невская, В.П. Период реакции и нового революционного подъема / В.П. Невская // Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В.П. Невской и В.А. Романовского. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1967. – Т. 1. – С. 495-527.

241. Невская, В.П. Пореформенный период / В.П. Невская // Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В.П. Невской и В.А. Романовского. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1967. – Т. 1. – С. 438-468.

242. Невская, В.П. Реформы 60-70-х годов XIX в. / В.П. Невская // Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Ставрополь: Ставр.кн.изд-во, 1967. – Т. 1. – С. 407-435.

243. Невская, В.П., Студенецкая, Е.Н., Шаманов, И.М.. Просвещение и духовная культура / В.П. Невская, Е.Н. Студенецкая, И.М. Шаманов // Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Ответ. ред. Л.И. Лавров. – Черкесск: Кар.-Черк. отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1978. – С. 272-299.

244. Невская, В.П., Шаманов, И.М. Хозяйство / В.П. Невская, И.М. Шаманов // Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Л.И. Лавров. – Черкесск: Кар.-Черк. отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1978. – С. 59-129.

245. Обзор деятельности Кавказского Горного Общества в Пятигорске за 1904-1907 гг. // Ежегодник Кавказского горного общества (ЕКГО). – Пятигорск: тип. «Суксиасянц и Лысенко», 1908. – № 2. – С. 21-42.

246. Опарин, Д. Особняк армянских купцов Тарасовых / Д. Опарин [Электронный ресурс]. URL: <http://yerkramas.org/ru/article/25727/osobnyak-armyanskih-kupcov-tarasovux> (дата обращения: 14.05.2017).

247. Панарин, А.А. Зарождение и развитие кооперации на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. / А.А. Панарин // Былые годы. Российский исторический журнал. – Сочи, 2012. - № 1(23). – С. 38-43.

248. Полякова А.И., Воробьева Ф.М., Татарникова Л.Г. Жемчужина Кавказа / А.И. Полякова, Ф.М. Воробьева, Л.Г. Татарникова // Заповедная Теберда / Под общ. ред. Н.Н. Поливановой. – Ставрополь: Книжное издательство, 1986. – С. 14-32.

249. Поночевный, М.О. Виноградарство в Кубанской области / М.О. Поночевный // Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 9 января 1902. № 7.

250. Поночевный, М.О. Виноградарство в Кубанской области / М.О. Поночевный // Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 10 января 1902. № 8.

251. Ратушняк, В.Н. Земельная аренда на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX в. / В.Н. Ратушняк // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. научных трудов. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1987. – С. 86-110.

252. Ратушняк, В.Н. Материально-производственная база земледельческих хозяйств Кубанской области в конце XIX - начале XX в. / В.Н. Ратушняк // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М., 1974. – Сб. 8. – С. 314-336.

253. Ратушняк, В.Н. О некоторых методологических подходах к оценке уровня аграрно-капиталистического развития Северного Кавказа в дореволюционный период / В.Н. Ратушняк // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа / Материалы межрегиональной научной конференции / Под ред. Н.Д. Судацева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С.131-134.

254. Ратушняк, В.Н. Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX - начале XX в. / В.Н. Ратушняк // Вопросы исторической науки. – Краснодар, 1969. – С. 237-244.

255. Ратушняк, В.Н. Развитие производительных сил кубанского земледелия в конце XIX - начале XX века / В.Н. Ратушняк // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1970 г. – Рига: изд-во Академии наук Латвийской ССР, 1977. – С. 218-226.

256. Ратушняк, В.Н. Развитие сельского хозяйства Кубани в пореформенное время (1861-1914) / В.Н. Ратушняк // Голос минувшего. – Краснодар, 2015. - № 3-4. – С. 32-43.

257. Ратушняк, В.Н. Рост средств производства и товарообмена в сельском хозяйстве Северного Кавказа в конце XIX - начале XX вв. / В.Н. Ратушняк // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем / Межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь, 1990. – С. 3-15.

258. Ратушняк, В.Н. Товарно-капиталистическое производство в сельском хозяйстве Кубани в конце XIX - начале XX в. / В.Н. Ратушняк // Исторические записки. – М., 1977. – Т. 99. – С. 183-220.

259. Ратушняк, В.Н. Частное землевладение в Кубанской области во второй половине XIX - начале XX в. / В.Н. Ратушняк // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1975. - № 1. – С. 82-87.

260. Ратушняк, В.Н. Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. -1914 г.) / В.Н. Ратушняк // Проблемы отечественной истории. – М.,1973. – С. 208-227.

261. Ратушняк, В.Н. Экономическое освоение Кубани / В.Н. Ратушняк // По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки. – Краснодар, 1993. С. 105-116.

262. Ратушняк, В.Н., Сидоренко, Т.Н. Роль кооперации в развитии аграрного сектора экономики на Северном Кавказе в начале XX в. / В.Н. Ратушняк, Т.Н. Сидоренко // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. – Краснодар, 2013. - № 1(17). – С. 25-30.

263. Рейнке, Н.М. Горские и народные суды Кавказского края / Н.М. Рейнке // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1912. – № 2 (Февраль). – С. 1-71.

264. Р-н Н. Карачаевцы, их землепользование, землевладение и экономическое положение / Н. Р-н // Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринбург, 20 июня 1909. № 13.

265. Рождаев, П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе / П.Н. Рождаев // Природные условия Северо-Кавказского края и организация крестьянского хозяйства. – Ростов-на-Дону: Сев.-Кав. краев. зем. упр., 1925. – 78, 270 с.

266. Савельев, В.А. О поземельных отношениях крестьянства и казачества на Дону и Кубани в начале XX в. / В.А. Савельев // Вопросы истории Поурупья / Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища как памятника средневековой археологии и церковной архитектуры / Отв. ред. С.Н. Малахов; сост. С.Г. Немченко. – Армавир-Отрадная, 2012. – Вып. I. – С. 177-181.

267. Сахновский, В. Очерк путей сообщений Кубанской области / В. Сахновский // Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 10 февраля 1868. - № 6.

268. Сидоренко, Т.Н. Агрономическая помощь кооперативов населению Кубани в начале XX в. / Т.Н. Сидоренко // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа / Материалы межрегиональной научной конференции / Под ред. Н.Д. Судацева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 146-148.

269. Собриевский, А.С. Обложение дополнительным раскладочным сбором торговых и промышленных предприятий в Кубанской области за вось-

милетие с 1889 по 1896 год / А.С. Собриевский // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1898. – Т. 4. – С. 12-13.

270. Собриевский, А.С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске / А.С. Собриевский // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1898. – Т. 4. – С. 1-147.

271. Студенецкая, Е.Н. Поселения и жилище / Е.Н. Студенецкая // Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Ответ. ред. Л.И. Лавров. – Черкесск: Кар.-Черк. отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1978. – С. 130-157.

272. Сысоев, В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении / В.М. Сысоев // СМОМПК. – Тифлис, 1913. – Вып. 43. – С. 1-156.

273. Тебуев, Р.С. Первые сыроваренные заводы Карачаево-Черкесии // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии / Р.С. Тебуев. – Черкесск, 1971. – С. 96-106.

274. Тмутараканский, Л. Об экономически-социальном значении поземельного владения кубанских казаков / Л. Тмутараканский // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1911. – Т. 16. – С. 189-262.

275. Трехбратов, Б.А. К вопросу о формировании сельскохозяйственных рабочих в Кубанской области / Б.А. Трехбратов // Научные труды кафедры истории Ставропольского педагогического института. – Ставрополь, 1972. – С. 111-138.

276. Тройно, Ф.П. Земельная аренда у горских народов Северного Кавказа в годы первой мировой войны / Ф.П. Тройно // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX - начале XX вв. (проблемы социально-экономического развития) / Отв. ред. В.П. Невская. – Ставрополь, 1980. – С. 65-86.

277. Федина, И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX-XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы / И.М. Федина // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2012. - № 2. – С. 175-177.

278. Фелицын, Е.Д. К истории колонизации Кубанской области / Е.Д. Фелицын // Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1885. - № 21-23.

279. Фелицын, Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области) / Е.Д. Фелицын // ИКОИРГО. – Тифлис: тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1884. – Т. 8. - № 2. – С. 250-284.

280. Фелицын, Е.Д. Статистические таблицы пространства, населенности и сравнительные статистические таблицы численности народонаселения, браков, рождаемости, смертности и естественного приращения населения в Кубанской области за 7 лет с 1871 по 1877 гг. / Е.Д. Фелицын // Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1880. – Т. 7. – С. 537-570.

281. Хапаев, С.А. Карачаево-балкарские географические термины / С.А. Хапаев // Ас-Алан. Ежеквартальный журнал. – М.: Изд-во «Мир дому твоему», 2002. №2(7). – С. 57-374.

282. Хуранов, Ш.Ш. Развитие капиталистических отношений в молочном и сыроваренном производстве Северного Кавказа (вторая половина XIX - начало XX вв.) / Ш.Ш. Хуранов // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем / Межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь, 1990. – С. 69-77.

283. Хуранов, Ш.Ш. Развитие торгового тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в пореформенный период / Ш.Ш. Хуранов // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная культура) / Отв. ред. Е.П. Алексеева. – Черкесск: КЧНИИ, 1983. – Вып. 2. – С. 177-190.

284. Хуранов, Ш.Ш. Эволюция грубошерстного овцеводства в Кубанской области в пореформенный период / Ш.Ш. Хуранов // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. научных трудов. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1987. – С. 55-62.

285. Чекменев, С.А. Включение Карачая и Черкесии в состав России / С.А. Чекменев // Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В.П. Невской и В.А. Романовского. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1967. – Т. 1. – С. 276-309.

286. Чекменев, С.А. Из истории освоения Ставрополя в конце XVIII - первой половины XIX в. / С.А. Чекменев // Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института / Отв. ред. Х.О. Лайпанов. – Нальчик, 1959. – Вып. 2. – С. 53-90.

287. Чикаева, К.С. Дворянское землевладение на Северном Кавказе в 1861-1917 гг. / К.С. Чикаева // Научный журнал КубГАУ. Сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - Краснодар, 2013. - № 93(09). – С. 1-17. [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/58.pdf> (дата обращения: 11.04.2017).

288. Ч-ин. Г. Экономическая жизнь Карачая / Г. Чурсин // Кавказ. – Тифлис, 5 декабря 1900. № 322.

289. Чурсин, Г.Ф. Поездка в Карачай / Г.Ф. Чурсин // ИКОИРГО. – Тифлис, 1915. – Т. XXIII. – № 3. – С. 239-258.

290. Шаманов, И.М. Пути и средства сообщения в Карачае / И.М. Шаманов // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1975. – Вып. 1. – С. 100-115.

291. Шаманов, И.М. Развитие скотоводства в Карачае в 19 - начале 20 вв. / И.М. Шаманов // Проблемы археологии и исторической этнографии народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1985. – С. 135-163.

292. Шаманов, И.М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – начале XX в. / И.М. Шаманов // Кавказский этнографический сборник. – М.: Наука, 1972. – Вып. V. – С. 70-76.

293. Шамрай, В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового Архива / В. Шамрай // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. – Т. 7. – С. 71-175.

294. Шацкий, П.А. Заселение Ставрополя после реформы 1861 года и положение крестьян-переселенцев / П.А. Шацкий // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1964. – Вып. 11 – С. 197-214.

295. Шацкий, П.А. Землевладение и землепользование в Ставропольской губернии в 70-90-х годах XIX в. / П.А. Шацкий // Сборник трудов Ставропольского педагогического института. – Ставрополь, 1958. – Вып. 13. – С. 105-135.

296. Шацкий, П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани / П.А. Шацкий // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. – Рига: Издательство Академии наук Латвийской ССР, 1963. – С. 501-510.

297. Шацкий, П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861-1905 гг.: (Историческое исследование) / П.А. Шацкий // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. – Ставрополь, 1970. – С. 3-320.

298. Шебзухова, Ф.Х. Земельный вопрос и земельные отношения у северо-западных адыгов после окончания Кавказской войны / Ф.Х. Шебзухова // Кавказская война: уроки истории и современность / Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред А.Ю. Чирг, А.С. Хунагова и др. – Майкоп: АРИГИ им. Т.М. Керашева, 2006. – С. 705-715.

299. Шершенко, А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Вып. I. Кубанская область. Статистический очерк / А.И. Шершенко // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Ставрополь: Типография наследников Берк, 1906. – Т. 1. – С. 1-138.

300. Щербина, Ф.А. История земельной собственности у казаков / Ф.А. Щербина // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1. С. 87-123.

301. Щербина, В.А. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений по бассейнам рек: Пшехи, Пшиша и Псекупса в Закубанском уезде Ку-

банской области / В.А. Щербина // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1891. – Т. 2. – С. 1-54.

302. Щукин, И.С. Из поездок по верхней Кубани / И.С. Щукин // Землеведение. – М., 1914. – Кн. III. – С. 1-36.

303. Щукин, И.С. Материалы для изучения карачаевцев / И.С. Щукин // Русский антропологический журнал. – М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913. – № 1-2. – С. 29-98.

304. Юракова, О.В. Греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе. Середина XIX – начало XX вв. / О.В. Юракова // Кубанский сборник. – Краснодар, 2012. – Т. IV(25). – С. 271-291.

305. Юшкин, Е. Баталпашинские горькосолёные озера / Е. Юшкин // Горные богатства Кубанской области. – Екатеринодар: Издание Куб. обл. правления, 1912. – Вып. II. – С. 68-77.

Диссертации и авторефераты диссертаций

306. Алексеев, Н.А. Рабочие Кубанской области и Черноморской губернии в условиях догоняющего развития капитализма: 1861-1904 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Алексеев. – Ставрополь, 2010. – 30 с.

307. Батаева, Е.М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России (1861-1914 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Е.М. Батаева. – Ставрополь, 2005. – 27 с.

308. Беликов, А.В. Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук / А.В. Беликов. – Майкоп, 2002. – 260 с.

309. Бесленеев, А.Д. Развитие сельского хозяйства в горских районах Кубанской области в пореформенный период (1868-1900 гг.). Дис. ... канд. ист. наук / А.Д. Бесленеев. – М., 1970. – 223 с.

310. Герман, О.Б. Правовое положение казачества и крестьянства Юго-Востока Европейской России в 1861-1920 гг. Автореферат дис. ... докт. юрид. наук / О.Б. Герман. – Краснодар, 2004. – 57 с.

311. Годовова, Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... докт. ист. наук / Е.В. Годовова. – Самара, 2018. – 532 с.

312. Громов, В.П. Население степного Предкавказья (Ставропольской губернии и Земли Черноморского войска) в последней четверти XVIII - первой половине XIX вв.: формирование, социальный состав. Дисс. ... канд. ист. наук / В.П. Громов. – Ростов-на-Дону, 1983. – 241 с.

313. Данильченко, И.В. Сельское население Кубанской области в пореформенный период: Динамика структуры, общественное и правовое положение 1861-1904 гг. Автореферат... канд. ист. наук / И.В. Данильченко. – Краснодар, 1999. – 20 с.

314. Жданова, Л.А. Купеческая усадьба в социокультурном ландшафте региона. Дис. ... канд. ист. наук / Л.А. Жданова. – Краснодар, 2017. – 222 с.

315. Крюков, А.В. Религиозные секты на Кубани: становление, внутреннее развитие, взаимоотношения с государственными и общественными институтами (30-е гг. XIX в. - 1917 г.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук / А.В. Крюков. – Краснодар, 2004. – 27 с.

316. Мушегян, С.В. Правовое регулирование земельных отношений на Кубани в конце XVIII - начале XX века. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Мушегян. – Майкоп, 2002. – 26 с.

317. Ратушняк, В.Н. Товарное производство в сельском хозяйстве Кубанской области в конце XIX - начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.Н. Ратушняк. – М., 1974. – 25 с.

318. Рыбко, С.Н. Деятельность Русской Православной церкви в Кубанской области (1860-1917 гг.): управление, церковная жизнь, духовное образование, просвещение. Автореферат дис. ... канд. ист. наук / С.Н. Рыбко. – Краснодар, 2011. – 26 с.

319. Сидоренко, Т.Н. Возникновение и развитие кооперации на Кубани, вторая половина XIX - 1920 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.Н. Сидо-

ренко. – Краснодар, 2000. – 24 с. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.business-kuban.ru/istoriya-kubani/kooperatsiya-na-kubani> (дата обращения: 22.12.2018).

320. Трехбратов, Б.А. Сельскохозяйственные рабочие Кубанской области в пореформенный период (1861-1904 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Б.А. Трехбратов. – Краснодар, 1973. – 26 с.

321. Трехбратова, С. А. Генезис народного просвещения на Кубани конца XVIII - начала XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук / С.А. Трехбратова. – Ставрополь, 1996. – 21 с.

322. Узденова, А.Ю. Аграрные реформы в Карачаево-Черкесии во второй половине XX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук / А.Ю. Узденова. – Пятигорск, 2011. – 27 с.

323. Умерова, Г.М. Историко-правовой анализ земельных отношений на Юге России в 1861-1918 гг. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Г.М. Умерова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.

324. Шацкий, П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861-1905 гг. (Историческое исследование). Автореферат дис. ... докт. ист. наук / П.А. Шацкий. – Л., 1970. – 47 с.

325. Шебзухова, Т.А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России: 60-е гг. XIX - начало XX вв.: опыт системного анализа. Автореферат дис. ... докт. ист. наук / Т.А. Шебзухова. – М., 2002. – 50 с.

326. Шепелева, А.С. Формирование социокультурных и политических интересов населения Северного Кавказа в начальный период индустриальной модернизации России (1897-1913 гг.). На примере Кубани и Ставрополья. Автореферат дис. ... канд. ист. наук / А.С. Шепелева. – М., 2000. – 19 с.

327. Юракова, О.В. Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. - 1917 г.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук / О.В. Юракова. – Краснодар, 2010. – 26 с.